

№ 3 КЗ.

ВЕШНЯЯ ВОДА.

Научно - литературно - художественный журнал.

I (сентябрь) 1914.

Под редакцией студента **Ник. Навалихина.**

ПЕТРОГРАДЪ.
Отечественная типография, Шпалерная, 26.
1914.

Н. Навалихин

I.

Петроградъ, 1-го сентября 1914 года.

Съ первыхъ дней общеевропейской войны нѣкоторыя газеты, издающіяся въ Россіи, одновременно съ яркимъ описаніемъ нѣмецкихъ звѣрствъ — и въ утреннихъ и въ вечернихъ выпускахъ стали усиленно помѣщать, и нынѣ не менѣе старательно и настойчиво помѣщаютъ, статьи, замѣтки и телеграммы, въ которыхъ разсказывается о различнаго рода недостаткахъ Германіи, о ея слабыхъ сторонахъ. „Видъ нѣмецкихъ солдатъ изнуренный“, „попадаются плѣнные, не ѣвшие по три-четыре дня“, — „нѣмецкія орудія плохо стрѣляютъ“, „большинство снарядовъ не разрывается“, „кавалерія нѣмецкая вообще слабая“, „воздушные нѣмецкіе корабли (цеппелины) всѣ нами перестрѣляны“... У русскаго общества подъ вліяніемъ этого систематическаго, каждодневнаго внушенія слагалось вполне опредѣленное понятіе о нѣмцахъ. Слагалось это понятіе какъ у тѣхъ, кто оставался дома, такъ и у тѣхъ, кто шелъ на войну, кто шелъ „бить нѣмцевъ“.

Въ суматохѣ мобилизаци, первыхъ вѣстей съ войны, первыхъ впечатлѣній, — гдѣ тутъ слѣдить за желтыми листками, своимъ стремительнымъ потокомъ захлестывающимъ Россію. Никому и въ голову не приходило внимательнѣе прислушаться къ ихъ тону, громко задать вопросъ: да почему же это у нѣмцевъ все такъ изъ рукъ вошь плохо? Коли они первые объявили намъ войну, — не мѣшало бы имъ приготовиться къ ней... Наконецъ, гдѣ же результаты тѣхъ маневровъ, которые, по приказанію кайзера, производились въ Германіи ежегодно то тутъ, то тамъ?..

Вотъ вопросы, которые оставались въ полномъ забвеніи. Всѣ твердили, со словъ безчисленныхъ „вечерокъ“, одно—„нѣмецъ чувствуетъ себя мерзко“, „нѣмецъ плохо стрѣляетъ“, „нѣмецъ голодаетъ“, „нѣмецъ охотно сдается въ плѣнъ“. И все это — красочно. И все это—сочными яркими мазками,—залихватски, съ улюлюканіемъ, съ надоѣдливымъ, вездѣсущимъ, крикливымъ, шмыгающимъ:—„Экстренная телеграмма!.. Самый послѣдній выпускъ!.. Двѣ копейки!.. Нѣмцы сдаются въ плѣнъ!.. Экстренная телеграмма!..“

На самомъ же дѣлѣ Германія оказалась, какъ теперь это выяснилось, достаточно подготовленной къ общевропской войнѣ. Видѣ германскихъ солдатъ далеко не изнуренный, не убогій,—попавшіе къ намъ плѣнные голодали по три-четыре дня не потому, что въ германской армии не было съѣстныхъ припасовъ, а потому, что эти солдаты случайно попали въ болото или засаду,—орудія нѣмецкія стрѣляютъ не такъ ужъ плохо, у нихъ даже есть такія пушки, сила боя которыхъ превосходитъ пушки нѣкоторыхъ государствъ согласія (мортиры 16,8 дюйма, бьющія на 16 верстъ),—ихъ снаряды прекрасно разрываються, а что касается воздушныхъ кораблей—у нихъ въ настоящее время имѣется цѣлая эскадра изъ 32 цеппелиновъ! Мало этого,—производство ржи въ Германіи доходить до 11 милліоновъ тоннъ при потребленіи всего въ 9,7 милл. тоннъ. Овса Германія также больше вывозитъ, чѣмъ ввозитъ (при производствѣ около 8 милл. тоннъ). Правда, урожай пшеницы за послѣдніе годы исчислялся тамъ въ цифрѣ около 4 милл. тоннъ, при потребленіи въ 6,2 милл. тоннъ (по даннымъ 1913 года), но недостатокъ пшеницы Германія, безъ особаго ущерба для своего здоровья, можетъ смѣло замѣнить рожью.

Такимъ образомъ, выходитъ, что желтые листки, вдохновляемые *Reptilien*-фондомъ, лгали, когда, смакуя, описывали „слабости“ германскія. Ихъ расчетъ былъ таковъ: преувеличить отрицательныя стороны непріятеля и тѣмъ самымъ усыпить бдительность русскаго человѣка, обнадежить его, внушить ему извѣстную самоувѣренность

и пренебреженіе къ врагу,—заставить русскаго воина относиться къ непріятелю, поставившему на карту свое существованіе, съ недостаточной осторожностью. Къ чему все это дѣлалось? Вопросъ настолько ясенъ, что не требуетъ отвѣта. Офіціальныя донесенія Верховнаго Главнокомандующаго и сообщенія Главнаго Штаба безъ лишннихъ словъ спредѣленно указываютъ на полную готовность Германіи къ начатой войнѣ. *Упорные* бои, которые все еще продолжаются на южномъ фронтѣ Варшавскаго военнаго округа, ясно говорятъ о качествахъ нѣмецкихъ пушекъ.

Объ австрійцахъ и упоминать не станемъ. Ихъ дѣла безнадежно плохи,—иначе, впрочемъ, и быть не можетъ.

Длительность, — вотъ гдѣ, дѣйствительно, слабая сторона Германіи. Нѣмцы не выдержатъ длительной войны,—лишь молніеносный натискъ можетъ дать имъ побѣду. Но онъ скомканъ. То величайшее напряженіе всѣхъ своихъ силъ, которое переживаетъ сейчасъ Германія, долго не можетъ длиться. Быстрота ея наступательнаго движенія несетъ побѣду ей, промедленіе—смерти подобно. И это нѣмцы прекрасно сознаютъ. Вотъ почему они лавиной обрушились на Францію, въ сторсну меньшаго сопротивленія.

Война затягивается. Мириться съ Вильгельмомъ II никто не хочетъ и не долженъ. Послѣднія минуты германской имперіи настаютъ. Только больше выдержки, больше методичности, всѣми мѣрами старайтесь продлить войну—и Германія сласть.

Россіи въ разгорѣвшейся общеевропейской войнѣ особенно торопиться нечего. Наши расчеты должны быть строго обдуманы, взвѣшены. Увлекаться погоней за отступавшимъ врагомъ не слѣдъ. Будемъ итти медленно, спокойно, твердо, съ холодной и неумолимой расчетливостью. Наше движеніе на Германію должно уподобляться гранитной скалѣ, которая, въ слѣдствіе стихійныхъ причинъ, вдругъ сошла со своего насиженнаго мѣста и стала медленно, спокойно ползти впередъ. И безумецъ тотъ, кто вздумаетъ остановить ее или столкнуть съ намѣченнаго пути.

Высочайшій манифестъ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ,

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

Царь Польскій, Великій Князь Финляндскіи,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ:

Слѣдуя историческимъ своимъ завѣтамъ, Россія, единая по вѣрѣ и крови съ славянскими народами, никогда не взирала на ихъ судьбу безучастно. Съ полнымъ единомысліемъ и особою силою пробудились братскія чувства русскаго народа къ славянамъ въ послѣдніе дни, когда Австро-Венгрія предъявила Сербіи завѣдомо неприемлемыя для державнаго государства требованія. Презрѣвъ уступчивый и миролюбивый отвѣтъ сербскаго правительства, отвергнувъ доброжелательное посредничество Россіи, Австрія поспѣшно перешла въ вооруженное нападеніе, открывъ бомбардировку беззащитнаго Бѣлграда. Вынужденные, въ силу создавшихся условій, принять необходимыя мѣры предосторожности, Мы повелѣли привести армію и флотъ на военное положеніе, но, дорожа кровью и достояніемъ нашихъ подданныхъ, прилагали всѣ усилія къ мирному исходу начавшихся переговоровъ. Среди дружественныхъ сношеній союзная Австріи и Германія,

вопреки Нашимъ надеждамъ на вѣковое доброе сосѣдство и не внемля завѣренію Нашему, что принятыя мѣры отнюдь не имѣютъ враждебныхъ ей цѣлей, стала домогаться немедленной ихъ отмѣны и, встрѣтивъ отказъ въ этомъ требованіи, внезапно объявила Россіи войну. Нынѣ предстоитъ уже не заступаться только за несправедливо обиженную родственную намъ страну, но оградить честь, достоинство, цѣлость Россіи и положеніе среди великихъ державъ. Мы непоколебимо вѣримъ, что на защиту Русской земли дружно и самоотверженно встанутъ всѣ вѣрные Наши подданные. Въ грозный часъ испытанія да будутъ забыты внутреннія распри, да укрѣпится еще тѣснѣе единеніе Царя съ Его народомъ и да отразитъ Россія, поднявшаяся, какъ одинъ человѣкъ, дерзкій натискъ врага.

Съ глубокою вѣрою въ правоту Нашего дѣла и смиреннымъ упованіемъ на Всемогущій Промыселъ, Мы молитвенно призываемъ на Святую Русь и доблестные войска Наши Божіе благословеніе.

Данъ въ С.-Петербургѣ, въ двадцатый день іюля, въ лѣто отъ Рождества Христова 1914, Царствованія же Нашего въ двадцатое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„НИКОЛАЙ“.

Дневникъ отечественной войны 1914 года.

Разгорѣвшаяся общеевропейская война всколыхнула всѣ народы, въ свой стремительный водоворотъ втянула буквально всѣ великія державы Стараго Свѣта. Свершилось то, что давно назрѣвало, что рано или поздно неизбежно должно было свершиться. Атмосфера оказалась слишкомъ сгущенной,—два-три неосторожныхъ поступка, рѣзкихъ жестовъ, двѣ-три недостаточно продуманныхъ фразъ—и громъ грянулъ... Мы не собираемся въ настоящемъ Дневникѣ разбирать тѣ причины, которыя побудили Вильгельма II Безумнаго такъ неосторожно поднять свой бронированный кулакъ,—это дѣло будущаго, дѣло историка. На этихъ страницахъ мы, насколько позволятъ намъ наши силы, время и, главнымъ образомъ, мѣсто въ отведенномъ отдѣлѣ, будемъ давать—съ одной стороны сводку выдающихся событій за истекшій мѣсяць, съ другой—всѣ тѣ безусловно точныя и строго проверенныя данныя, которыя имѣютъ прямое отношеніе къ войнѣ,—напримѣръ, свѣдѣнія о морскихъ силахъ великихъ державъ—Англии, Франціи, Германіи, Италіи, Австро-Венгрии, Японіи и Соединенныхъ Штатовъ.

Нашъ Дневникъ, такимъ образомъ, дастъ читателю возможность сразу схватывать положеніе вещей въ данный моментъ. Передъ его глазами пройдетъ яркая картина текущихъ событій,—картина, набросанная всего двумя-тремя штрихами. Ничего лишняго!—вотъ девизъ Дневника.

Если читатель найдетъ что-либо лишнее въ немъ, или, наоборотъ, что-либо недостающее,—редакція «Вѣстникъ Воды» будетъ весьма благодарна, если ей объ этомъ будутъ сообщать, хотя бы на открыткахъ, а лучше въ обстоятельномъ письмѣ.

Ходъ общеевропейской войны.

Первыя стычки русскихъ съ нѣмцами происходили въ ночь съ 19 на 20 іюля,—въ районахъ Калишской, Ломжинской и Сувалкской губерній. Непріятельскіе отряды заняли 19 іюля Вендинъ и Калишъ, а 20-іюля—Ченстоховъ, которые были оставлены русскими войсками безъ сопротивленія.

23-го іюля передовыя части русскихъ войскъ изъ Сувальской губерніи перешли германскую границу, не встрѣтивъ сопротивленія.

24-го іюля **Австрія объявила войну Россіи.**

Въ ночь на 25-ое русскія войска заняли Эйдкуненъ.

26-го іюля австріицы перешли русскую границу у Баранова и въ предѣлахъ Подольской губернии.

27-го іюля французскія войска вступили въ Мюлузу.

Черногорскія войска взяли приступомъ Металку, заняли Будву.

Британскія войска на Золотомъ берегу заняли портъ Ломэ въ германской колоніи Того, въ Африкѣ.

Русскія войска вступили на австрійскую территорію въ долину рѣки Стыри, вытѣснивъ австріицевъ.

28-го іюля между Берестечкомъ и Почаевомъ произошелъ бой между русскими и австрійскими войсками, которыя отступили въ Радзивиловъ.

Нѣмцы заняли городъ Льежъ.

29-го іюля **Франція объявила войну Австро-Венгріи.**

Радзивиловъ очищенъ австріицами.

Передовыя отряды германскихъ войскъ заняли Сьрадзь и Коцепошь.

30-іюля германскіе крейсера «Goeben» и «Breslau» укрылись въ Дарданеллахъ, куплены турками и переименованы въ «Султанъ Селимъ» и «Медилъ».

Черногорцы заняли Джебичъ и вошли въ соприкосновеніе съ сербскими войсками.

Чехія объята возстаніемъ. Городъ Прага разоренъ. Разстрѣляно до 30.000 чловѣкъ.

Въ Голландіи объявлено военное положеніе.

31-го іюля **Англія объявила войну Австро-Венгріи.**

Произошелъ большой бой на рѣкѣ Отенъ. Германскія войска отступили. Французы взяли 1.000 плѣнныхъ, 3 орудія, три пулемета.

1-го августа казакъ хутора Нижній-Колмыкосъ, Козьма Крючковъ одинъ убилъ 11 нѣмцевъ, получивъ 16 ранъ пикой въ себя и 11 — въ лошадь.

Линія фортовъ Льежа все еще держится.

2-го августа французы заняли городъ и горный проходъ Сааль.

3-го августа въ Адриатическомъ морѣ французами разбита австрійская эскадра.

Около 200 австріицевъ, переправлявшихся черезъ Дунай у Корсова, были атакованы у Теки сербами и почти поголовно уничтожены.

5-го августа отбиты попытки австрійскихъ войскъ захватить Владиміръ-Волинскій.

Русскія войска взяли Бѣлжець.

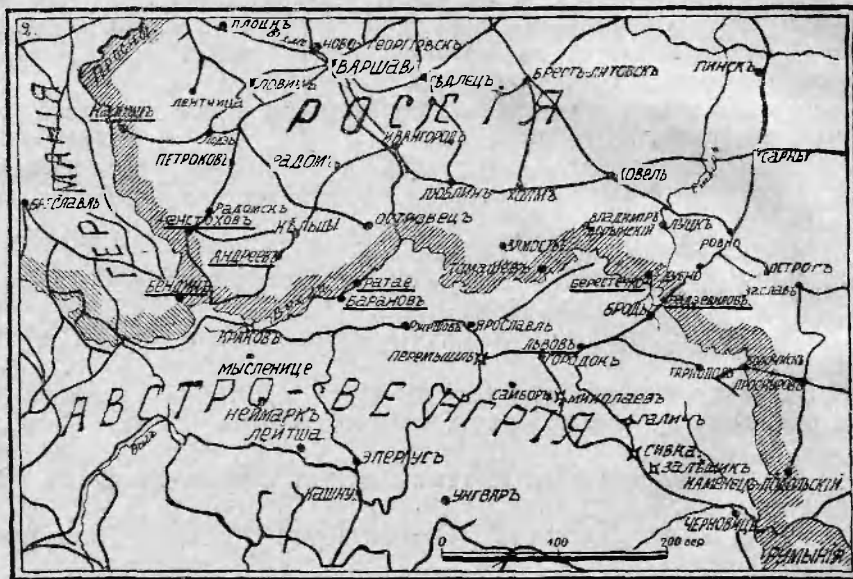
Бельгійское правительство перѣхало въ Антверпенъ.

6-го августа при Красникѣ русскія войска отбили непріятельскій отрядъ, перешли въ наступленіе и взяли въ плѣнъ 6 офицеровъ и 250 солдатъ.

7-го августа русскія войска заняли селеніе Гумбиненъ, захватили у нѣмцевъ 12 орудій и много плѣнныхъ.

Французскія войска послѣ штыкового боя заняли Мюльгаузенъ.

8-го августа русскія войска, перейдя рѣку Збручъ, вступили на австрійскую территорію.

Сербы разбили на голову австрійцевъ на рѣкѣ Ядаръ и на южной равнинѣ Церъ.

Германская кавалерія заняла Брюссель, бельгійская армія отступила къ Антверпену.

Мароккскій султанъ объявилъ войну Германіи и Австріи.

9-го августа русскія войска въ Восточной Пруссіи разбили германскую армію. Города Гольдапъ и Арисъ заняты нами.

10-го августа русскія войска въ Восточной Пруссіи заняли города Юганисбургъ, Ортельсбургъ, Вилленсбургъ и Сольдау.

Японія объявила войну Германіи.

12-го наши войска заняли Инстербургъ и Ангенбургъ. Сербы вновь заняли Шабаць.

13-го августа **Австрія объявила войну Японіи.**

Турки при содѣйствіи нѣмцевъ мобилизуются.

14-го русскими войсками занятъ Тильзитъ.

15-го послѣ трехдневнаго сраженія русскими войсками занятъ Алленштейнъ, въ Восточной Пруссіи.

16-го августа **Австрія объявила войну Бельгіи.**

Британскій флотъ у Гельгоlanda имѣлъ бой съ германскими крейсерами. Три германскихъ крейсера уничтожены.

17-го германскій армейскій корпусъ уничтоженъ войсками генерала По.

18-го и 19-го августа въ бою противъ австрийцевъ русскія войска повсюду отбросили непріятели. Захвачено много орудій, знамя и тысячи плѣнныхъ.

20-го русская армія генерала Рузскаго одержала блестящую побѣду подъ Львовомъ. Захвачено 150 орудій. Австрийцы бѣгутъ въ безпорядкѣ. Австрийскія войска потерпѣли поражение при Вучидолѣ. Черногорцы преслѣдуютъ ихъ.

21-го августа русскіе вновь одержали блестящую побѣду. Армія ген. Рузскаго взяла Львовъ.

Армія Брусилова заняла Галичъ. Французскія правительственныя учрежденія переехали изъ Парижа въ Бордо.

22-го русская конница произвела развѣдки у Алленштейна. Нѣмцы бомбардировали Малинъ и произвели въ городѣ ужасныя опустошенія.

23-го августа. Авангардъ нѣмецкой арміи въ 40 верстахъ отъ Парижа.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Флоты великихъ державъ.

Англія.

Линейныхъ кораблей 58, изъ коихъ—Марльборо, Айронъ Дюкъ и Аякъ являются новѣйшими, постр. въ 1912 г. Артиллерійское вооруженіе 13½ д., 12 ор.—6 д. и 6 ор.—47 мм. Первые два имѣютъ водоизмѣненіе—28,000 тоннъ, при осадкѣ 27,5. Команда 900 чел.

Центуріонъ, Кингъ Джоржъ V, Конкероръ, Монархъ и Тендереръ постр. въ 1911 г. Водоизм.—23,000 т. Осадка—27,5. Арт. воор. 10—13½; 16—4; 4—47 мм. Ком.—900 чел.

Оріонъ и Колоссъ постр. въ 1910 г. Водоизм.—20,300 тоннъ. Осадка—26,9. Скорость хода—21,5. Арт. воор. 10—12; 16—4; 4—47 мм. Команда 900 чел.

Нептунъ и Вангардъ постр. въ 1909 г. Первый водоизм.—20,200 т. второй—23,400 т. Осадка обоихъ—26,9. Воор. перваго—10—12; 16—4; 4—47 мм. Воор. втораго—10—12; 18—4; 4—47. У всѣхъ по пяти пулеметовъ и отъ 3 до 8 минныхъ аппаратовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

À propos.

Дѣлитесь съ нами своими впечатлѣніями, присылайте намъ свои замѣтки, и о войнѣ и о сельскомъ хозяйствѣ, о литературѣ—современной и прошлой, русской и иностранной,—присылайте, намъ свои воспоминанія, забытыя, старыя, рукописи, письма, фотографіи,—все то, что имѣетъ отношеніе къ живой жизни, волнующейся, все чего то ищущей, то грустно печальной, то звонко веселой, то мрачно холодной, жестокой, кошмарной, то безмятежно тихой, ровной и примиренной, какъ вечерній звонъ.

Программа нашего журнала—широка. Искусство, наука, литература, сливаясь въ одномъ стихійномъ аккордѣ, замыкаясь волшебнымъ,—даже больше—таинственнымъ словомъ *жизнь*, даютъ читателю возможность коснуться любой струны въ своей душѣ.

СОДЕРЖАНІЕ

научно - литературно - художественнаго
сборника

ВѢШНЯЯ ВОДА.

Подъ редакціей Мих. Спасовскаго.

- I. Передовица. Маленькая исторія одного маленькаго кружка. À propos.
 - II. **Идеаль.** Стихотвореніе Н. Б. Ходоки,—эскизъ Н. Полтавца. „Есть души“... Стих. студента А. В. Жуковскаго. **Война и человѣчество.**—эскизъ студ. Мих. Спасовскаго. **Въ защиту поэзіи.**—стих. В. Прохоровичъ. **Мысли.**—студ. Вяч. Игнатовича. **Наборщикъ Нечаевъ.**—разсказъ студ. Н. Полтавца. **Романсъ.**—стих. Вяч. Игнатовича. **Гекзаметръ.**—Н. Б. **Судъ по дѣламъ малолѣтнихъ.**—очеркъ студ. Н. Иваницкаго. „Когда встаетъ туманъ“... Стих. А. В. Жуковскаго, **Вѣра и жизнь.**—рефератъ студ. Ник. Муратова. **Туча.**—стих. Вяч. Игнатовича. **Попурри поцѣлуевъ.**—Novellen von Marie Madeleine: Allegretto и Stoccatto. **Роза.**—стих. въ прозѣ Вяч. Игнатовича. **О современномъ писательствѣ,**—литературныя замѣтки Мих. Спасовскаго. **Горячее сердце.**—стих. Н. Б.
 - III. Евреи передъ судомъ исторіи,—маленькая энциклопедія.
- Живыя искорки. Графъ и юридивый.** Почти фактъ,—Михаила С. **Модернь.**—стих. Вячеслава И.
- Цѣна въ отдѣльной продажѣ 1 рубль. Продается во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ и въ Главной Конторѣ журнала „Вешняя Воды“ (7-ая Рождественская, 4). Выписывающе наложеннымъ платежомъ, приплачиваютъ за пересылку—25 коп.

ВЕШНЯЯ ВОДА имѣются во всѣхъ бесплатныхъ городскихъ читальняхъ Россійской Имперіи, въ библіотекахъ всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніи, мужскихъ и женскихъ.

Въ случаѣ ненахожденія нашего журнала гдѣ-либо изъ вышеуказанныхъ мѣстъ, просимъ извѣстить Главную Контору, и издание будетъ высылаться туда съ ближайшаго № совершенно бесплатно.

Издатель М. М. Спасовскій принимаетъ по понедѣльникамъ и четвергамъ только отъ 11 час. до 1 часу дня. Тел. 67—74.

Пробный номеръ журнала „Вешняя Вода“ (свыше 100 страницъ), подъ редакціей Ник. Паваликина, — продается въ книжныхъ магазинахъ и у газетчиковъ. **Требуйте вездѣ!** Цѣна — 25 коп., съ пересылкой — 40 коп. (можно почтовыми марками, только мелкаго достоинства).

Годовой подписчикъ „Вешнихъ Водъ“ имѣетъ право одинъ разъ помѣстить совершенно **бесплатно** въ любомъ номерѣ журнала (послѣ текста) объявленіе размѣромъ своимъ, однако, не превышающимъ 1/6 страницы.

Лицъ, присылающихъ письма и рукописи для „Вешнихъ Водъ“, покорнѣйше просятъ адресовать таковыя не на имя отдѣльныхъ лицъ, принадлежащихъ къ составу редакціи, а **исключительно въ редакцію „Вешнихъ Водъ“.**

Да простятъ намъ наши читатели, если **Вешняя Вода** выходятъ съ маленькимъ опозданіемъ. Редакція прилагаетъ всѣ усилія, чтобы журналъ выходилъ во время. Разыгравшаяся война выдвинула много непредвидѣнныхъ обстоятельствъ (сокращеніе рабочихъ въ типографіяхъ, вслѣдствіе мобилизаціи и мн. др.).

— Какого направленія „Вешняя Вода“...?

На этотъ наивный вопросъ мы можемъ отвѣтить лишь одно — словами Пушкина:

„...Дорогою свободной

Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ!“

Вотъ нашъ девизъ.

Издатель В. О. Игнатовичъ принимаетъ на Пет. Ст. Успенскій пер., д. 7, кв. 1 (тел. 510—50) по вторникамъ отъ 12-ти до 1 часу дня.

Письма въ редакцію.

I.

Товарищи по школь!

Всю Русь облетѣла вѣсть о славномъ подвигѣ казака Козьмы Крючкова, собственноручно уничтожившаго 11 нѣмцевъ, получившаго 16 ранъ и первымъ награжденнымъ орденомъ св. Георгія. Въ комъ изъ насъ не забилося радостно сердце и не наполнилось чувствомъ благоговѣнія передъ мощью народнаго богатыря? Пусть каждый воинъ проникнется отвагой героя-казака. А мы, не принимающіе пока личнаго участія въ военныхъ дѣйствіяхъ при защитѣ Родины, спѣшимъ призывомъ ко всѣмъ школьнымъ товарищамъ принести свою посильную лепту въ распоряженіе храбреца Козьмы Крючкова. Пусть знаетъ онъ и его соратники, что ихъ подвиги оцѣнитъ каждый истинный сынъ Россіи, любящій ее и дорожащій ея могуществомъ. Быть можетъ нашъ скромный починъ вызоветъ откликъ у всѣхъ русскихъ гражданъ и дастъ поводъ образовать «національный фондъ для выдачи пособій георгиевскимъ кавалерамъ европейской войны и ихъ семьямъ», изъ которыхъ выходятъ такіе отважные защитники отечества, какъ Крючковъ.

Группа учащихся въ средней школѣ.

Прилагаемъ 5 руб., каковыя просимъ отослать по принадлежности.

Просимъ другія газеты перепечатать это письмо.

II.

Вмѣсто водки.

Къ правительству обращена общая мольба всей Россіи: не открывайте продажу водки. Нѣтъ сомнѣнія, что правительство сознаетъ весь ужасъ пополненія средствъ казны путемъ пьянства. Но передъ нимъ встаетъ неразрѣшимая задача: откуда взять миллиардъ рублей дохода, который давала водка. Отыскать сейчасъ такой гигантскій источникъ дохода невозможно. Но чего не можетъ сдѣлать правительство своими сред

ствами, то можетъ сдѣлать общественная сила. Предлагаемый уже путь добровольныхъ пожертвованій не даетъ твердой увѣренности въ успѣхѣ. Надо избрать путь болѣе твердый и способъ привлеченія въ казну средствъ правильно организованный. Такимъ путемъ будетъ специальный внутренній заемъ съ билетами стоимостью отъ десяти рублей. Такой заемъ распространится во всю толщу населенія, и необходимыя средства будутъ получены съ избыткомъ. Я заявляю, что въ случаѣ выпуска такого займа обязуюсь купить десять десятирублевыхъ билетовъ. Предлагаю всѣмъ сочувствующимъ этой мысли немедленно черезъ посредство печати высказаться о своей готовности и размѣрахъ суммы, опредѣляемой на покупку билетовъ «Трезваго займа». Прошу органы печати столичные и провинціальныя перепечатать мое заявленіе. Такимъ путемъ правительство очень быстро получитъ свѣдѣнія о возможномъ успѣхѣ займа и можетъ немедленно приступить къ его осуществленію.

Идите на помощь государственному казначейству, ибо мы поможемъ Родинѣ сберечь ея силы, и въ трезвости духа и тѣла завершить стоящія передъ нею историческія задачи.

И. Никаноровъ.

III.

М. Г.—Господинъ редакторъ!

Не откажите въ ближайшемъ номерѣ вашей уважаемой газеты напечатать слѣдующее:

Къ начальникамъ и преподавателямъ средней школы.

Коллеги!

На войну призваны многіе товарищи-преподаватели, служившіе по найму. Ихъ семьи и родственники остались безъ всякихъ средствъ: мѣста за ними не оставляются, содержанія они лишаются. Неужели мы не отзовемся и не придемъ на помощь! Посмотрите кругомъ: крестьяне «міромъ» убираютъ поля ушедшихъ на войну, то же въ заводахъ, въ канцеляріяхъ. Неужели мы остаемся безучастной къ положенію нашихъ товарищей ушедшихъ, по призыву Царя, грудью защищать отечество. Возьмемъ на себя бесплатно исполненіе ихъ обязанностей! Предлагаемъ немедленно всѣмъ педагогическимъ совѣтамъ возбудить ходатайства предъ господиномъ министромъ народнаго просвѣщенія, во первыхъ, о предоставленіи оставшимся преподавателямъ права бесплатно исполнять обязанности взятыхъ на войну учителей, во-вторыхъ, объ оставленіи за ушедшими мѣстъ и содержанія. Этнмъ мы исполнимъ свой долгъ.

Преподаватели.

Просимъ другія газеты перепечатать это.

IV.

Въ Жлобинѣ я сѣлъ въ поѣздъ, идущій прямымъ сообщеніемъ въ Петроградъ. Будучи пассажиромъ 1-го класса я, войдя въ вагонъ, справился у проводника, есть ли свободное мѣсто. Оказалось въ купе № 1 находятся три пассажира. Войдя въ купе и увидя, что тамъ находятся двѣ дамы и господинъ, я попросилъ разрѣшенія повѣсить свое пальто, на что отъ находившагося тамъ господина получилъ отвѣтъ: Я членъ Государственнаго Совѣта и имѣю право занимать лично купе». Не желая вступать въ пререканія, я просилъ проводника разыскать гдѣ либо мѣсто, чтобы можно было положить мой багажъ (ручной чемоданчикъ) и повѣсить стѣсняющее меня пальто. Слѣдующее купе оказалось занятымъ членомъ Думы, купившимъ два мѣста — разрѣшенія пристроиться мною также получено не было. Лишь въ третьемъ купе, гдѣ ѣхалъ генераль съ большой женой, мнѣ было разрѣшено повѣсить пальто и положить вещи. До Витебска, несмотря на мѣста въ первомъ купе, гдѣ, кстати, кромѣ члена Г. Совѣта и двухъ дамъ путешествовалъ еще бульдогъ, мнѣ пришлось сидѣть въ коридорѣ.

Въ Витебскѣ въ поѣздъ сѣло много пассажировъ. Во всѣ купе 1-го класса помѣстились пассажиры, въ маленькія купе по три, въ большія по шести и болѣе.

Въ купе № 1 помѣстились также еще четыре пассажира, въ томъ числѣ два военныхъ въ генеральской формѣ и двѣ дамы. Пришедшій членъ Г. Совѣта потребовалъ начальника станціи, выселилъ изъ своего купе одного изъ генераловъ съ дамами и согласился лишь на присутствіе другого генерала, оказавшагося также членомъ Гос. Совѣта. Вагоны до того были переполнены, что нѣсколькимъ дамамъ съ малыи дѣтьми пришлось всю ночь просидѣть въ коридорѣ въ то время, какъ членъ Г. Совѣта съ бульдогомъ пользовались полнымъ удобствомъ.

Въ то время, какъ всюду нынѣ слышится о томъ, что всѣ невзгоды, военнымъ временемъ, переживаются всѣми безъ всякихъ различій положенія одинаково, когда всѣ другъ другу идутъ на помощь, мнѣ кажется будетъ умѣстно назвать по фамиліи того, кто не умѣетъ приспособиться къ данному времени—это членъ Гос. Совѣта баронъ Ю. А. Икскуль фонъ- Гильденбандтъ.

Н. В.

Пассажиръ 1-го класса.

Студенческий справочник.

Условия приема на Петроградские Высшие Женские Историко-Литературные и Юридические курсы.

Петроградъ, Гороховая, 20.

„Высшие Женские Историко-Литературные и Юридические Курсы“ открыты въ Петроградѣ на основаніи ВЫСОЧАЙШАГО повелѣнія 3 декабря 1905 г. Курсы состоятъ изъ двухъ факультетовъ: Историко-Литературнаго и Юридическаго.

По разъясненіи Министерства Народнаго Просвѣщенія отъ 4 сентября 1913 г. за № 37606, слушательницы, представившія удостовѣренія о прослушаніи курса наукъ на Историко-Литературныхъ и Юридическихъ Высшихъ Женскихъ Курсахъ, допускаются къ экзаменамъ въ государственныхъ испытательныхъ комиссияхъ на тѣхъ же основаніяхъ, что и лица, получившія выпускное отъ университетовъ свидѣтельство, т. е. Курсамъ предоставлены полныя права.

На Историко-Литературномъ факультетѣ читаются:

1) Богословіе, 2) Введеніе въ философію, 3) Исторія древней и новой философіи, 4) Логика, 5) Психологія, 6) Исторія церкви, 7) Русская исторія, 8) Новая исторія, 9) Средняя исторія, 10) Исторія Востока, 11) Исторія Греши, 12) Исторія Рима, 13) Исторія Славянъ, 14) Исторія Византии, 15) Исторія искусствъ, 16) Введеніе въ языковѣдѣніе, 17) Исторія Русской литературы, 18) Исторія западно-европейскихъ литературъ, 19) Исторія греческой литературы, 20) Исторія римской литературы, 21) Латинскій авторъ, 22) Древне-славянскій языкъ съ палеографіей, 23) Исторія русскаго языка съ діалектологіей, 24) Славянскія нарѣчія и ихъ литературы, 25) Введеніе въ славяновѣдѣніе, 26) Сравнительная грамматика славянскихъ языковъ, 27) Сравнительная грамматика индо-европ. языковъ, 28) Методологія и философія исторіи, 29) Педагогика, 30) Исторія педагогическихъ ученій, 31) Методика преподаванія русскаго языка и исторіи, 32) Англійскій, греческій, латинскій, нѣмецкій и французскій языки.

Деканъ Историко-Литературнаго факультета профессоръ **Ө. А. Браунъ.**

На Юридическій факультетъ въ настоящемъ году приема нѣтъ.

Лекціи читаются примѣнительно къ университетскимъ программамъ.

Преподаваніе распредѣляется на четыре года по каждому факультету.

На курсы принимаются лица безъ различія вѣроисповѣданія.

Желающія поступить въ число слушательницъ присылаютъ заявленія на имя Директора Н. П. Раева (Петроградъ, Гороховая, 20), прилагая подлинный аттестатъ объ окончаніи курса въ гимназіи (прохожденіе 8 кл. необязательно), института, епарх. уч. и т. п., метрическое свидѣтельство, свидѣтельство о политической благонадежности, двѣ фотографическія карточки, марки на отвѣтъ и 25 рублей въ счетъ платы за слушаніе лекцій въ первомъ полугодіи.

Въ вольнослушательницы принимаются и безъ образовательнаго ценза.

На основании закона 19 декабря 1911 года окончившия Историко-Литературные и Юридические Высшие Женские Курсы могут держать экзамены въ государственныхъ комиссияхъ и получать ученые степени доктора и магистра соответствующихъ наукъ.

Плата за слушание лекцій назначается по 75 рублей за полугодіе, а всего сто пятьдесятъ рублей въ годъ. Внесенныя деньги ни въ какомъ случаѣ не возвращаются. Слушательницы, желающія оставить Курсы, обязаны заявить объ этомъ письменно. Не приславши же такого заявленія числятся въ спискахъ слушательницъ и обязаны до подачи заявленія платить за слушание лекцій, хотя бы ихъ и не посѣщали.

Директоръ Курсовъ Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Раевъ.

**Программа Женскихъ курсовъ Высшихъ Архитектурныхъ Знаній
Е. Ф. Багаевой, состоящихъ въ вѣдѣніи Министерства Торговли и
Промышленности.**

Курсъ 4-хъ лѣтній. Принимаются лица женскаго пола съ аттестатами среднихъ учебныхъ заведеній, а также лица съ домашнимъ образованиемъ по экзамену (по математикѣ, ариѳметикѣ, алгебрѣ и геометріи), въ объемѣ курса женск. гимназій.

1-й КУРСЪ.

ТЕОРІЯ.

1. Математика: алгебра, геометрія, тригонометрія. 2. Физика. 3. Химія. 4. Начертательная геометрія 5. Общія начала строительнаго искусства, строительные матеріалы, строительныя работы. 6. Исторія искусствъ.

ГРАФИКА.

1. Рисованіе орнаментовъ. 2. Ситуація (2-ое полугодіе). 3. Архитектурное черченіе въ связи съ изученіемъ стиличныхъ формъ (ордера и монументальная архитектура). 4. Эпюры по начертательной геометріи. 5. Акварель. 6. Стиличная полихромія.

2-й КУРСЪ.

ТЕОРІЯ.

1. Высшая математика. 2. Геодезія. 3. Теорія тѣней и перспектива. 4. Строительное искусство (части зданій). 5. Исторія искусствъ.

ГРАФИКА.

1. Рисованіе вазъ, капителей, масокъ. 2. Рисованіе образцовъ художественной архитектуры 3. Архитектурное черченіе въ связи съ изученіемъ стиличныхъ формъ (ордера, монументальная архитектура и деревянная архитектура). 4. Задачи по теоріи тѣней и перспективъ. 5. Конструктивныя чертежи. 6. Русское зодчество. 7. Акварель. 8. Стиличная полихромія.

3-й КУРСЪ.

ТЕОРІЯ.

1. Теоретическая и прикладная механика. 2. Строительная механика 3. Отопленіе и вентиляція. 4. Сельско-хозяйственная архитектура. 5. Строительное искусство.

ГРАФИКА.

Рисованіе гипсовыхъ головъ и фигуръ. 2. Акварельное рисованіе. 3. Рисованіе образцовъ художественной архитектуры. 4. Композиція орнаментовъ. 5. Композиція предметовъ художественной промышленности. 6. Композиція внутренняго убранства помѣщеній. 7. Композиція архитектурныхъ проектовъ. 8. Русское зодчество.

4-й КУРСЪ.

ТЕОРИЯ.

1. Строительная механика. 2. Санитарное зодчество. 3. Строительное законодѣніе. 4. Анатомія (къ рисов. фигуръ).

ГРАФИКА.

1. Рисование живой природы. 2. Рисование образцовъ художеств. архитектуры. 3. Композиція сложнаго проекта и эскизныхъ. 5. Проектъ и расчетъ стропиль и сводовъ.

Плата за годъ: на 1 и 2 курсахъ по 150 рублей.

„ „ „ „ 3 и 4 курсахъ по 200 рублей.

Плата вносится по полугодіямъ. Внесенная плата обратно не возвращается.

При курсахъ имѣется интернатъ и столовая.

При курсахъ открыты отдѣлы прикладныхъ искусствъ: художественно-промышленный, театрално-декоративный и художественно-педагогическій. Курсъ на всѣхъ отдѣленіяхъ 3-хъ годичный. Въ художественно-педагогическій отдѣлъ принимаются только съ аттестатами среднихъ учебныхъ заведеній.

О пріемѣ на высшіе женскіе курсы въ Москвѣ.

Лица, желающія поступить на высшіе женскіе курсы, подаютъ о томъ прошенія въ теченіе мая или отъ 1 до 10 августа. По почтѣ прошенія принимаются кромѣ того и все лѣто. Прошенія, полученныя позже 10 августа, не разсматриваются.

Прошенія должны быть написаны собственноручно и должны заключать въ себѣ, кромѣ точнаго адреса просительницы, подробныя свѣдѣнія объ избираемомъ факультетѣ и отдѣленіи (курсы раздѣляются на факультеты историко-философскій, медицинскій и физико-математическій, подраздѣляющіеся въ свою очередь на отдѣленія естественное и математическое), о степени знанія иностранныхъ языковъ, о томъ, гдѣ жила и чѣмъ занималась просительница по окончаніи курса.

Подача прошеній на нѣсколько факультетовъ или отдѣленій одновременно не допускается.

Къ прошенію должны быть необходимо приложены: подлинный аттестатъ (просительницы, точно указавшій мѣсто своего служенія въ государственныхъ или общественныхъ учрежденіяхъ, или обучающіяся въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній Россіи, могутъ прилагать засвидѣтельствованную копію, при удостовѣреніи подлежащаго начальства о службѣ и о мѣстѣ нахождения подлинника съ указаніемъ №№ и времени выдачи) и тѣ подлинныя документы, которые имѣютъ значеніе при выводѣ конкурсной отмѣтки, а также свидѣтельство о благонадежности въ случаѣ окончанія курса въ среднемъ учебномъ заведеніи ранѣе текущаго года. Кромѣ того, должны быть представлены метрическое свидѣтельство или выпуска и разрѣшеніе родителей или опекуновъ, (для замужнихъ разрѣшеніе отъ мужа и сверхъ свидѣтельства о рожденіи — свидѣтельство о бракѣ). Прошенія присылаются въ Канцелярію курсовъ: Дѣвичье поле, Малая Царицынская, зданіе Курсовъ, безъ гербовыхъ марокъ, но съ двумя почтовыми для заказнаго отвѣта. Разборъ поданныхъ прошеній и пріемъ на Курсы производится въ августѣ. Пріемъ производится лишь на первый семестръ. Прошенія, присланная безъ необходимыхъ документовъ, оставляются безъ разсмотрѣнія и тотчасъ возвращаются обратно по указанному просительницей адресу.

Лица, извѣщенные о томъ, что они приняты, должны немедленно представить или прислать 50 руб. и 3 визитныя фотографическія карточки, изъ которыхъ одна не должна быть наклеена на картонъ, съ собственноручной подписью на каждой; тѣ изъ принятыхъ, которыя имѣли право представить нотаріальныя копии документовъ, къ тому же сроку должны представить подлинныя документы. Лица, не сдѣлавшія этого къ указанному въ извѣщеніи сроку, будутъ считаться отказавшимися и будутъ замѣнены другими.

Плата за право слушенія лекцій — 100 руб. въ годъ, вносится 50 р. при поступленіи и 50 р. въ январѣ. Согласно „Положенію о Курсахъ“, никто не можетъ быть освобожденъ отъ этой платы. Плата въ общежитіи Общества доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ отъ 240 р. до 350 р. за учебный годъ. (Прошенія о помѣщеніи въ общежитіе подаются по адресу Б. Садовая, д. Пигитъ, Общежитіе).

При приѣмѣ на медицинскій факультетъ знаніе латинскаго языка не обязательно, но желательно.

Планъ преподаванія на мед. отдѣленіи рассчитанъ на 6 лѣтъ.

На курсахъ преподаются языки: французскій, нѣмецкій, итальянскій, англійскій и латинскій.

* * *

—На младшемъ и среднемъ возрастахъ реального отдѣленія, механико-техническомъ и ремесленномъ отдѣленіяхъ приюта принца Петра Георгиевича Ольденбургскаго учебныя занятія отсрочены. О началѣ ихъ будетъ сообщено.

—Занятія въ Варшавскомъ политехническомъ институтѣ Императора Николая II отсрочены до 1 ноября сего года.

—Училищный совѣтъ Св. Синода распорядился, чтобы въ школахъ, занятія въ которыхъ должны прекратиться въ виду призыва на службу всѣхъ учащихся, устраивались лазареты для больныхъ и раненыхъ воиновъ.

—Занятія на высшихъ курсахъ французскаго языка „Alliance française“ начнутся 16 сентября. Канцелярія курсовъ для выдачи справокъ и приѣма прошеній открыта ежедневно, кромѣ праздничныхъ дней, отъ 12 до 6 час. (Владимірскій пр., 19, кв. 6).

—При Императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія изъ служащихъ, бывшихъ и настоящихъ воспитанниковъ училища и ихъ семействъ образованъ комитетъ для оказанія помощи раненымъ. Пожертвованія принимаются деньгами и вещами казначеемъ комитета И. Т. Конюченко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

II.

ИЗЪ ТИХАГО ОМУТА.

(Романъ).

а платформѣ скромненькой, грязноватой станціи уѣзднаго городка собралось порядочно народа. Съ видимымъ нетерпѣніемъ все ожидаютъ поѣзда.

День ясный, морозный. Далекое и холодное солнце тысячами искръ отражается на бѣлой пеленѣ снѣга.

Рѣсницы, брови, волосы, бороды у мужчинъ покрыты инеемъ.

Поѣздъ запаздываетъ на два часа, но провинціальная публика считаетъ слишкомъ большимъ разстояніе отъ вокзала до города, хотя его свободно можно опредѣлить четвертью часа ходу, и неидетъ домой, предпочитая ждать на платформѣ.

— Господи! Какъ холодно! Не простудился бы Алеша, ужъ очень онъ беречься то не умѣетъ, — вздыхаетъ кругленькая, невысокая дома лѣтъ поды пятьдесятъ, закутанная сверхъ зимняго пальто и шляпы въ теплую шаль.

— Полно вамъ, мама! Что вы все боитесь за него, не маленькій онъ, — баскомъ гудитъ хорошенькій, румяный какъ яблоко, гимназистъ.

— Ты куда, Наташка, лѣзешь! Слышишь, поѣздъ гудитъ, а ты прямо на рельсы.

Дѣвочка съ бойкими живыми глазами задорно показываетъ брату языкъ, — Эхъ ты! не знаешь, что поѣздъ, пока звонка нѣтъ, еще съ послѣдней станціи не вышелъ...

Но гимназистъ уже унесся и взглядомъ и мыслью за группой товарищей, идущихъ по платформѣ съ гимназистками. Туда же украдкой отъ матери поглядываетъ и Наташа.

Живые черные глаза ея такъ и горятъ завистью. Мать очень строга. Къ знакомствамъ дочки съ молодежью относится отрицательно... А Наташѣ уже пятнадцать лѣтъ. Всѣ подружки по гимназiи имѣютъ своихъ рыцарей среди гимназистовъ. Гуляютъ по главной улицѣ до положенныхъ начальствомъ гимназiи шести часовъ вечера, катаются на каткѣ, танцуютъ на вечеринкахъ.

Теперь вся эта шумная веселая толпа мальчиковъ и дѣвочекъ, праздная предрождественскiи отдыхъ, заполняетъ своимъ смѣхомъ и говоромъ и вокзалъ, и катокъ, и весь небольшой городишко съ утра и ровно, ровно до назначенныхъ шести часовъ.

— Идетъ! Идетъ! Кричитъ кто то,—труба показалась! Мать гимназиста и Наташи, Марья Яковлевна, съ волненiемъ, жадно смотритъ вдаль рельсъ навстрѣчу приближающемуся поѣзду и вдругъ начинаетъ креститься, порывисто, страстно шепча: — Господи, спаси! Помоги!.. Благополучно-то... Шутка ли... изъ Питера вѣдь... одинъ...

На глазахъ наворачиваются непрошенныя слезы.

— Мамочка, не волнуйтесь такъ,—замѣчаетъ гимназистъ, беря мать подъ руку, но самъ замѣтно волнуется... волнуется и Наташа.

Съ пыхтѣнiемъ, съ грохотомъ и гуломъ медленно останавливается поѣздъ.

— Алеша! Алешенька,—радостно вскрикиваетъ Марья Яковлевна, увидя выглядывающаго изъ за плеча толстой старухи съ безчисленными свертками и корабками молодого студента.

Наконецъ онъ и съ ней почтительно цѣлуетъ ее, а она жадными глазами глядитъ въ дорогое лицо. Не изменился ли, не похудѣлъ ли...

— Алеша! здравствуй! Цѣлуютъ его братъ и сестра.

— Шура, Тася! милые,—а самъ вдругъ оглядывается назадъ къ покинутому вагону.

— Мамочка,—нѣсколько смущенно обращается онъ къ матери: подождете, пока поѣздъ отойдетъ? У меня тутъ хорошия знакомые... хотѣлось бы проводить... дальше ѣдутъ.

— Ну что жъ, иди, простись. Подождемъ,—со вздохомъ, нѣсколько обиженно говоритъ мать.

Но онъ ужъ и не слышитъ, онъ стоитъ около площадки вагона. Молоденькая, лѣтъ восемнадцать, дѣвушка спускается на платформу.

— Вы забыли, что нибудь изъ вещей?—говоритъ она, лукаво глядя на него изъ-подъ темныхъ сросшихся бровей. Идите—ка лучше... поѣзжайте домой. Мы тутъ еще долго постоимъ... И точно въ отвѣтъ на ея слова, прозвучалъ вдругъ рѣзко, неприятно дребезжа, второй звонокъ.

— Ахъ, уже!—воскликнула она и вдругъ порывисто взяла руку Алексѣя.

— Ну, до свиданiя... Пишите, Эля!—бормоталъ Алексѣй, пожимая ея руку,—не забывайте... И пятнадцатаго вмѣстѣ тронемся отсюда.

Эля подымается на первую ступеньку и опять обращается къ нему: — Я хочу вамъ сказать еще... я пришлю вамъ тотъ списокъ, и потомъ,—силится она что то припомнить,—не знаю, забыла! все равно напишу...

Третій звонокъ. Группа высыпавшихъ на воздухъ студентовъ и курсистокъ поспѣшно разбѣгаются по вагонамъ...

* * *

Часы въ маленькой уютной столовой Зарубиныхъ звонко, отчетливо и даже какъ то весело пробили три. Наташа спѣшно накрывала столъ, а Марья Яковлевна поминутно выглядывала изъ дверей кухни, чтобы справиться, сколько времени. Она ворчала, вздыхала и, услышавъ бой часовъ, принялась браниться.

— Экіе, прости Господи, негодяи! Все простынетъ... И гдѣ это только пропали? У меня дѣла по-горло. Надо къ празднику прибираться, а тутъ съ обѣдомъ возня... Да гдѣ, хоть, ты, Наташа, Алешу то оставила?

— Мы, мама, съ Алешей, и Шурой ходили на почту. Потомъ пришли домой. Алеша узналъ, что папа рабочихъ рассчитывать собрался, и пошелъ къ нему въ контору, — помогать говорить, пойду. Ну, понятно, и Шурка за нпмъ. А папѣ навѣрно хочется рассчитать до обѣда всѣхъ.

— Да такъ то оно такъ! Лучше, конечно, ему ужъ освободиться, да только и мнѣ то бы вѣдь освободиться нужно.

И Марья Яковлевна поспѣшила на кухню, гдѣ задребезжалъ звонокъ.

— Что это больно много почты то!—говорила она, вернувшись черезъ минуту,—посмотри на, Наташа, кому это письма то?

— Это, мама, все Алешѣ,—отвѣчала дочь, съ любопытствомъ разглядывая корреспонденцію,—ему открытки двѣ и газета, а папѣ письмо отъ Тупцова и «Свѣтъ».

— Ну, а откуда жъ это Алешѣ то письма,—полюбопытствовала Марья Яковлевна,—рука то мужская иль женская?

— Не знаю, мамочка, рука то одна и та же, какъ будто мужская. А вотъ штемпеля разные. И города то какіе то незнакомые... Мы по географіи не учили.

— Да ты подпись то посмотри!

И безъ того румяныя щеки Наташи заалѣли еще ярче. Она ужъ давно разобрала на обѣихъ открыткахъ четкую подпись *Эля*. Но сказать это матери почему то не хотѣлось.

— Не разберу, мама, подписи,—сказала она, стараясь не сморѣть въ глаза Марьи Яковлевны. Та недоувѣрчиво взглянула на нее.

— Дай ка очки,—я сама разберу...

Въ кухнѣ опять задребезжалъ звонокъ и Наташа, вмѣсто того бы искать очки, поспѣшно, чуть не въ припрыжку, пустилась туда открывать дверь отцу и братьямъ.

— Тебѣ письма и газета есть!—уже слышался ея звонкій голосъ на кухнѣ.

Она лукаво поглядывала на брата, подавая ему открытки, но онъ спокойно, почти не глядя, сунулъ ихъ въ карманъ и прошелъ къ себѣ.

Алексѣя помѣстили въ той же самой комнатѣ, гдѣ они съ Шурой жили раньше до отъѣзда въ Петроградъ, п которую занималъ теперь Шура одинъ.

Комната довольно большая, теплая, уютная съ двумя окнами во дворъ особенно нравилась Алексѣю послѣ неудачной, темной и сырой петроградской комнатки.

— Обѣдать, обѣдать давай скорѣе, мать!—торопилъ Николай Егоровичъ, выходя изъ спальни въ одной жилеткѣ съ полотенцемъ въ рукахъ.

— Усталъ! Спасибо сынки помогли; одному то бы и къ вечеру не выбратъся.

Скоро вся семья чинно сидитъ за столомъ. Молчаніе. Слышно только, какъ звякають ложки.

— Какую жъ это ты, братецъ, газету то получилъ?—обратился къ Алексѣю Николай Егоровичъ.

— Да «Современное Слово», папа.

— Что-жъ это за газета такая? Я что-то не слыхалъ.

— О ней пожалуй, и трудно вамъ слышать, папа! Она распространена среди студентовъ: дешевая... Соответствуетъ нашему общему настроенію, нашимъ взглядамъ идейнымъ, политическимъ... Мы ее студенческой такъ и зовемъ. Ну—и по карману. Что, мама, вы такъ исполошились? Обратился онъ къ матери, которая съ испуганнымъ видомъ перекрестилась при словѣ «политическимъ».

— Да ты, Алешенька, ужъ не политикой ли занимаешься. У насъ смотри нынче обыски были... троихъ угнали куда то. Ой, не попадись ты ради Бога! Не дѣлай ты этой политики.

— Успокойтесь, мама; я «политики дѣлать» не буду. По крайней мѣрѣ здѣсь,—улыбнулся Алексѣй.

— А что, Алеша, обратилась къ нему Наташа,—ты вотъ сказалъ, что газета подходитъ къ вашимъ взглядамъ... Какъ же это она можетъ угодить всѣмъ вамъ, вѣдь васъ много, а взгляды то у васъ разные.

— Милая Наточка,—съ улыбкой выслушавъ ее, заговорилъ Алексѣй. Ты, конечно, газетъ не читаешь. Это и видно изъ твоихъ словъ. Ты отчасти права, говоря, что взгляды у людей разные. Вотъ, на примѣръ, у папы одни, у меня другіе, тутъ онъ взглянулъ на отца, и встрѣтивъ пристальный взглядъ его ласковыхъ добрыхъ глазъ, устремленныхъ на него поверхъ очковъ, нѣсколько смутился, но продолжалъ: ну, вотъ мы и читаемъ разныя газеты...

— Ну а что же,—не унималась Наташа: въ «Современномъ Словѣ» значить и печатають студенты?

— Да, иногда печатають, или вѣрнѣе пишутъ, а уже редакція печатаетъ ихъ вещи, если найдутъ подходящими.

— Ахъ, вотъ что! Такъ, значить, не газета подходитъ къ вашимъ студенческимъ взглядамъ, а взгляды къ газетѣ.

— Почему же это?

— А какъ же? А если студенты что нибудь напишутъ, а она найдетъ неподходящимъ?

— Ну, чтожь! Это мнѣніе одного-двухъ лицъ... Оно тонетъ въ мнѣніи большинства...

— Да можетъ одно то это липо, какъ ты называешь его, гораздо умнѣ всѣхъ другихъ, всего твоего большинства.

— А по моему. Алеша,—вмѣшался вдругъ, до сихъ поръ молча слушавшій ихъ споръ отецъ, Наташа права. Не газета подходитъ къ вашимъ взглядамъ, а ваши взгляды подходятъ къ газетѣ. И правда—какую бы глупость ни написали въ газетѣ—вы не можете ее остановить, и что бы вы ни придумали дѣйствительно умное, талантливое—не подходитъ къ принципамъ гзеты. или не выгодно ей—ну и не помѣстятъ, ни за что! И умная мысль останется неизвѣстной именно той публикѣ—студентамъ, которую хотѣлъ познакомить съ пей авторъ.

— Да, я думаю, что для полного обмѣна мнѣній между студентами нужно бы имѣть самостоятельную свою гезету,—заговорилъ вдругъ Шура. Мы тоже вотъ хотѣли издавать, гимназисты... Да, гдѣ намъ,—не вышло. А вамъ то бы можно...

— Да, да.—подхватила брата Наташа. Вотъ, именно, свою ужъ надо газету... И ужъ пусть печатаютъ все, что бы какой студентъ ни написалъ,—хоть бы онъ даже дуракъ былъ. И вы будете знать, что думаетъ каждый изъ васъ, а не большинство...

— Ну, милая моя, такой газеты быть не можетъ,—сейчасъ пойдутъ въ ходъ разныя тенденции.

— Это еще что за штука такая?.. Много я сегодня мудреныхъ словъ наслушалась, а такого и не повторить будетъ,—тен... ден... Фу ты, господи,—отплюнулась Марья Яковлевна и, довольная, что наконецъ, отвлекла всѣхъ отъ безконечнаго, скучнаго для нея спора, замѣтила:

— А обѣдъ то давно съѣли, пора и встать... Ты Наташенька, помогай мнѣ будешь,—еще наспоришься.

Наташа поспѣшно начала убирать со стола, глядя съ завистью на уходившихъ въ свою комнату съ отцомъ братьевъ,—горько жалѣла, что прервался заинтересовавшій ее разговоръ.

* * *

Уже два дня, какъ Алексѣй живетъ снова въ той же комнаткѣ, гдѣ когда то, запуганный осенней переэкзаменовкой, «зудиль» латинскіе глаголы. Обѣдаетъ въ той же столовой съ веселенькими звонкими часами, канарейками, горшками гераній и кисейными занавѣсками на окнахъ.

Окружаютъ его дома тѣ же люди, что окружали съ дѣтства. Не хватаетъ только старой няньки, вышедшей его, брата, сестру и другихъ

умершихъ дѣтей Зарубиныхъ. Старушка жила у нихъ и лишь полгода тому назадъ ушла въ богадѣльню, гдѣ и умерла отъ старости.

Остальное все то же. И кажется Алексѣю, что и онъ тотъ же прежній гимназистикъ Алеша, что онъ и не уѣзжалъ за тысячу верстъ, — что нѣтъ у него иныхъ привязанностей внѣ этого мірка. Уѣзжая изъ Петрограда и прощаясь съ Элей на вокзалѣ родного городка, онъ думалъ, что будетъ скучать по ней и по другимъ членамъ ихъ маленькаго студенческаго кружка. Но нѣтъ, — за эти дни онъ даже не вспоминалъ о кружкѣ, и мысль объ Элѣ пришла ему лишь тогда, когда онъ получилъ брошенные ею съ дороги открытки.

— Хорошая, милая дѣвушка... Не забыла, спасибо ей, — подумалъ онъ.

И только.

Безконечные ли разговоры съ родными, разпросы о петроградскомъ житиѣ бытѣ, разпросы брата и сестры объ университетѣ, о студентахъ, курсисткахъ, объ ихъ кружкахъ, вечеринкахъ — или просто быстрая смѣна впечатлѣній и видъ родныхъ мѣстъ отвлекали его отъ мыслей о Петроградѣ, о товарищахъ, объ Элѣ. Лишь на третій день по пріѣздѣ онъ спохватился, что ничего никому не писалъ и принялся за обширное письмо Элѣ. Съ жаромъ принялся было онъ описывать свои чувства, свое дивное настроеніе въ родныхъ мѣстахъ, на родной почвѣ.

«... Эля, Эля! Если бы вы только представили себѣ, какъ дивно хорошо чувствовать себя послѣ гнилого, сырого и чужого Петрограда въ родномъ уголкѣ. Какая чудная зима у насъ, какія горы, катокъ, сугробы снѣга за заборами вышиной въ сажень... Вотъ сейчасъ мы пойдемъ въ церковь ко всеночной. Уже темно, — будетъ хрустѣть снѣгъ подъ ногами, а надъ головой зажгутся дивныя звѣзды. Колоколь загудитъ, плавно, торжественно, — отрадой наполнитъ онъ душу. И въ храмъ войдешь, готовый молиться также какъ и молятся они, всѣ эти простые добрые люди. И знаете, Эля, — я никогда бы ни на что не промѣнялъ этого настроенія, которое овладѣваетъ мной здѣсь на родинѣ, когда чувствую, что я русскій человѣкъ, именно, вотъ такой же русскій какъ всѣ эти люди, истово крестящіеся на образа ставящіе свѣчи Николаю Угоднику и Царицѣ Небесной. И мнѣ хочется такъ же истово креститься, также съ земнымъ поклономъ поставить свѣчу передъ образомъ»...

— А вѣдь тамъ, въ ихъ компаніи, считалось какъ-то просто... неестественнымъ перекреститься послѣ обѣда.

Эта мысль, какъ молнія, прорѣзала его мозгъ. Вспомнилось, какъ онъ, по внушенной съ дѣтства привычкѣ, перекрестился въ студенческой столовой и тотчасъ же смутился, замѣтивъ нѣсколько устремленныхъ на него вопросительныхъ взглядовъ. Элю онъ тоже никогда не видалъ крестящейся, послѣ ли обѣда (они часто обѣдали вмѣстѣ въ столовкѣ), или у какой либо церкви. Вспомнилось вдругъ послѣднее собраніе ихъ кружка и рѣчь, произнесенная на прощаніе однимъ ихъ членовъ кружка студентомъ изъ «вѣчныхъ», Махлинымъ. И особенно отчетливо маленькіи отрывокъ этой рѣчи:

— И гдѣ бы мы, господа, ни жили, куда бы ни закинула насъ судьба, мы должны помнить: мы граждане міра, у насъ нѣтъ и не должно быть родины, нѣтъ родственныхъ привязанностей,—всеѣ люди братья. А наиболѣе тѣсная семья каждаго изъ насъ—нашъ кружокъ. Мы—братья вдвойнѣ, мы братья по духу, по идеямъ... Забудемъ же о семьѣ, о родныхъ,—забудемъ о родинѣ и соплеменникахъ. Это старо, это отжило... Устремимся къ новому идеалу,—любви ко всему міру, поставимъ счастье всего человѣчества выше счастья родины, счастья семьи...

Алексѣй вспомнилъ, какими шумными аплодисментами наградили они оратора, какъ загорѣлись глаза ихъ, какъ поднялось настроеніе. Вспомнился горячій взглядъ, какимъ провожала Эля уходившаго Махлина, когда молодая «армія борцовъ за счастье міра» высыпала изъ дверей богатой квартиры гостеприимнаго адвоката Гельмана, отца, одной изъ курсистокъ, члена ихъ кружка.

— Зачѣмъ я написалъ все это и тѣмъ болѣе Элъ?..

Ему стало нестерпимо грустно. То, что написалъ онъ въ минуту искренняго порыва, написалъ дѣвушкѣ, которую такъ цѣнилъ и уважалъ и даже, казалось ему, почти любилъ,—все это шло вразрѣзъ съ тѣмъ, что исповѣдывалъ онъ въ Петроградѣ.

Алексѣй разорвалъ написанные уже два листа и съ горькой улыбкой бросилъ ихъ въ печь.

— Не пойметъ,—осудитъ за непостоянство... Эхъ, ты, братецъ Алешка, куда тебѣ съ суконнымъ рыломъ въ калашный рядъ то лѣзть. Въ Петроградѣ былъ, одно твердилъ, а здѣсь разчувствовался и заплѣлъ по другому...

— Алеша, собирайся—ко всеночной пойдемъ сейчасъ... Да ты никакъ плачешь? Нѣтъ?.. Ну такъ чего у тебя такое страдальческое лицо,—удивилась вошедшая къ нему Наташа.

Алексѣй поспѣшно всталъ, подошелъ къ столу и написалъ на открыткѣ четко и ровно:

— «Поздравляю съ праздникомъ. Написалъ было большое-большое письмо, да разорвалъ. Боюсь, не поймете моего настроенія и лишь осудите его. Вашъ Алексѣй. 24-го декабря, 6 часовъ вечера».

* * *

На второй день Рождества Зарубины рѣшили устроить маленькую вечеринку. За утреннимъ кофе шла рѣчь о томъ, кого пригласить. Въ числѣ гостей предполагались гимназистки, подружки Наташи,—товарищи Шуры, два-три студента, товарищи Алексѣя, и сослуживцы Николая Егорыча съ семьями.

Зарубинъ уже лѣтъ десять состоялъ управляющимъ большой яичной торговли купца Тупцова. Съ пятнадцати лѣтъ, когда внезапно умеръ его отецъ, оставивъ Николая Егорыча безъ всякой помощи, поступилъ онъ на службу къ Тупцову. Посадили его въ контору писаренкомъ, то

есть, младшимъ счетчикомъ. Грустно было сначала сидѣть за конторкой и вести скучные счета. Мальчикъ окончилъ уѣздное училище и мечталъ учиться въ гимназіи... А потомъ привыкъ, понемножку завоевалъ довѣріе хозяина, и уже десять лѣтъ какъ на его плечахъ лежитъ все дѣло, большое, богатое, разросшееся съ проведеніемъ желѣзной дороги въ цѣлое предпріятіе. Постройки Тупцова заняли цѣлый кварталъ съ большимъ домомъ хозяина и удобными квартирами для служащихъ.

Квартира Зарубинныхъ, какъ квартира управляющаго, была, конечно, самой лучшей и самой большой. По фасаду расположены были три комнаты: маленькая спальня Зарубинныхъ, довольно большая гостиная съ хорошенькой, по случаю купленной у уѣзжающаго чиновника, мебелью и съ старымъ дребезжащимъ піанино, которое Алексѣй прозвалъ старой кастрюлей и маленькая въ одно окно комнатка Наташи. Во дворъ выходила комната Алексѣя и Шуры, столовая и кухня. Квартирой своей Зарубины были очень довольны.

— Ужъ точно, что для насъ эта квартирка, — восхищалась Марья Яковлевна.

По поводу вечеринки рѣшено было измѣнить кое-что въ квартирѣ. Въ комнатѣ Алексѣя предполагалось поставить столы для любителей преферанса. Изъ комнаты Наташи пришлось вытащить ея кровать. Ее замѣнили диванчикъ и мягкія кресла, оказавшіяся лишними въ гостиной, гдѣ предполагались танцы. Въ Наташину же комнату притащили почти всѣ цвѣты.

Алексѣй вызвался непременно самъ устроить эту комнатку.

— Здѣсь будетъ великолѣпный уголокъ, — твердилъ онъ, только не мѣшайте... Мама, я тамъ вчера во дворѣ возъ съ елками видѣлъ. Чей онъ?.. Не осталось ли елокъ?..

— Это нашъ Никита передъ праздникомъ на свободѣ нарубилъ и возилъ продавать... Кажется, остались, — да ты поди, спроси у него...

Алексѣй отправился во дворъ и притащилъ въ Наташину комнату цѣлыхъ шесть елокъ.

— И чего это онъ тамъ возится. прости Господи, — что затѣялъ!.. Полъ мнѣ весь перепачкалъ, негодникъ... Николай Егорычъ иди ка сюда, спросить тебя кое-что надо, — говорила она, вытирая полъ щеткой, обернутой въ толстую тряпку.

— А какъ же намъ быть съ Игнатьевыми то? — обратилась она къ мужу, когда тотъ явился въ дверяхъ спальни съ трубкой и газетой въ рукахъ. Бѣ нимъ вѣдь дочка изъ Интера пріѣхала, та, знаешь, Зина, — помнишь ее?

— Какъ не помнить, помню... Ну, чтожъ дальше?

— Ну такъ вотъ, — приглашать ли ее намъ... Съ одной стороны неловко, отца мать станешь звать, а ее нѣтъ. А съ другой стороны, у насъ дочка подростаетъ — нехорошо...

— Д-да — процѣдилъ сквозь зубы Зарубинъ. Не знаю, какъ быть, не знаю... Да, позови, — не залакаемся...

— О чемъ это вы тутъ совѣщаетесь, папа? - спросилъ Алексѣй, выходя изъ сосѣдней комнаты. Мнѣ кстати гвоздь нужно большой...

— Гвоздь возьми на окнѣ въ кухнѣ... А совѣщаемся мы вотъ насчетъ чего: у Игнатьева, видишь ли, дочка есть, съ ней грѣхъ случился какъ то тамъ — ну она его скрывать въ Питеръ уѣхала, и три года ѣздила. Теперь вотъ вернулась, приходится ее въ гости звать, а неловко, — у насъ Наташа большой становится. а ту, Богъ вѣдаетъ, гдѣ она была и чѣмъ занималась... Приѣхала барыня — барыней, вуальки тамъ, муфты по аршину...

— Конечно, не нужно звать, — горячо заявилъ Алексѣй и даже вспыхнулъ при мысли, что его сестра, хорошая, чистая дѣвочка, будетъ водить компанію съ женщиной, падшей быть можетъ, въ буквальномъ смыслѣ слова.

— Не знаю, — протянулъ отецъ.

— А мы вотъ что, — записки писать не будемъ, пошлемъ мальчишку просто сказать имъ, что, молъ, такъ и такъ, просили пожаловать, а о дочкѣ ни слова...

— Ну, пусть, такъ, — мнѣ Игнатьева обидѣть не хочется, человѣкъ онъ хороший...

* * *

Когда къ крылечку Игнатьевыхъ приѣхала извозчичья пролетка и изъ нея выпрыгнула на тротуаръ Зина, Катерина Яковлевна такъ и ахнула.

— Зинушка!.. Господи, да откуда!..

И, даже не поздоровавшись съ дочерью, побѣжала сообщить мужу.

— Сергѣй Митричъ, знаешь, кто приѣхалъ?... Зинушка, Зина наша!..

— Что-о?.. Зинаида?.. Гони ее вонъ. — видѣть не хочу...

Слишкомъ много горя принесла ему дочь. Глубоко выстрадавъ свое горе, когда уѣхала Зина и узнавъ онъ отъ жены, почему она уѣхала, онъ какъ то успокоился немного. Сталъ снова работать въ конторѣ. Наружно спокойный, ровный какъ всегда, старикъ Игнатьевъ, однако, нестерпимо страдать, чувствуя на себѣ каждую минуту то любопытные, то сострадательные взгляды. Человѣкъ почти необразованный, но честный и умный отъ природы, онъ всегда пользовался большимъ уваженіемъ и гордо бывало несъ свою сѣдую голову. А теперь поникъ. Какъ ни старался онъ держаться по прежнему, дѣлать видъ, что ничего не случилось, что все осталось, какъ было, а мозгъ сверлила мысль: опозорень! выросилъ дочку на радость, красавицу, — всѣ заглядывались. Гордился ею, а теперь, — позоръ!..

За три года понемногу забылась исторія. Отъ Зины не было вѣстей. Понемногу заживала рана въ сердцѣ оскорбленнаго старика. Вдругъ все воскресло, ожило снова. Зачѣмъ? Опять снова переживать этотъ позоръ? Нѣтъ...

— Вонь ее!..
— Сергій Митричъ, что ты, опомнись,—дочь родную гонишь...
Пришла, хоть отдохнуть ей дай, а тамъ уйдетъ она, если такъ...
— Зачѣмъ, мама,—раздался голосъ Зины.

Въ дверяхъ стояла она сама.
— Если гоните, я уйду... И сейчасъ уйду... Я не отдыхать пріѣхала и не погостить —я просто *вернулась* къ вамъ... Ну, рѣшайте же и скажите только: остаться или—уѣзжать... Я немедленно исполню...

Сергій Димитріевичъ грустно смотрѣлъ на дочь. Зина, прежняя Зина, только еще выше точно стала. Похудѣла немного, тоненькая,—стоитъ молча и смотреть на него, а глаза говорятъ что-то ласковое, хорошее говорятъ они, точно просятъ: прости, папочка! Сама же молчитъ, осанка гордая, сейчасъ, молъ, уйду.

— Останься Зина,—тихо произнесъ Сергій Димитріевичъ, всталъ изъ за стола и, не глядя ни на жену, ни на дочь, вышелъ изъ комнаты.

* * *

Уже второй мѣсяцъ живетъ Зина дома. Что-то тихое, спокойное властно вошло въ ея душу...

Бываютъ минуты —она скучаетъ. Тогда она беретъ гитару или мандолину и напѣваетъ что то красивое и грустное, какъ осенній солнечный день. Много времени отводитъ она зеркалу и туалету, иногда чтонибудь шьетъ, помогаетъ матери хозяйничать, а по вечерамъ ходитъ на катокъ. Катается одна одинешенька ни на кого не глядя, пока не опустѣетъ катокъ и одна возвращается домой по темнымъ улицамъ городка.

Она знаетъ, что выдѣляется изъ среды провинціалокъ своимъ великолѣпнымъ костюмомъ, стройной фигурой, хорошенькимъ личикомъ, ставшимъ еще лучше отъ легкой искусной косметики. Пока она удовлетворяется и этимъ.

Въ первый день Рождества катокъ даже не разметали. Зина грустно стояла на мосту, перекинутомъ черезъ небольшую рѣчку, раздѣлявшую городъ на двѣ части, на льду которой и былъ устроенъ катокъ.

— Скука, скука!—думала она... Что дѣлать, чѣмъ заняться, когда вернешься домой,—и вспомнила вдругъ что еще не готовъ ея маскарадный костюмъ, а послѣ завтра уже и маскарадъ. Она хотѣла непременно быть на маскарадъ. Смущало немного отсутствіе знакомыхъ... вѣдь не въ столицѣ, въ провинціи

Костюмъ занялъ ее на столько, что она даже рѣшила не итти на катокъ на второй день праздника.

— Сергій Дмитричъ, а, Сергій Митричъ,—говорила Катерина Яковлевна, трясая за плечо мужа прилегшаго вздремнуть послѣ обѣда.

— Чего тебѣ?

— Да тамъ отъ Зарубиныхъ мальчишка. Въ гости сегодня зовутъ, на чашку чая. Что же? Сказать Зинѣ то? Звать ее съ собой или нѣтъ?

— А они то зовуть?

— Да и не поймешь... Мальчишка сказалъ, пожалуйста, говорить... ну что съ него съ дурака больше спросить. Съ одной стороны и звать то ее не зовуть, и оставить то жалко... и то вѣдь скучаетъ, бѣдная...

— Да будетъ... повеселилась! Дѣлайте какъ знаете. Она вѣдь умная, не тебѣ чета, лучше придумаетъ, скажи ей.

Катерина Яковлевна вздохнула и пошла къ Зинѣ.

— А кто тамъ будетъ, мамочка?

— Да все наши служащіе...

— А! такъ значить все старички,—засмѣялась Зина.

— Нѣтъ зачѣмъ—старички! У нихъ своей молодежи много: дочка подростокъ, сынокъ гимназистъ и сынъ старшій студентъ, изъ Питера пріѣхалъ.

— Ахъ! Студентъ есть! Ну, конечно, пойду. Мама милая, утюгъ нельзя ли согрѣть! Надо платью погладить,—всполошилась вдругъ она...

— Вишь ты, какъ засуетилась, обрадовалась, что можно и на люди выйти. Наскучалась бѣдняжка моя, ворчала, раздувая утюгъ на кухнѣ Катерина Яковлевна.

Потомъ нужно было нагрѣть щипцы, затянуть Зинѣ новый нарядный корсетъ, извлеченный изъ великолѣпнаго дорожнаго сундучка.

— И откуда только у нее все это,—думала Игнатъева, глядя на безконечныя платья, которыя примѣряла Зина, роясь въ сундукѣ. Хотя она съ нескрываемымъ удовольствіемъ даже гордостью смотрѣла всегда на хорошенькую, неизмѣнно нарядную Зину, но все же часто ее мучила мысль: на какія деньги купила она все это, гдѣ и какъ она жила? И отца волновали и мучили тѣ же вопросы, но странно,—ни одинъ изъ нихъ не *рѣшился* спросить у дочери хоть что нибудь о прошлой жизни. Зина часто вспоминала въ разговорахъ съ ними Петроградъ, театръ, магазины,—разсказывала обо всемъ, что только, казалось ей, было имъ интересно. А они оба слушали ее, жадно ловя каждое слово, все надѣясь уловить хоть что-нибудь касающееся ея лично.

— А что это въ этой коробкѣ?—спросила мать, указывая на картонку, вытасненную изъ сундука.

— Шляпа, мамочка,—хотите, посмотрите...

Зина открыла коробку. Въ ней лежала простая черной соломки громадная шляпа съ великолѣпнымъ бѣлымъ перомъ.

— Ну и перышко,—удивилась Катерина Яковлевна. Только что же ужъ одно-то перо, ты бы бантикъ какой нибудь, цвѣточекъ или пряжечку посадила бы.

— Нѣтъ, мама, такъ красивѣе,—перо то вѣдь страуса... Оно одно восемьдесятъ рублей стоитъ.

— Господи, Батюшка,—да гдѣ жъ у тебя такія бѣшенныя деньги берутся,—не утерпѣла старушка.

— У меня, мама шляпная мастерская своя была. Я много зарабатывала... Годъ я училась, годъ другихъ учила, а на третій годъ мас-

терскую открыла. Дѣло удачно пошло,—сначала все въ него убила, въ долги влѣзла, а потомъ на верстала. Полтора года держала мастерскую, а потомъ продала все—и заказы, и матеріалы, словомъ, все сдала и уѣхала къ вамъ. Соскучилась,—что подѣлаешь?.. Ну, мамочка, я совсѣмъ готова, а вы?

— А мы сейчасъ, сейчасъ...

И старушка пошла къ себѣ, гдѣ, торопливо одѣваясь, шопотомъ сообщала мужу только что слышанное отъ дочери.

* * *

Вечеринка у Зарубиныхъ была въ полномъ разгарѣ, когда явились Игнатѣвы. Маленькая передняя, расположенная между кухней и спальнею, была завалена шубами, шапками и галошами.

— Ого, да тутъ людно,—подумала Зина.

Войдя въ столовую, она, однако, немного смутилась. Кругомъ были знакомыя съ дѣтства лица и ей казалось, что на нее всѣ смотрятъ съ любопытствомъ и удивленіемъ. Да это, пожалуй, такъ и было. Хозяйка, здороваясь съ ней, какъ то неопредѣленно улыбалась, но Зина, преодолевъ овладѣвшее было ей смущеніе, почтительно, но увѣренно поздоровалась съ ней.

— Ахъ, эта та самая, заблудшая овца... Такъ вотъ она какая,— съ невольнымъ любопытствомъ взглядываясь въ нее, думалъ Алексѣй.

— Игнатѣва,—просто и дружелюбно глядя ему въ глаза, рекомендовалась Зина.

— Зарубинъ... Алексѣй,—отвѣтилъ онъ, привставъ и вѣжливо предлагая ей стулъ подлѣ себя.

Она сѣла съ видимымъ удовольствіемъ и, взявъ отъ хозяйки чашку чая, обернулась снова къ нему, какъ бы выжидая.

— Давно вы пріѣхали сюда?..

Алексѣй рѣшительно ничего не могъ больше придумать сказать ей. А она ясно ждала.

— Я,—изъ Петрограда?.. И вамъ это интересно?.. Когда вы даже не знаете, когда я уѣхала... Полноте, не занимайте меня пустой болтовней и если не найдется ничего интереснаго сказать мнѣ, то и не говорите ничего, будемъ молчать... Я же съ удовольствіемъ сѣла на предложенный вами стулъ для того, чтобы быть подальше отъ любопытныхъ взглядовъ... Вы, мнѣ показалось, взглянули на меня безъ всякаго любопытства, равнодушно.

Алексѣй посмотрѣлъ на нее нѣсколько удивленно, а потомъ разсмѣялся.

— Странно,—обыкновенно женщины, сколько я ихъ знаю, бѣгутъ отъ людей, глядящихъ на нихъ равнодушно.

— Не всѣ!.. Нѣтъ, не всѣ,—сказала Зина.

Глаза ея, точно подернувшись какой то дымкой, устремились въ пространство.

— Такъ вотъ ты какая,—думаль опять Алексѣй, пристально вглядываясь въ поблѣднѣвшее грустное личико.

Зина уже попрежнему весело, оживленно, поблескивая глазами, отвѣчала толстой дамѣ, сидѣвшей на противъ, на разспросы о томъ, когда она пріѣхала и на долго ли.

Въ гостиной уже затѣвались игры. «Наборъ», «пану римскаго», «фанты»—слышались оживленные возгласы молодежи.

— Идемте туда,—встала Зина.

— Да, я давно собираюсь,—отвѣтилъ, какъ бы нехотя вставая, Алексѣй.

Вечеринка шла своимъ чередомъ. Отобрали фанты. Алексѣй долженъ былъ, не глядя на предметы, которые вынимала изъ большой провизіонной корзинки Наташа, назначать штрафъ.

— Этому фанту оракуломъ быть... Этому фанту трепака протапцевать... Этому фанту что нибудь сѣсть...

Наташа вытасила изъ сумки маленькій изящный серебряный портъ-моне.

— Значить, мяѣ?... А если не умѣю,—крикнула Зина.

— Ничего,—а вы чижика, да еще подъ мой аккомпаниментъ. Дивно выйдетъ, у насъ запляшутъ лѣсъ и горы,—засмѣялся Алексѣй.

Исполнялись штрафы удивительно усердно. Оракуль подъ черной шалью предсказывалъ невѣроятныя вещи. Шура по требованію штрафа пропѣть пѣтухомъ загорланилъ такъ, что задрожали стекла. Какая то Наташина подруга, краснѣя и смущаясь, продекламировала какіе то стихи.

Когда дошла очередь до Зины и взгляды всѣхъ выжидательно устремились на нее, она не смущаясь подошла къ рояли и, порывшись немного въ нотахъ, заявила:

— Здѣсь есть подходящія для меня вещи... Но нужно аккомпанировать,—кто нибудь будетъ такъ добръ...

— О, да вы серьезно взялись за дѣло,—вмѣшался Алексѣй,—вѣдь вы же сказали, что не умѣете...

— А ничего, я попробую...

Она усмѣхнулась, чуть скользнувъ глазами по его лицу.

— Вотъ нашъ пианистъ, наша знаменитость,—заявилъ между тѣмъ Шура, подводя къ Зинѣ товарища.

— Къ вашимъ услугамъ,—галантно произнесъ тотъ, наклоняясь передъ Зиной своей стройной фигурой.

Это былъ сынъ исправника, Саша Кружичъ,—лучшій танцоръ и любимецъ всѣхъ гимназистокъ.

Зина благосклонно кивнула ему. Отъ невольна слѣдящаго за ней Алексѣя не укрылась легкая усмѣшка на ея губахъ и тотъ тонкій, вни-

мательный, но быстрый, какъ молнія, взглядъ, которымъ она окинула гимназиста съ ногъ до головы.

— Точно оцѣнила,—подумалъ Алексѣй,—интересно, во сколько?.. Однако, она чувствуетъ себя здѣсь превосходно,—отъ прежняго смущенія не осталось и слѣда.

Между тѣмъ, всѣ примолкли въ ожиданіи. Провинціальная публика туга на выступленія, хотя бы даже въ самомъ близкомъ кругу знакомыхъ.

Зина запѣла. Голосъ ея показался Алексѣю сначала немного рѣзкимъ, но потомъ его захватило ея пѣніе. Пѣла она съ большимъ чувствомъ. Глубокая невыразимая тоска слышалась въ голосѣ и видѣлась въ глазахъ. Слова знакомаго, но забытаго романа точно приобрѣли особый смыслъ, и значеніе и красоту.

«Спой мнѣ, родимая, пѣсню,
Пѣсню про счастье любви...
Пусть эти звуки развѣютъ
Грустныя думы мои—

пѣла Зина.

И чудилось, что эта грусть, о которой поетъ она, дѣйствительно извела ее.

«Пусть эти звуки волною
Хлынуть въ усталую грудь,
Пламенемъ зыбкой надежды
Вновь озарится мой путь»...

И слова эти—не слова романа, а ея жалоба, рвущаяся изъ усталой груди,—и горячая, страстная просьба хотя бы не счастья, хотя зыбкой надежды на счастье.

«Пусть убаюкаетъ пѣсня
Сердце больное во мнѣ,
Пусть оно снова узнаетъ
Счастье, хотя бы во снѣ...
Счастье, хотя бы во снѣ»...

Голосъ Зины замеръ. Тишина стояла минуты двѣ и прорвалась шумными аплодисментами. Слушала Зину не только молодежь,—игроки за карточными столами, которыхъ пѣніе застало врасплохъ, побоялись нарушить тишину. И лишь когда услышали аплодисменты, повылѣзли въ двери и тоже принялись аплодировать Зинѣ. А она точно поникла вся, стояла молча, не отвѣчая на шумныя выраженія восторга. Точно она не романсъ пропѣла, а рассказала, вдругъ не выдержавъ больше,—всѣмъ рассказала о своей глубокой печали,—горько, горько пожаловалась на свою судьбу.

— Ну, и хорошо же поетъ эта барышня... Кто она такая?—спросилъ Алексѣя, бывшій товарищъ его по гимназїи, студентъ Рулевъ.—Я три года живу здѣсь и не разу ее не видалъ...

— Не мудрено, она какъ разъ три года какъ уѣхала и недавно вернулась...

— Но все-таки кто жъ она?.. Впрочемъ, это потомъ, а теперь попросимъ ее спѣть еще...

И Рулевъ устремился къ Зинѣ. Алексѣй не могъ отвести глазъ отъ ея лица. Оно было блѣдно, точно что то пропало въ немъ,—точно какія то живыя искры погасли въ темныхъ глазахъ.

— Не буду пѣть, не буду,—говорила она Рулеву, распинавшемуся передъ ней. Во-первыхъ, не хочу,—настроенія нѣтъ больше; во вторыхъ, нѣтъ больше подходящихъ вещей...

— То есть какъ это нѣтъ?—не понималъ Рулевъ. Неужели вы только эту и поете?

Зина невольно засмѣялась.

— Нотъ нѣтъ,—понимаете, нотъ...

— А вы безъ нотъ ничего не умѣете?—не унимался Рулевъ.

— Нѣтъ,—я многіе могу спѣть безъ нотъ, по аккомпанировать то нельзя безъ нихъ...

Зина уже оживилась. Эта искренняя, непосредственная наивность студента смѣшила ее,—а онъ, разочарованный, говорилъ:

— Вотъ ужъ не зналъ, что пѣвецъ такъ зависитъ отъ аккомпаниментовъ тамъ, да отъ тетрадокъ этихъ несчастныхъ... По моему, если талантъ...

— Ой-ой, какъ громко,—уже хохотала Зина. Да, полноте,—какой же у меня талантъ... Я просто немножко пою.

— Если талантъ,—продолжалъ Рулевъ, ероша густыя русыя кудри,—такъ и пой,—пой, независимо отъ всякихъ условїи... Только бы хватала пѣсня за сердце, да заставила бы задрожать сладкой дрожью восторга!..

— А васъхватила пѣсня за сердце?—вдругъ вкрадчиво, почти шопотомъ спросила Зина и заглянула ему въ глаза.

Рулевъ молчалъ и растерянно смотрѣлъ на нее.

— Ну, господа, больше Зинаида Сергѣевна пѣть не будетъ... Исполняйте дальше фанты,—чья очередь?

Оказалось, что очередь была Алексѣя. Онъ долженъ былъ быть исповѣдникомъ.

Алексѣй стоялъ около рояля. Взглядъ его, случайно упавшій на ноты, такъ и приковался къ нимъ. Онъ взялъ тетрадку и всмотрѣлся внимательно въ послѣднія слова романа, потомъ перевелъ взглядъ на Зину.

— Идите, идите же въ другую комнату!..

Алексѣй точно забылъ вдругъ, какъ онъ съ дѣтства любилъ всѣ эти шумныя, сложныя игры. Съ какимъ удовольствїемъ выполнялись

имъ всё штрафы и въ особенности тотъ, который онъ заслужилъ теперь. Съ удовольствіемъ входилъ онъ бывало въ роль исповѣдника и инквизитора, тѣмъ болѣе, что эта роль давала возможность поговорить наединѣ.

Неохотно пошелъ онъ въ специально имъ же приготовленную комнатку... Хотѣлось сѣсть около Зины и Рулева, смѣяться съ ними, смотрѣть на Зину,—спросить ее, почему это она измѣнила послѣднія слова романа.

Наташа принялась устанавливать очередь къ исповѣднику.

— Вставайте въ очередь, — обратилась она къ Рулеву и Зинѣ. оживленно разговаривающимъ о пѣніи и музыкѣ.

— Не пойдете, останетесь здѣсь сидѣть и будемъ говорить, — предложилъ Рулевъ.

— Нѣтъ, непременно идемте... Не удобно, — мы можемъ продолжать нашъ разговоръ стоя. Не правда-ли?..

Очередь подвигалась, — и незамѣтно для себя Зина очутилась послѣдней у закрытой двери.

Хорошенькая гимназистка, сіяя голубыми глазами, выпорхнула изъ комнаты — и туда вошла Зина. Вошла и изумленно остановилась.

Въ комнатѣ было почти темно, — ее освѣщаль не то желтый, не то зеленый фонарь, свѣтящій изъ за верхушекъ елей. Когда глаза Зины немного привыкли къ темнотѣ, она увидѣла, что почти вся комната заставлена цвѣтами и елками. На садовой скамейкѣ сидѣлъ Алексѣй.

Зина засмѣялась.

— Я попала въ какой то зимній садъ... Еще не много, и миражъ былъ бы полнымъ...

— Вотъ ужъ не успѣли войти, — смѣетесь... Я — исповѣдникъ имѣю право предложить вамъ три вопроса и требовать правдиваго отвѣта...

— Ну, спрашивайте, — улыбнулась Зина и сѣла рядомъ съ нимъ.

— Вотъ первый вопросъ... Скажите, — вы измѣнили послѣднія слова романа случайно или преднамѣренно?.. Вы спѣли: «И пусть оно снова узнаетъ счастье, хотя бы во снѣ», — а въ романѣ: «И пусть оно счастье узнаетъ хоть въ забытѣ, хоть во снѣ»... Согласитесь, что ваша редакция хуже...

— Можетъ быть, — но это болѣе подходитъ къ моему личному настроенію... А для меня важно, чтобы слова, которыя я пою, выражали мои чувства...

— Такъ!..

Алексѣй задумался.

Зина лукаво посмотрѣла на него и тоже замолчала.

— Счастливица вы, вздохнулъ вдругъ Алексѣй.

— Почему? — удивилась Зина.

— Ей Богу, не знаю, самъ не знаю, но только чувствую, что вы безконечно счастливы, переживъ много и хорошаго и грустнаго... Вотъ вы пѣли: «И пусть оно снова узнаетъ счастье хотя бы во снѣ»... Снова! —

значить вы знаете, что такое счастье? Значить, вы познали счастье... Такъ?.. Да?!

Зина молчала.

— Простите меня,—продолжалъ Алексѣй,—я не долженъ бы вторгаться въ вашу душу, но вы дали мнѣ нѣкоторыя права. Вашимъ пѣніемъ вы пробудили столько мыслей, столько спавшихъ чувствъ... Когда вы пѣли, мнѣ было жаль васъ,—вы кончили, я вамъ завидую. Мнѣ кажется, вы, именно, вы съ вашимъ дивнымъ голосомъ можете пережить много счастливыхъ, прекрасныхъ моментовъ...

— И дать ихъ другимъ,—звонко разсмѣялась Зина.

Пока Алексѣй говорилъ, а говорилъ онъ путаясь, смущаясь,—онъ видимо сильно волновался, самыя разнообразныя мысли проносились въ ея головѣ. Сначала ее насмѣшила немного его сентиментальность, потомъ его слова точно затронули завѣтныя струны души,—но въ общемъ, когда онъ замолкъ, волна той жизнерадостности, на которую способна только живая энергичная молодость, захватила ее и понесла по теченію.

— А знаете, вѣдь въ этомъ тоже много поэзіи, красоты и счастья дать другому прекрасный моментъ,—говорила она, улыбаясь.

— Не знаю, чему вы смѣетесь,—удивился Алексѣй. По моему, то, что вы сказали, глубокая правда и во всякомъ случаѣ заслуживаетъ быть сказанной болѣе серіознымъ тономъ... Дать счастье другому человѣку!.. Зинаида Сергѣевна, мы стремимся достигнуть всемірнаго счастья, а вѣдь каждый изъ насъ, мечтая о счастіи многихъ, не умѣетъ создать своего личнаго счастья и ужъ, конечно, не сумѣетъ дать счастье другому, *одному* человѣку...

— Не понимаю васъ, Алексѣй?.. Алексѣй Николаевичъ,—о чемъ вы говорите,—о счастьѣ всего міра?.. По моему, и говорить не нужно,—но дать счастье одному человѣку, создать свое личное счастье можно. Надо только, чтобы судьба благоприятствовала... Чтобы дать счастье мужчинѣ, я должна его любить и быть любимой имъ,—и только, а ужъ тамъ мнѣ кажется, и заботиться не о чемъ...

— Вы не совсѣмъ поняли меня, Зинаида Сергѣевна,—я не говорилъ о половой любви. Нѣтъ,—я говорилъ о томъ счастьѣ, о томъ наслажденіи, которое даритъ артистъ слушателямъ, зрителямъ... Но все равно—и то, что вы говорите, прекрасно... Спасибо вамъ, вы такъ хорошо говорите, что дѣлается легко на душѣ... Но куда же вы?..

— Мнѣ пора уходить... Нельзя такъ долго исповѣдываться... Пойду, пойду... Но мы еще говоримъ...

Она пожала ему руку и вышла изъ комнаты.

Черезъ полчаса Алексѣй уже окончилъ исповѣдь и былъ около Зины. Тутъ же терся и Рулевъ.

Начались танцы. Зина танцевать отказывалась.

— Не хочется, нѣтъ настроенія, говорила она Алексѣю. Вы танцуете, а мы съ Александромъ Александровичемъ посидимъ, потолкуемъ, онъ кстати не танцуетъ.

— Вот именно!—подтвердил радостно Рулевъ.—Именно, не танцую!

Онъ смотрѣлъ на Алексѣя съ видомъ побѣдителя.

— Ну, и я тоже посижу,—заявилъ тотъ.

— Алеша! И не думай сидѣть! И такъ мало кавалеровъ! Всѣ не танцуютъ, говорятъ, танцы не въ модѣ. Нѣтъ ужъ ты то пойдемъ.—

Наташа тербила брата за рукавъ, обиженно оттопыривъ нижнюю губку.

— Пойду, пойду, Наточка, не сердись! Отвѣчалъ братъ, мягко отводя отъ рукава ея руку,—отцѣпись, милая! Идемте, Зинаида Сергѣевна.

Наташа отошла, въ душѣ все же досадуя на брата.

— Какъ будто нѣтъ больше барышень! Думала она.—И чего просить!

Зина упорно отказывалась танцевать.

Молодежь танцевала усердно. Около стѣнъ на стульяхъ сидѣли пожилая дамы съ редикюлями на колѣняхъ и сложенными на нихъ руками. Въ дверяхъ стояли съ серьезнымъ видомъ нетанцюющіе гимназисты. Отцы семействъ, какъ водится, не вылѣзали изъ за картъ до ужина.

Въ столовой хозяйка спѣшно накрывала на столъ.

Зина съ Рулевымъ попрежнему сидѣла около рояля. Рулевъ все разспрашивалъ, гдѣ она жила въ Петроградѣ, гдѣ бывала.

Узнавъ, что она жила на пятой ротѣ онъ ужасно обрадовался.

— На пятой ротѣ? Домъ первый? Господи! Да вѣдь тамъ живетъ мой товарищъ, и самъ я близко живу. Какъ мы не встрѣчались? Ну теперь я буду встрѣчать васъ!

— Да я не собираюсь больше ѣхать въ Петроградъ!

Зину и смѣшила и привлекала его торопливость и восторженность.

Она видѣла, какое сильное впечатлѣніе произвела на него.

— Совсѣмъ готовъ,—думала она...

Дѣйствительно, онъ былъ совсѣмъ «готовъ».

— Сколько вамъ лѣтъ, спросила она, впрочемъ, извините...

— Отчего же? Это не секретъ, мнѣ двадцать... Двадцать первый пошоль.

— А а! А онъ хорошо танцуетъ!

— Кто?

Да вотъ вашъ товарищъ Алексѣй... Николаевичъ...

— Да! Алеша всегда у насъ отличался... Танцоръ... Только какъ же это вы съ моихъ лѣтъ на его ноги перескочили?

— И барышня, его дама, прелестно танцуетъ,—начала было Зина, но, услышавъ послѣднія слова Рулева, расхохоталась. Никуда я не скакала, что вы говорите,—но, увидѣвъ смущенное лицо Рулева, замолчала.

Отъ него трудно было ожидать двусмысленностей.

Алексѣй, любившій потанцовать, невольно увлекся. Его дама, хорошенькая голубоглазая гимназисточка танцевала съ большимъ увлеченіемъ. Это была лучшая танцовщица въ гимназіи.

Съ невольнымъ любопытствомъ и почти съ завистью смотрѣла Зина на ея хрупкую дѣвичью фигурку, въ ея лучистые, довѣрчивые глаза, съ какимъ то почти благоговѣніемъ устремлявшіеся на Алексѣя.

— Влюблена въ него, — рѣшила Зина. А онъ?..

Но въ лицѣ Алексѣя трудно было уловить малѣйшій намекъ на нѣжность.

Посадивъ дѣвушку недалеко отъ Зины, онъ подошелъ опять къ ней.

— Вы, я вижу, танцоръ большой руки... Здѣшній левъ, вѣроятно, — усмѣхаясь, говорила Зина.

Алексѣй недовольно поморщился.

— Не левъ, нѣтъ, львенокъ, — подхватилъ Рулевъ, — и онъ, знаете, напоминаетъ того артиста, который исполнялъ эту роль.

— Какую роль, что вы? — Одновременно удивились и Алексѣй и Зина.

— Да въ этой пьесѣ... Неужели не знаете, — я нынче видѣлъ...

— Орленокъ, можетъ быть...

— Ну, конечно, орленокъ!.. А я то, я-то, голова садовая, спуталъ почему то со львенкомъ...

Зина звонко хохотала. Лишь Алексѣю было не смѣшно, — болтовня товарища сердила его. Ему все хотѣлось сказать что-то Зинѣ и, казалось, такъ много надо было сказать ей.

— Спойте еще чтонибудь, Зинаида Сергѣевна, — пораруйте... Ну, если не хотите пѣть, будемъ говорить... Вы такъ оборвали тогда, — мы только что разговорились...

— Позвольте, это вы разговорились, — я только слушала... А вы и меня приплели.

— Ахъ, вотъ что, — тогда, можетъ быть, мнѣ и теперь лучше уйти отъ васъ... Можетъ быть, я уже надоѣлъ вамъ своей навязчивой разговорчивостью...

Онъ приподнялся было.

— Полноте, полноте, — почти шопотомъ сказала Зина и какъ то пытливо, точно въ душу заглянула, посмотрѣла ему въ глаза.

Рука ея, маленькая, нѣжная, съ красивыми продолговатыми ногтями, тоненькими, чуть холодными пальчиками тихо опустилась на его руку. Незнакомая жуткая дрожь охватила Алексѣя, что то съ силой сладко одуряюще сжало сердце и страннымъ холодкомъ отдалось въ мозгу.

Понемногу танцюющія пары порѣдѣли. Смолкла, наконецъ, музыка. Публика занялась игрой въ почту.

— Перейдемъ вонъ въ тотъ уголокъ, тамъ такъ хорошо, а главное, не будемъ занимать мѣста, удобнаго для игры въ почту...

— Вы вѣдь не будете писать писемъ?..

— Почему?.. Нѣтъ, не буду,—добавила она, уже понизивъ голосъ. И голосъ какъ то дрогнулъ, точно нѣжныя нотки послышались въ немъ. И отвѣтной дрожью дрожало все въ душѣ Алексѣя. Имъ овладѣло одно желанье,—сѣсть опять близко близко къ этой женщинѣ: смотрѣться въ ея дивныя глаза, слышать голосъ ея, серебристый смѣхъ... Хотѣлось снова прикоснуться къ маленькой холодноватой ручкѣ, заставить сердце сжаться также больно и сладко.

Курсистка **А. Чемоданова.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

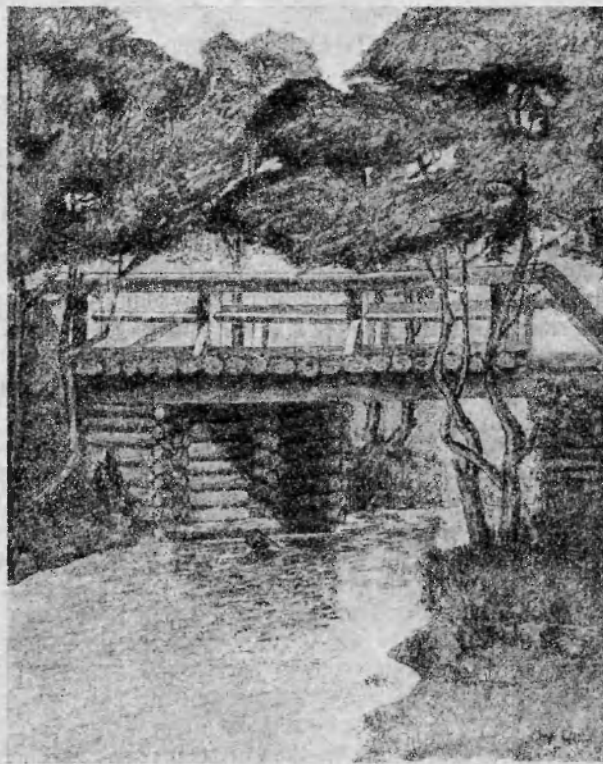

Рис. Мих. Си—о.

* * *

Когда встает туманъ надъ сонною рѣкою,
Вуалью кутая прибрежные кусты;
Когда нисходитъ ночь и ризой голубою,
Увитой звѣздами, мерцаетъ съ высоты;
Когда царить весна въ истомѣ аромата
И радостенъ весенней зелени нарядъ,
И алые лучи пурпурнаго заката
Вершины старыхъ липъ, лаская, золотятъ:
Когда въ лазури водъ прелестны переливы,
И о невѣдомомъ даль неба говорить,—
— Тогда душа моя сжимается пугливо,
— Тогда душа моя тоскуетъ и молчить.
Когда же осенью надъ хмурою землею
Свинцовымъ пологомъ нависнуть облака,
Когда, окутана сырой осенней мглою,
Стоитъ недвижная холодная рѣка;
Когда прощальный лучъ ласкаетъ георгины—
Печальной осени любимые цвѣты,
И нити тонкія прозрачной паутины
Витаютъ въ воздухъ, какъ прошлаго мечты;
Когда на всемъ лежитъ предъ близкою невзгодой
Невнятной горечи и нѣжности налетъ,—
— Тогда душа моя сливается съ природой,
— Тогда душа моя и любить и живетъ...

А. В. Жуковскій.

Юрьевъ.
1913 г.

ПРЕЛЮДЪ.

Посвящаю Душѣ Дубовой.

Мнѣ такъ скучно и больно, что ея нѣтъ больше, мнѣ такъ жаль, такъ обидно, что она уже умерла,—сердце не выдерживаетъ, сознаніе омрачено и крупныя слезы, сдавливая горло, безудержно падаютъ на грудь.

А когда то я былъ съ ней, помню, надъ зеленымъ прудомъ уснуващаго сада; былъ вечеръ, свѣжо, совсѣмъ тихо; она смѣялась, что я согрѣвалъ ея руки въ своихъ, и такъ ласково, такъ красиво смотрѣла въ глаза мнѣ...

Потомъ въ комнатѣ, рядомъ со мной, прижавшись ко мнѣ; открыто окно, осени поздней врывается холодъ и желтыя листья, и мракъ безпросвѣтный, и узкой полоской луна иногда изъ-за тучъ... жутко кругомъ, мы только одни.

.....
Мнѣ такъ скучно и больно, что ея нѣтъ больше, мнѣ такъ жаль, такъ горько, что она уже умерла—сердце не выдерживаетъ, разумъ потухъ и рыданія рвутся невольно, и силъ нѣтъ никакихъ, и слезъ даже нѣтъ.

Вл. Игнатовичъ.

Закатныя поля.

То зеленымъ полямъ самоцвѣты
Золотую межу провели..
Вонъ знамена багрянаго лѣта
Завѣтрились пѣвуче вдали!..
Захлესнуло плакучей свирѣлю
Предвечернюю душу мою...
Чу! Гремить золотое веселье
Въ заповѣдномъ старинномъ краю...
Не моя ли судьбина плачевно
Отзвенѣла въ поляхъ золотыхъ?
Помяни же меня, королевна,
Въ серебристыхъ молитвахъ твоихъ!..

Яковъ Ильинъ.

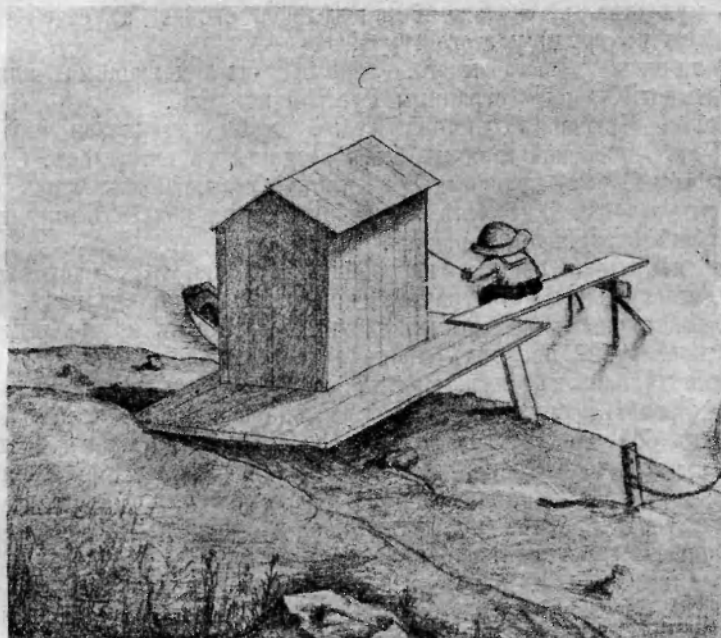
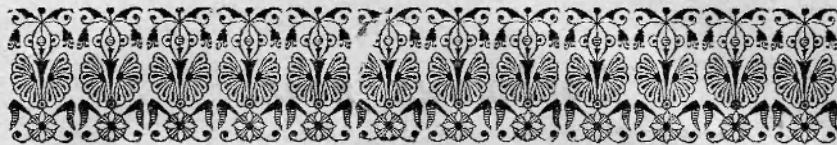

Рис. Мих. Си—о.

Привѣтъ героямъ.

олодецкій подвигъ лихого казака Козьмы Крючкова, изрубившаго въ рукопашной схваткѣ одиннадцать нѣмцевъ, является однимъ изъ яркихъ показателей подъема патріотическаго чувства въ душѣ русскаго человѣка. Очертя голову кинуться на группу враговъ въ 22 человѣка, съ безавѣтной храбростью и почти сверхъестественной ловкостью рубить на-право и на-лѣво, волчкомъ извиваться среди двухъ десятковъ никъ, получить шестнадцать ранъ и, зарубивъ половину отряда, обратить непріятеля въ позорное бѣгство, согласитесь, сколько мужества и сколько безпредѣльной любви къ своей Родинѣ должно быть въ груди у этого героя!

А такихъ героевъ много,—такими ошеломляющими подвигами исписаны многія, многія страницы Русской исторіи...

Козьма Крючковъ достоинъ того, чтобы при жизни ему въ его родной Усть-Хоперской станицѣ былъ воздвигнутъ памятникъ. Онъ безъ лишнихъ словъ, безъ красивыхъ жестовъ и позъ, однимъ лишь стихійнымъ порывомъ своей несомнѣнно глубокой души показалъ міру примѣръ изумительной преданности присягѣ.

Онъ не только пошелъ на войну, онъ не только стрѣлялъ по командѣ, «наступалъ», «отступалъ», «прицѣливался» и «палилъ»,—онъ не только былъ вѣрнымъ солдатомъ, дисциплинованнымъ и храбрымъ—онъ въ своемъ поступкѣ проявилъ своего рода гениальность, то есть, высшее напряженіе душевныхъ силъ. Видѣть передъ собою 22 непріятельскихъ солдата, хорошо вооруженныхъ, готовыхъ, очевидно, во всякую минуту вступить въ бой—и кинуться на нихъ!.. Это не отвага, это не простой лихой наскокъ, это даже не дерзость, это—с т р а с т н о е ж е л а н і е побѣдить врага. И, бросаясь въ явно неравный бой, Крючковъ въ сердцѣ своемъ уже несъ побѣду, ибо страстное желаніе въ существѣ своемъ есть на половину осуществленіе.

Какъ извѣстно, на этомъ законѣ основаны всѣ оккультныя науки, начиная отъ пресловутаго спиритизма, гипнотизма и кончая бѣлой и черной магіей (если таковыя существуютъ). Напряженіе воли можетъ быть настолько сильнымъ, что подъ вліяніемъ совершающагося душевнаго подъема человѣкъ чувствуетъ себя какъ бы перерожденнымъ. Невидимая

метаморфоза преображаетъ человѣка, обостряетъ мозгъ, очищаетъ сознание, заставляетъ сильнѣе биться сердце, заставляетъ глубже чувствовать, яснѣе познавать и наиболѣе чутко воспринимать.

Помните,—

«... И внялъ я неба содроганье,
И горнии ангеловъ полеть,
И гадъ морскихъ подводный ходъ,
И дольній розы прозябанье!..»

Вдохновеніе,—вотъ то, что заставляетъ восторгнуться душу поэта, что ослѣняетъ художника, что вздергиваетъ нервы артиста, что озаряетъ умъ мыслителя,—вотъ то, что толкаетъ броситься на двадцать два неприятельскихъ солдата и даетъ силы не меньше половины изъ нихъ зарубить! Козьма Крючковъ своимъ геройскимъ подвигомъ краснорѣчиво подчеркнул, что вдохновеніе война еще сильно на Руси.

Герой—не есть ли тотъ же геній? Суворовъ былъ настолько же герой, какъ солдатъ, насколько былъ и геній, какъ стратегъ. Пушкинъ былъ геній въ мірѣ поэзіи, Суворовъ—геній въ мірѣ войны. Пушкинъ—поэтъ, Суворовъ тоже поэтъ, но только поэтъ войны, поэтъ сраженія, битвъ. Творчество какъ того, такъ и другого одинаково было озарено пафосомъ, то есть высшимъ напряженіемъ воли и чувствъ.

Вотъ почему геройскій подвигъ Козьмы Крюčkова имѣетъ большое моральное значеніе. Этотъ подвигъ прежде всего и громче всего говоритъ о неисчерпаемыхъ богатствахъ Русской души,—души, сумѣвшей все еще цѣльной выйти изъ омута современнаго умственнаго и духовнаго разврата.

Подвигъ Крюčkова прежде всего красивъ, онъ овѣянъ благородными порывами, вызывающими на глазахъ слезы восторга,—онъ искрененъ. И народъ, когда до него дойдетъ вѣсть о Крючкѣ, пойметъ красоту этого поступка, пойметъ потому, что самъ онъ во всемъ его цѣломъ, въ минуту вдохновенія, поступилъ бы, именно, также. Что ни говорите, а Русский народъ, когда вопросъ коснется его чести,—и храбръ, и безпощаденъ, и беззавѣтенъ. Онъ храбръ до полнаго забвенія своихъ личныхъ интересовъ, своей личной жизни,—онъ безпощаденъ прежде всего къ себѣ (шестнадцать ранъ), и беззавѣтенъ въ исчерпывающемъ служеніи долгу.

Геройскій подвигъ Крюčkова красивъ до послѣдняго штриха, красивъ бессознательно, красивъ самъ въ себѣ.

Для того, чтобы вылить наружу свое патріотическое воодушевленіе, чтобы засвидѣтельствовать свои вѣрнопопуданническія чувства, Русское общество по городамъ собиралось въ многотысячныя манифестаціи, грандіознымъ хоромъ восторженно пѣло «Боже, Царя храни», а журналисты строчили аршинныя статьи о возрожденіи славянства, всеславянской имперіи, о значеніи русскаго націонализма, о преданности инородцевъ... Козьма же Крючкѣвъ поступилъ гораздо проще,—онъ поѣхалъ на войну,

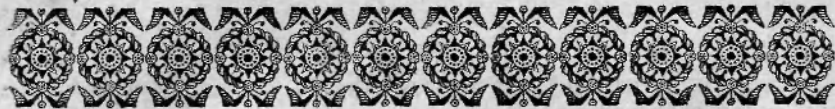
на передовыя позиціи и въ первой же серіозной схваткѣ изрубилъ въ какія нибудь десять минутъ одиннадцать нѣмцевъ.

Россія не ахнула передъ этимъ далеко необычнымъ явленіемъ.— Россія даже не аплодировала казаку. Она просто послала ему вмѣстѣ съ маленькимъ крестикомъ св. Георгія свое великое спасибо, ибо знала, что въ ея распоряженіи нѣтъ такихъ наградъ и украшеній, которыя могли бы поспорить съ шестнадцатью боевыми ранами.

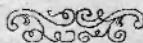
Крючковъ является счастливѣйшимъ человѣкомъ еще потому, что ему первому выпалъ случай такъ широко помѣриться своими силами съ врагомъ,—силами, конечно, не только физическими, но главнымъ образомъ, душевными. Въ его подвигѣ отразилось настроеніе всей Россіи, которая, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, если только будетъ нужно,—безъ разсужденія кинется на врага вотъ также, какъ кинулся Козьма Крючковъ.

Вотъ почему за участь Россіи въ разгорѣвшейся европейской войнѣ нечего бояться. «Должны побѣдить»,—настойчиво пишетъ М. О. Меньшиковъ,—и п о б ѣ д и м ъ, добавлю я. Русскіи духъ—широкій, привольный, разудалый и беззавѣтный,—Русское сердце, пусть не достаточно «выдержанное», но безконечно преданное завѣтамъ Родины—приведутъ войну къ неизбѣжному, вполне естественному концу—къ побѣдѣ Россіи надъ озвѣрѣвшимъ германизмомъ. Недаромъ у Наполеона въ битвѣ, кажется, при Ватерлоо вырвалось: «Русскаго солдата не достаточно убить, его надо еще и повалить!» Только не мѣшайте этому солдату исполнить свой долгъ до конца и онъ, даже мертвый, заставитъ врага трепетать.

Мих. Спасовскій.

БОГЕМА.

Маленькая, темноватая квартирка на одной изъ отдаленныхъ линіи Васильевскаго Острова. Окна выходятъ въ мрачный грязноватый дворъ—одинъ изъ тѣхъ каменныхъ колодезь, которыми такъ богатъ Петроградъ. Лѣстница темная, сыроватая; грязныя двери, допотопныя жалко дребезжащія, звонки... Двери квартиръ отворены, изъ каждой несетса чадъ и запахъ кухни.

Въ квартиркѣ однако довольно уютно, особенно вечеромъ, когда свѣтъ лампы прогоняетъ сѣрые сумерки петроградскаго дня. Уютно, не смотря на какъ бы нагроможденную лишнюю мебель, и развѣшанныя кружныя не по комнатѣ картины... остатки когда-то богатой жизни...

Квартира изъ трехъ комнатъ. Въ средней, самой большой съ двумя окнами, выходящими въ стѣну, чуть не полкомнаты заняли двѣ широкія старинныя оттоманки со множествомъ расшитыхъ на разные лады шелковыхъ подушекъ. Передъ одной изъ оттоманокъ овальный подъ истертой бархатной скатертью столъ. На оттоманкѣ, поджавъ подъ себя ноги, сидитъ блѣдная, некрасивая лѣтъ 25 дѣвушка, занятая какимъ-то рукодѣльемъ.

Маленькая сѣдѣная старушка въ черной кружевной наколкѣ, въ передникѣ поверхъ темно-сѣраго платья, быстрыми движеніями накрываетъ столъ.

— Катечка! будемъ пить кофе, убернъ свою работу...

Дѣвушка медленно подымаетъ большіе, неприятно разбѣгающіеся глаза и грустно, точно во снѣ, безучастно отвѣчаетъ:

— Кофе пить? Хорошо, мама...

Старушка суетится, ставитъ на столъ корзинку съ недорогимъ печеньемъ булки, масленку...

— Танюшка! Давай,—кричитъ она,—вскипѣлъ кофе?

Изъ кухни дѣвочка лѣтъ четырнадцати, нервнительная, неловкая, въ ситцевомъ розовомъ платьѣ и бѣломъ передникѣ несетъ на подносѣ кофейникъ и посуду. Старушка и дѣвушка пьютъ кофе.

Катя уныло намазываетъ масломъ хлѣбъ, а мать съ тревогой смотритъ въ ея заплаканные глаза.

— Опять ты, Катенька, съ утра разстраиваешься...

Старушка тяжело вздохнула. Дочь по прежнему уныло молчитъ...

Не легко живетъ Наталья Михайловнѣ. Два года тому назадъ схоронила она старшаго сына, бывшаго опорой, кормильцемъ семьи со смерти отца, умершаго внезапно, оставивъ женѣ лишь часть пенсїи. Вся тяжесть легла тогда на плечи старшаго сына, уже окончившаго правовѣда. Были кой-какія знакомства, и Александръ быстро пошелъ по службѣ. Слѣдующая за нимъ по старшинству сестра умерла при его жизни, остальныхъ—вторую сестру Катю и брата Ивася—Александръ съ матерью подымали, какъ могли.

Ивасъ благополучно шелъ въ гимназіи и кромѣ того оказалъ болѣнія способности къ музыкѣ, съ Катей же не посчастливилось: послѣ трехлѣтняго пребыванія въ институтѣ, ее оттуда попросили взять за болѣзненной неспособностью. Мать и братъ дѣлали все, что могли: брали домашнихъ учителей, пробовали сдать въ гимназію, готовить къ экзаменамъ экстерномъ—не выходило ничего. Дѣвочка росла хмурой, блѣдной, вѣчно-грустной. Возили къ докторамъ... нѣкоторые прописывали и рекомендовали всевозможные лекарства и методы, другіе, покачавъ головой говорили: вырожденье! А узнавъ что отецъ былъ алкоголикъ, махали рукой:—«Безнадежно». Махнули рукой и родные. Катя цѣлые дни сидѣла дома, изрѣдка выражая желанье пройтись, то шла, то читала любую попавшуюся книгу, иногда ѣздила въ театръ, гдѣ почти непремѣнно плакала.

Ивасъ же тѣмъ временемъ окончилъ гимназію, уже поступилъ въ университетъ и съ удовольствіемъ щеголялъ новой формой... Вдругъ неожиданно (простудившись, схвативъ воспаленье легкихъ) умеръ старшій братъ.

Разомъ рушилось все благосостояніе семьи. Наталья Михайловна, нѣсколько лѣтъ тому назадъ стойко вынесшая смерть мужа, теперь со-всѣмъ поникла. Постарѣла на десять лѣтъ разомъ, осунулась, похудѣла. Горька была потеря и обидно было, что этотъ сынъ прожилъ всю жизнь, какъ поднялся на ноги, только для другихъ, для нея и дѣтей, забывая себя.

— Женись ты, Сашенька, уговаривала часто мать, мѣсто ты занимаешь хорошее, и годы твои подходящїе къ тому... Нельзя же изъ за насъ отъ *своей* семьи, отъ своего счастья отказываться.

— Нѣтъ, мама, сначала надо Ивася на ноги поднять. Кончить университетъ, тогда и могу обзаводиться семьей. Успѣю еще! Полюблю—значитъ судьба, а не полюблю—зачѣмъ жениться. Счастье то мимо не уйдетъ.

Онъ былъ молчаливъ, даже задумчивъ, и Наталья Михайловна все подозрѣвала что онъ влюбенъ, оказалось—не безъ основанія.

На третій день послѣ его смерти кто то позвонилъ. Горничная

доложила, что какая то молодая дама въ траурѣ проситъ видѣть мать покойнаго.

Старушка отерла невысыхающіе почти глаза и вышла въ кабинетъ умершаго сына, куда горничная привела незнакомку. Красивая, но необыкновенно блѣдная молодая женщина, стройная, какъ молодая береза, порывисто поднялась ей на встрѣчу...

— Простите! Вы мать покойнаго Александра Юрьевича?

— Да.

— Я прошу васъ разрѣшить мнѣ видѣть его.. его трупъ... послѣдній разъ...

Грустно взглянувъ на нее, та отвѣчала: хорошо... пойдѣте,—и привела ее въ гостиную, гдѣ стоялъ гробъ. Молодая женщина подошла къ гробу и остановилась какъ вкопанная, точно не рѣшаясь открыть лицо умершаго. Наталья Михайловна деликатно удалилась, и когда, немного обезпокоенная долгимъ пребываніемъ незнакомки около трупа, вошла опять, та стояла наклонившись надъ гробомъ, глядя, немигающими, точно застывшими глазами въ дорогое, повидимому, лицо. На губахъ застыло выраженіе муки... Наталья Михайловна пошла было обратно, но молодая женщина повернулась къ ней, назвавъ ее по имени.

— У меня къ вамъ еще просьба!

— Хорошо. Но откуда вы знаете мое имя?—удивилась та.

— О! я все знаю... грустно улыбулась незнакомка. Васъ я прошу, ради Бога, дайте мнѣ его карточку, если лишней нѣтъ, дайте на нѣсколько дней—переснять.

Наталья Михайловна указала ей на большой кожаный альбомъ.

— Выбирайте!

Молодая женщина быстро выбрала карточку.

— Можно эту?

— Берите, берите!

Наталья Михайловна заплакала...

— Вижу, и вамъ онъ дорогъ, не одной мнѣ!

— Не вамъ одной! Вы потеряли сына. Но у васъ есть еще сынъ, есть дочь, а у меня никого... Одинъ! Одинъ! Она зарыдала,—выпивъ глотокъ воды и быстро оправившись, ушла, поцѣловавъ старушкѣ на прощанье руку.

— Что вы, что вы!—сконфузилась та.

— Вы его мать!—отвѣтила незнакомка, глядя на нее потухшими глазами и... ушла.

— Какъ ни горька была потеря, какъ ни задавлена была горемъ Наталья Михайловна, но мысль объ этой женщинѣ, о ея отношеніи къ покойному сыну не покидала ее.

Задумываться, впрочемъ, было некогда. Нужно было уѣзжать съ большой, хорошо обставленной, насыженной квартиры, нужно было ѣздить, хлопотать объ увеличеніи вдовьей пенсін, ставшей единственной поддержкой.

Ивась былъ занятъ университетомъ, консерваторіей. Катя цѣлые

дни плакала и причитала, что лучше бы умереть ей. Когда Александръ лежалъ въ гробу, она то и дѣло приставала къ Ивасю.

— Ивась! Посмотри на Сашу! Онъ какъ живой.—А вѣдь трупъ!

Братъ, не вынесши безконечнаго повторенія одного и того же, а особенно слова «трупъ», почему то неприятно рѣзавшаго его слухъ, выпалилъ:

— Да отстань ты! Чортъ съ тобой! Трупъ ты... живой!

Катя вдругъ осѣклась, посмотрѣла на него разбѣгающимися глазами удивленно... и ужъ больше не приставала. Зато извела мать, проплакавъ цѣлый вечеръ и все повторяя: трупъ я... трупъ живой... живой трупъ...

Тщетны были всѣ успокоенія и увѣщанія матери.

Ужъ, конечно, надѣяться на ея помощь было нельзя, и Наталья Михайловна сдѣлала все одна. Подыскала маленькую дешевую квартиру, продала лишнія вещи, все это не торопясь, не бросаясь на перваго покупателя и использовавъ цѣликомъ два мѣсяца, за которые была оплачена квартира.

Въ новой квартирѣ жизнь потекла совсѣмъ по новому. Обѣихъ привычныхъ умѣльцъ прислугъ пришлось расчитать. Ихъ замѣнила скромная Танюша, которую нужно было всему учить. И Наталья Михайловна суетилась цѣлый день, стряпала обѣды, варила кофе, ходила на базаръ.

Катя цѣлые дни сидѣла на оттоманкѣ. Чтонибудь вязала, иногда неумѣло напѣвала что-то грустное, отъ чего становилось и змѣшно и жалко... Иногда подходила къ роялю, садилась, брала ноты, но, взявъ два-три аккорда, уже путалась, сбивалась и бросала, грустно возвращаясь на прежнее мѣсто.

— Что же ты, Катечка, бросила то? Спрашивала мать,— поиграла бы!

— Не умѣю, мамочка, все забыла,— тоскливо усмѣхалась та.

Такъ прошло два года. Шель третій. Была осень тоскливая, унылая...

И сегодняшний день былъ унылъ и сѣръ.

Ивась не долженъ былъ притти до вечера. Онъ два раза въ недѣлю приходилъ зимой завтракать часовъ въ двѣнадцать. Это были лучшіе дни для Натальи Михайловны. Слишкомъ ужъ тяжело было сидѣть дома одной съ дочерью.

* * *

Кофе отпить, посуда убрана; Наталья Михайловна собралась въ лавку.

— Пойду на Средній проспектъ... Надо нитокъ купить и иголку для машины, совсѣмъ тупа наша то... Возьму съ собой Танюшку, дѣлать то ей все равно нечего, а скучаетъ дѣвчонка. Останешься одна. Катюша?

— Конечно, мама! Идите себѣ.

Катя запираетъ за ними двери и садится у окна. И ни звука, даже ни шороха не слышно въ квартирѣ, пока не возвращается Наталья Михайловна.

Зажигаются огни, начинается суета, готовятъ и накрываютъ обѣдь, а затѣмъ томятся ожиданьемъ.

Наконецъ, приходитъ и Ивась, снимаетъ пальто и тужурку и идетъ на кухню мыться. Мать бѣжитъ за нимъ съ мыломъ и полотенцемъ.

Всѣ сидятъ за столомъ. И мать и даже дочь оживились. Въ комнаткѣ уютно, ярко горитъ лампа, окна закрыты шторами, накрытый чистой бѣлой скатертью столъ производитъ приятное впечатлѣніе.

— Мама,—говоритъ Ивась,—у меня работы по факультету становится все больше. Придется бросить урокъ... Не сдать ли намъ одну комнату. Мою бы, маленькую, а мы въ двухъ помѣстимся, я думаю, рублей 15—16 дадутъ за нее.

— Ну что же! Придется,—вздыхаетъ мать,—ты займешь нашу комнату, тамъ тебѣ и пианино поставимъ, и заниматься будетъ удобно: а мы съ Катей здѣсь помѣстимся на диванахъ.

Старушкѣ уже не сидѣлось больше. Съ помощью сына и прислуги, она, очистила комнату, бывшую до сихъ поръ кабинетомъ и спальнкой сына и не легла спать, пока не приготовила комнату для сдачи вполнѣ.

Утромъ комнату сдали первымъ же пришедшимъ двумъ барышнямъ курсисткамъ, молоденькимъ и веселымъ.

Онѣ никакъ не ожидали найти въ сравнительно позднее уже время, начало октября, такую маленькую и недорогую комнату.

Одна была высокая стройная блондинка съ яркимъ румянцемъ и блестящими бѣглыми поразительно красивыми глазами, другая невысокая, черноглазая, чуть замѣтно пришепывала, что къ ней очень шло. Онѣ обѣ понравились Натальи Михайловнѣ.—Какія живыя! Хорошенькія веселыя, и какія молоденькія! Ъдутъ за тысячи верстъ однѣ. Видимо, изъ интеллигентныхъ семей, а жить хотятъ двое въ такой маленькой комнаткѣ... Что еще намъ жаловаться! Занимаемъ двѣ большіихъ комнаты трое,—говорила Наталья Михайловна.

Она пригласила ихъ обѣдать. Обѣ немного смутились, но обѣдать пришли. Быстро перезнакомились и разговорились, потомъ занялись чаемъ.

— Посчастливилось намъ въ этомъ году съ квартирой!—сказала одна изъ курсистокъ, блондинка, Надя. Случалось, ищешь, ищешь комнату, сколько шестыхъ этажей отмѣряешь а все ничего подходящаго. Такія комнаты сдаются обыкновенно еще въ августѣ. Отчего это ваша комната такая славная и такъ долго застоялась?

— Да ужъ такъ видно, на ваше счастье... засмѣялась Наталья Михайловна.

— Вы первый годъ на курсахъ?—обратилась къ курсисткѣ Катя.

— Нѣтъ! Я ужъ старая курсистка! Третій годъ начинаю!—засмѣялась Надя,—а вотъ Лена—помоложе, второй годъ на курсахъ.

— Господи! Какія же молоденькія вы пріѣхали впервые то!—Ахнула Наталья Михайловна,—и однѣ, безъ родителей, въ чужомъ городѣ!

— Ничего! У насъ очень многія курсистки прїѣзжаютъ на курсы 17 лѣтъ. И привыкають сразу къ самостоятельности. Прїѣхали, помню, мы съ подругой (она заболѣла и теперь не учится): обѣ только что окончили гимназю. обѣимъ по 17 лѣтъ, мнѣ даже не было семнадцати, обѣ нигдѣ, кромѣ родного городка, не бывали и ничего себѣ. Оставили вещи на вокзалѣ, да еще какъ оставили то! Не сдали на хранение: еще не знали, что можно такъ сдѣлать, а оставили въ дамской уборной на попеченье горничной, сами же вооружились планомъ Петрограда, отправились искать комнату трамваемъ.

Правда, въ первое время побивались-таки очень въ совершенно чужой семьѣ. Запирались, баррикады около дверей изъ стульевъ и столовъ устраивали; да, много было всевозможныхъ курьезовъ!

— Нѣтъ! Я бы не отпустила свою дочь такъ одну одишеньку въ чужой городъ... да такую молоденькую!

Невольно взгляды Нади и Лены и заодно и Ивася, точно по какому то гипнозу, устремились на Катю. Стало какъ то неловко...

— Какая странная эта дочь хозяйки...—говорила Надя подругѣ, ложась вечеромъ спать.—Производитъ впечатлѣніе слабо-умной. Почему то страшно жалко ее.

* * *

Съ прїѣздомъ курсистокъ въ маленькой квартирѣ стало точно свѣтлѣе, быть можетъ потому, что выпалъ снѣгъ, немного порѣдѣли безостановочно морозящіе осенніе дожди. Стало и веселѣе. Съ утра раздавались молодые звонкіе дѣвичьи голоса, звонкій хохоть то и дѣло звучалъ въ квартирѣ.

Наталья Михайловна особенно суетилась, провожая сына въ кухню умываться, и, проходя мимо двери курсистокъ, стучала, предупреждая:

Кухня занята! Ивась моется... Послѣ Ивася въ крохотной кухонькѣ запирались дѣвушки и плескались у водопровода добрыхъ полчаса.

Въ первое же утро, войдя послѣ нихъ на кухню, Наталья Михайловна ахнула: по всему полу была разлита вода...

— Ужъ мы всегда такъ! оправдывалась Надя.—Ничего, ваша Танюшка подотретъ. Мы уже уговаривались съ ней...

И Танюшка была довольна и особенно старалась почистить барышнямъ ботинки и вычистить платья. Во-первыхъ, онѣ пообѣщали ей по рублю «за услуги», а во вторыхъ, постоянно шутили съ ней.

Когда Таня приносила заказанныя курсистками булки или бутылку молока, Надя обыкновенно шутливо благодарила ее:—«Мерси»!

— Не знаю, барышня, что это вы говорите... мерсю...

— Ахъ ты мерсю!

Такъ и прозвали ее мерсю».

Теперь то и дѣло въ квартирѣ начали раздаваться звонки. Постоянно заходили курсистки, студенты, земляки, однокуреницы и случайные

знакомые. У Лены была гитара, она любила напѣвать веселыя, захватскія пѣсенки.

Разъ, въ день рожденія Лены, устроили даже цѣлую вечеринку. Ивася не было дома и Наталья Михайловна предложила къ ихъ услугамъ всю квартиру. Собралось человѣкъ пятнадцать. Время провели необычайно весело.

— Вотъ вѣдь!—удивлялась снова Наталья Михайловна:—студенты, такіе солидные есть среди нихъ, а способны до сихъ поръ, какъ дѣти, увлечься, пѣть нестройнымъ хоромъ, играть въ «жаренную индюшку», дурачиться на всѣ лады... Особенно понравилось ей, что они чувствовали себя удивительно просто, сразу всѣ запомнили ея имя, то и дѣло обращаясь къ ней съ разными просьбами: то нужно было кольцо, то замок, то веревку.

Давно ужъ Наталья Михайловна такъ не хлопотала, стараясь сдѣлать попривлекательнѣе скромную закуску, сдѣланную на средства курсистокъ, и ужасно жалѣла, что среди молодежи нѣтъ ея Ивася, можетъ и онъ скинулъ бы на вечерокъ свою постоянную сосредоточенность и серьезность...

Уходя, студенты и курсистки прощались съ Натальей Михайловной какъ съ давно знакомымъ человѣкомъ, и благодарили ее отъ души. Никогда еще она не проводила такого славнаго вечера.

На другой день она подѣлилась своими впечатлѣніями съ Надей.

— Ужъ очень хорошіе они всѣ, эти ваши студенты, я такихъ не видала, простые, веселые, не то что наши петроградцы, товарищи Ивася!

— Да! ужъ если они такіе мертвецы, какъ вашъ сынъ, то дѣйствительно, наша компанія не могла васъ не удивить.

Наталью Михайловну нѣсколько обидѣлъ столь нелестный отзывъ о сынѣ.

— Ну, мой то Ивася работаетъ много! Уроки давалъ все время... вотъ пересталъ давать, комнату и сдали...

— А что жъ, вы думаете, наши товарищи, студенты, не работаютъ? О! Есть такіе, что полдня бѣгаютъ по урокамъ, едва успѣвая заглянуть на лекціи. И все для того чтобы имѣть жалкіи обѣды, да комнату на двоихъ, а то и на троихъ, и возможность заниматься науками лишь вечеромъ. И все же науку двигаютъ,—засмѣялась подъ конецъ своей горячей рѣчи Надя.

Вечеромъ Наталья Михайловна заговорила на эту тему съ сыномъ...

— Ну вотъ!—обидѣлся Ивася. По ихъ мнѣнію, если человѣкъ не дурачится и не прыгаетъ, то онъ непременно мертвецъ... Будто *жизнь* выражается именно во всѣхъ этихъ глупыхъ прыжкахъ... А что они не тяготятся бѣдностью, то это тоже понятно—въ такихъ условіяхъ выросли. И же... впрочемъ, тебѣ лучше знать, въ какихъ условіяхъ выросъ я... И потому вотъ что, мама, не бѣгай ради Бога за мной съ полотенцемъ, когда я иду умываться, и вообще не обставляй ты все это такимъ свя-

ценнодѣйственнымъ характеромъ. Онѣ тамъ хохочутъ надъ этимъ, въ остроты даже вдаются, да и правда, смѣшно.

Въ голосѣ Ивася слышалась досада.

Наталья Михайловна привязалась къ дѣвушкамъ, какъ къ роднымъ. Особенно полюбила она Надю и дѣлилась съ ней всѣми горестями и радостями. Надя знала прошлое семьи, знала о грустной болѣзни Кати и замѣтно старалась развлечь бѣдную дѣвушку, занять ее. То просила что нибудь переписать, то приносила и рекомендовала прочесть какую нибудь новую книжку, то звала пройтись, проводить ее до курсовъ или же умоляла починить что нибудь изъ своего костюма.

— Знаете, Наденька, — сообщала разъ Наталья Михайловна. Къ намъ сегодня гостя придетъ... Ивасъ сегодня утромъ сказалъ: «хочу, говорить, мама, познакомить тебя съ своей невестой, разрѣшишь сегодня притти съ ней»? Я, конечно, очень рада! И вѣдь какой! Ничего, ничего, никогда не говорилъ объ этомъ. Мы даже не знали, что у него знакомыя барышни есть, кромѣ васъ, и все я думала — которая изъ васъ ему больше понравится! И вдругъ... Невѣста... Побѣгу купить что нибудь къ чаю.

И Наталья Михайловна засуетилась одѣваться.

Вечеромъ все было готово къ приему дорогой гостыни. Ярко начищенный мѣдный самоваръ пыхтѣлъ на кухнѣ, въ столовой лампа горѣла точно ярче, безчисленныя шелковыя подушки были приведены въ картинный безпорядокъ.

На столѣ, покрытомъ свѣжей скатертью, алѣли гвоздики, купленные по торжественному случаю.

Наконецъ явились и Ивасъ съ Зосей. Надя, стоявшая съ чайникомъ въ кухнѣ, видѣла, какъ бережно снималъ Ивасъ съ невесты шубку, въ передней не было стула, онъ даже не замѣтилъ и чуть не толкнулъ Надю, таща стулъ изъ кухни, чтобы снять невестѣ галоши.

— Моя мама... моя сестра... — представлялъ Ивасъ: моя невеста. Зося Цыбулевичъ.

Наталья Михайловна, волнуясь, знакомилась съ будущей невесткой.

— Милости просимъ, рада видѣть васъ! Садитесь, — будьте добры.

Молодая дѣвушка заговорила сразу, какъ давно знакомая, принялась рассказывать, какъ они сейчасъ чуть не разошлись съ Ивасемъ въ консерваторию, какъ она не захватила зонта, потому что выходила изъ дома въ хорошую погоду и теперь у ней шубка мокрая-премокрая отъ сырого снѣга. Голосъ у ней былъ высокій, говорила быстро-быстро, точно сыпала словами, казалось, она не говоритъ — щебечетъ.

— Вотъ я здѣсь...

Ивасъ указалъ на свою комнатку.

— Тутъ и вся наша квартирка теперь. Неудобно, правда, но пока тѣснимся, — точно оправдывался Ивасъ; твоя квартирка пожалуй больше.

— Да, пожалуй! У меня двѣ комнаты, — зашебетала она, обращаясь уже къ матери Ивася — я живу въ комнатахъ, но ничего, хоронія комнаты, рояль помѣщается, и вообще просторно...

Наталья Михайловна приглашала къ чаю. За чаемъ разговоръ не прекращался ни на минуту. Зося была очень внимательна къ жениху, къ его матери и сестрѣ и положительно не терпѣла молчанія. Лишь только кто нибудь смолкалъ, если только кто нибудь говорилъ кромѣ нея, она точно спѣшила заполнить молчаніе своей болтовней.

Наталья Михайловна и Катя быстро узнали, что ихъ будущая родственница—дочь виленаго помѣщика, живетъ здѣсь, учится музыкѣ въ консерваторіи и посѣщаетъ художественные классы. Мать давно умерла. Есть братъ въ полку...

— А какъ относятся къ вашему будущему браку ваши родные, или они не знаютъ еще, деликатно освѣдомилась Наталья Михайловна.

— Нѣтъ,— знаютъ, знаютъ, что мой будущій мужъ дворянинъ, это ихъ уже удовлетворяетъ. А что онъ студентъ—не бѣда. Ужъ не такъ долго осталось быть въ университетѣ. За студента замужъ я, конечно, не выйду, но быть невѣстой студента вполне нормально. И потомъ я уже вполне взрослая, мнѣ 25 лѣтъ, а по паспорту 26... Меня дома считаютъ старухой.

— Неужели вамъ двадцать пять лѣтъ?—изумилась Наталья Михайловна.

Дѣйствительно, повѣрить было трудно, Зосѣ свободно можно было дать 17—18 лѣтъ.

Тоненькая, изящная до полнѣйшей безупречности, невысокая съ маленькой завитой головкой, неправильнымъ профилемъ, но поразительно красивымъ цвѣтомъ лица, она производила впечатлѣніе изящной фарфоровой куклки.

Въ нѣсколько минутъ она обворожила Наталью Михайловну. Уходя, по родственному расцѣловалась съ ней и съ Катей.

Зося стала иногда бывать у Ивася. Всегда изящно, модно одѣтая, всегда интересная, веселая, она оставляла впечатлѣніе какъ бы о пріятномъ видѣніи и ароматъ нѣжныхъ духовъ.

Бывала обычно ненадолго и повидимому считала себя до нѣкоторой степени обязанной навѣщать мать жениха.

Наталья Михайловна познакомила Зосю съ своими жилищами. Она уже давно восторженно говорила имъ о Зосѣ, и Зосѣ о нихъ.

Цыбулевичъ очень пріятливо поздоровалась съ курсистками и быстро разговорилась. Сидя за самоваромъ, Наталья Михайловна невольно сравнивала Зосю съ Надей, которая раньше казалась желанной женой для сына. Рядомъ съ Зосей, Надя казалась положительно простушкой. И одѣта она была слишкомъ просто и даже бѣдно и причесана не къ лицу и ея высокая статная фигура казалась грубой въ сравненіи съ Зосей. Тѣ же мысли бродили и въ головѣ Ивася. Яркимъ, праздничнымъ пятномъ казалась ему невѣста среди трехъ другихъ дѣвушекъ. Будучи всѣхъ старше, она казалась моложе всѣхъ.

Оказалось, Зося была годъ на Бестужевскихъ курсахъ, но заболѣла и бросила. И годъ то весь никакъ не попадала въ нужную аудиторію

на лекціи; уставъ искать и не находить, бросила посѣщать курсы въ первое же полугодіе.

Надя и Лена ходили по воскресеньямъ въ консерваторію на лекціи по теоріи музыки, а Зося къ ихъ удивленію даже не знала о существованіи лекцій.

Услышавъ это, обѣ дѣвушки засмѣялись.

— А какъ ваши дѣла на художественныхъ классахъ? — спросила Лена.

— Ничего! хорошо! — отвѣчала она.

О, тамъ не запугаешься!.. Усмѣхнулся Ивась.

Когда послѣ этого вечера Наталья Михайловна спросила у Ивася, какое впечатлѣніе произвели на Зою курсистки, онъ отвѣчалъ уклончиво:

— Да ничего, понравились... Просты онѣ ужъ очень... Зося совѣмъ другого... ну круга, что ли...

* * *

Зима прошла удивительно быстро.

Со смерти старшаго сына Наталья Михайловна еще не чувствовала себя такъ хорошо, какъ въ эту зиму.

Утромъ подымалась она весело, готовая хлопотать безъ устали. Къ курсисткамъ постоянно заглядывала молодежь: курсистки, студенты, особенно часто ходилъ худощавый высокій студентъ Некрасовъ. Онъ сталъ ходить недавно, съ начала года его не было въ Петроградѣ.

Наступала весна. Ярче, веселѣй блистало солнце, оживились лица... Загорѣлись глаза и у Нади.

Наталья Михайловна давно замѣтила, съ какимъ волненіемъ ждетъ она студента Некрасова, какъ долго стоитъ на площадкѣ, прощаясь съ нимъ, и какимъ счастьемъ свѣтятся ея глаза, когда она возвращается по корридору къ себѣ въ комнатку.

Помнить также Наталья Михайловна, какъ вспыхнула отъ неожиданности, едва сдерживая радостный крикъ, Надя, когда въ первый разъ пришелъ къ ней только что пріѣхавши въ Петроградъ Некрасовъ.

На шестой недѣлѣ поста Лена уѣхала домой въ провинцію — у ней заболѣла мать; осталась одна Надя. На шестой же недѣлѣ въ концѣ она вернулась вечеромъ съ Некрасовымъ. Раздѣвшись въ передней, оба пошли къ хозяйкѣ.

— Поздравьте насъ, Наталья Михайловна, — сказала Надя, указывая на кольцо на лѣвой рукѣ. Мы обручились...

Наталью Михайловну тронуло такое сердечное отношеніе... Взволнованная чуть не до слезъ, усаживала она новыхъ жениха и невѣсту.

Пасху встрѣчали компаніей.

Надя, Некрасовъ, Катя, Наталья Михайловна и Ивась. Не хватало Зоси. Она была приглашена къ родственникамъ и ужъ никакъ, никакъ не могла отказаться.

Пошли къ заутрени.

Надя, тѣсно прижавшись къ жениху и что то тихо воркуя, шла съ нимъ впереди. Наталья Михайловна подъ руку съ Катей на небольшомъ разстояніи, а за ними грустно шель Ивась.

Мать то и дѣло оглядывалась на него. страшно жалѣя, что съ нимъ нѣтъ Зоси. Каково бѣдному! Смотрить на чужое счастье, думала Наталья Михайловна, но тутъ же невольно проскальзывало ненужное сравненіе... Зося никогда за эту долгую зиму не обмолвилась нѣжнымъ словомъ къ ея сыну. Какъ жадно ни слѣдила за ней Наталья Михайловна, она не уловила ни одного порывистаго движенія, ни одного радостнаго слова при свиданіи съ Ивасемъ, не замѣтила ни одного молчаливо-краснорѣчиваго взгляда, какими часто обмѣниваются влюбленные... Всегда спокойно и ровно, ласково и какъ то равнодушно въ то же время говорила она, обращаясь къ жениху однимъ и тѣмъ же тономъ: «Ивась, милый, передай печенье»... или «Здравствуй, милый Ивась!»..

Въ церковь не понали, слишкомъ ужъ много было народа. Стояли у ограды. Надъ тѣсной толпой стояла теплая весенняя ночь, было тихо. Изъ церкви уже несло радостное стройное Христось Воскресе...

Наталья Михайловна усердно молилась. Она забыла грустно стоявшую подлѣ нея дочь, забыла счастливыя лица Нади и Некрасова и молилась о сынѣ. Почему то припомнилось лицо умершаго Александра, поразительно ярко представилась молившаяся у его гроба молодая женщина... Вспомнился покойный мужъ... Много грустныхъ картинъ пережитаго всплыло въ памяти... потомъ опять мысль объ Ивасѣ и о Зосѣ. Нарядная какъ куколка, сидитъ гдѣ-нибудь за роскошно убраннымъ столомъ и весело смѣется; иначе какъ съ безоблачно смѣющимся лицомъ. не могла себя представить ея Наталья Михайловна... А рядомъ грустная скорбленная фигура Ивася...

Разговѣлись тихо, торжественно.

— Знаете, Наталья Михайловна, мы уже выяснили вопросъ о нашей свадьбѣ,--обратилась къ хозяйкѣ Надя,--еще вчера я не могла сказать вамъ ничего опредѣленнаго, а сегодня мы уже рѣшили. Мы поженимся осенью. Я узнаю, будутъ ли давать мнѣ мои родители тѣ 30 рублей, которыя даютъ теперь, а Николай подыщетъ себѣ болѣе выгодную работу. Въ случаѣ же, если придется туго, я поступлю на мѣсто, мнѣ тутъ предлагаютъ въ одной новообразующейся частной гимназій преподавать русскій языкъ.

— Это все вы хорошо такъ разсудили,--замѣтила Наталья Михайловна, а ну будутъ дѣти? Прихварывать начнете...

— О! если такъ всего бояться, то стоитъ ли тогда и жить то вообще! Прервалъ ее Некрасовъ.

— Надя,-- обратился къ молодой дѣвушкѣ Ивась, неужели вы не боитесь, что васъ заглохнетъ жизнь, не боитесь нужды... неужели вы вѣрите въ возможность «рая въ шалашѣ».

— Не понимаю васъ, Ивась! Чего намъ бояться, когда мы оба молоды, здоровы, сильны и смѣлы... и любимъ другъ друга. Быть вмѣстѣ.

работать, мы только этого и хотимъ! Зачѣмъ же намъ комкать наше чувство, когда ничто не мѣшаетъ осуществить всѣ наши мечты...

Ивась задумался.

Наталья Михайловна уговаривала Некрасова остаться переночевать въ комнатѣ у Ивася, уговаривала и Надя:

— Оставайся, Николай, какъ встанемъ, пойдемъ гулять, погода навѣрное будетъ хорошая, останься!

— Нѣтъ, Надя, не могу! Пойду домой, привычиѣ! И ужь, по-вѣрь, не опоздаю, къ какому бы раннему часу ты не назначила явиться...

Легли поздно, но встать пришлось не позднеѣ обыкновеннаго. Разбудили поздравители—дворники, трубочисты, почтальоны...

Наталья Михайловна подала Ивасю черезъ закрытую дверь хорошо знакомый розовый конвертикъ, надписанный бисернымъ почеркомъ.

Весело смѣясь, плескалась на кухнѣ у крана Надя и рассказывала Натальѣ Михайловнѣ, что сразу послѣ экзаменовъ она съ Николаемъ ѣдетъ въ Тверь къ его роднымъ познакомиться, а затѣмъ одна уже отправляется домой.

— Значить мы съ вами скоро и разстанемся и ужь прямо до осени.

— А осенью прїѣзжайте прямо къ намъ, Николай Васильевичъ найдетъ комнату, какъ онъ вчера говорилъ, уже специально для двоихъ, когда поженитесь и переѣзжайте къ нему, а съ начала у насъ. Мы можемъ быть перемѣннымъ квартиру.

— Что же ты, Ивась, не идешь такъ долго мыться, обратилась она уже къ сыну, идущему къ нимъ.

— Да что съ тобой! Боже! на тебѣ лица нѣтъ, что случилось?

Ивась продолжалъ идти въ кухню, но увидѣвъ Надю, круто повернулъ назадъ. Мать шла за нимъ.

— Ивась!..

— Прочти вотъ... едва произнесъ онъ, подавая ей клочокъ розовой бумажки...—поймешь... Онъ задышался.

— Но что же это, Ивась! Поблѣвшими губами лепетала она и взяла розовый листочекъ.

Руки дрожали, знакомыя мелко бисерныя буквы въ глазахъ... Едва улавливая смыслъ, старушка прочла:

Милый Папочка!

Христось Воскресе!

Желаю веселаго праздника Вамъ и Маріи Казиміровнѣ. Я кажется проведу его весело. Правда, мой скучный женихъ значительно отравитъ мнѣ веселый праздникъ, но надѣюсь скоро дать ему полную отставку. Онъ именно добросовѣстно выполнилъ все, что отъ него требовалось. Теперь же онъ мѣшаетъ. Иногда, конечно, былъ бы и не лишнимъ въ свѣтѣ, но... ужь очень претить его поношенная тужурка... Наклеивается нѣчто болѣе привлекательное... правда, еще не клонуло, но скоро

кляпоть. Надѣюсь, Вы меня поняли, если же нѣтъ, то Марія Казиміровна Вамъ поможетъ. Не сегодня-завтра получу предложеніе (знаю это изъ вѣрныхъ источниковъ).

Очень рада, что не предстоитъ уже знакомить Васъ съ милыми родственничками моего бѣднаго жениха.. Воображаю... въ какую улыбочку сложились бы Ваши губы при видѣ его очаровательной сестрицы... да и всей этой богемы... О, какіе они мѣщане! За столомъ мать моего жениха кричитъ всегда «Танька!» даже звонковъ нѣтъ... Это, конечно, мелочи, но какія характерныя!

Помнишь въ послѣднемъ письмѣ ты напоминалъ, что мнѣ 26 лѣтъ, и совѣтовалъ держать жениха покрѣпче... Нѣсколько затрудняетъ объясненіе съ нимъ, впрочемъ, это пустяки.

Здорова, весела, бодра...

Объ учебныхъ успѣхахъ не пишу, знаю, что не интересуешься ими.

Одновременно посылаю еще письмо бывшему жениху. Пишу ему, что экстренно уѣзжаю къ тебѣ, потому что ты боленъ; надѣюсь, ты не разсердишься.

Прощай, цѣлую, тороплюсь.

Зоя.

* * *

Наталья Михайловна и Надя съ небольшимъ ручнымъ багажемъ по старинному обычаю садятся уже вполнѣ одѣтыя на диванъ. У Нади черезъ плечо дорожная сумочка... видъ немножко растерянный, хорошенькое личико грустно, даже заплакано.

Встали, помолвились.

— Прощайте, Наталья Михайловна! Спасибо за все! За доброе сердечное отношеніе... За все спасибо, увидимся еще осенью, часто будемъ видѣться!

— Благослови васъ Господь, Наденька! Старушка плакала...

— Прощайте, Катя, не забывайте, пишите пока что. Они поцѣловались.

Надя пошла проститься съ Ивасемъ, онъ сидѣлъ за столомъ, склонившись надъ книгой.

Прощайте, Ивась! Не горюйте! Помните: все дѣлается къ лучшему.

Она положила руку ему на плечо.

Ивась поднялъ на нее усталые грустные глаза:

— Прощайте, Надя.

И снова наклонился надъ книгой.

На вокзалѣ Надю и Наталью Михайловну дожидался Некрасовъ.

— Ну, дождался! Ужъ думалъ, опоздаете.

Наталья Михайловна смотрѣла, какъ онъ втаскивалъ въ вагонъ третьяго класса большую корзину.

— Богема, — пронеслась почему то горькая мысль.

Грустно смотрѣла она, какъ весело, энергично устранивались молодые люди въ тѣсномъ вагонѣ, затапливая вверхъ корзины.

— Богема!..

Поездъ медленно двинулся, поплыли словно въ туманѣ и скоро скрылись изъ глазъ счастливыя лица Нади и Некрасова. А въ ухахъ все еще стоявшей на платформѣ старушки такъ и застылъ жалобный дребезжащій звукъ третьяго звонка.

Квартирка показалась пустой...

Настежь отворенная Надина комната, казалось, жила и дышала. На столѣ ярко пестрѣли забытыя цвѣты, принесенные наканунѣ Некрасовымъ. Въ кухонкѣ грустно вытряхивала самоваръ Таня, то и дѣло отирая заплаканные глаза.

Ивась въ своей комнатѣ, тупо устремивъ глаза въ книгу, нагнулся надъ столомъ, а въ гостиной на любимомъ мѣстечкѣ сидѣла Катя и что то бормотала.

Наталья Михайловна прислушалась.

— Трупъ я... живой трупъ...

Курсистка А. Челоданова.

Рис. Мих. Си--о.

Посвящ. Марушь Преображенской.

Вся жизнь моя полна твоей улыбкой ясной...
Куда ни взгляну—вездѣ ея отсвѣтъ,
И все мнѣ кажется и чище и прекраснѣй,
И смѣло я иду въ холодный сумракъ лѣтъ.

Пусть встрѣтитъ тамъ меня сомнѣннй рой унылый,
Пускай болитъ душа, ища на нихъ отвѣтъ...
Вся жизнь моя полна твоей улыбкой милой
И все въ ней золотитъ живой ея отсвѣтъ.

Александръ Жуковскій.

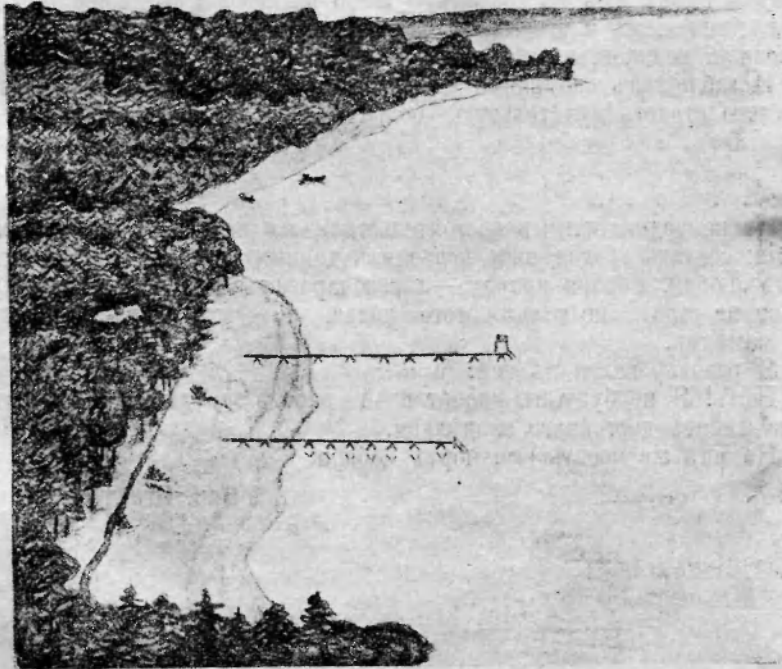
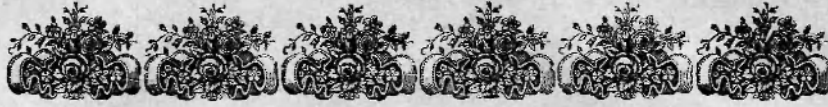

Рис. Мих. Си-о.

Жемчужное кольцо.

Какимъ оно будетъ, я еще не знаю, но что оно будетъ безцѣннымъ, я ручаюсь собственной головой, этимъ творцомъ и хранилищемъ драгоценныхъ жемчужинъ—мыслей.

Я ручаюсь, говорю я—значить, я не шучу.

И когда я извлеку со дна моего разума рядъ драгоценныхъ жемчужинъ и вдѣну ихъ въ созданную мою волшебной фантазіей оправу—я съ восхищеніемъ и безумнымъ восторгомъ поднесу ихъ *Самой* божественной, великой, прекрасной и мощной *Богинѣ Любви*.

И заблестятъ они всѣми цвѣтами, заискрятся и запылаютъ, сожгутъ меня, мою страсть мучительную, больную

.
.
.

По непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, я не могъ выполнить моего желанія: создать драгоценное кольцо изъ дивныхъ мыслей и поднести его Богинѣ Любви. Говоря правду,—я разочаровался въ ней и теперь думаю, что она не стоитъ не только этого кольца, но даже нити съ поддѣльными камнями.

Я разочаровался въ ней.

Нѣтъ! Я не буду въ кропотливой работѣ трудиться надъ тѣмъ, что не имѣетъ достойнаго владѣльца.

Не мнѣ же носить его, чортъ поberi!

Вяч. Игнатовичъ.

Чары красоты.

(Легенда).

то было давно, давно.

Великій и славный шахъ-инъ-шахъ *) Махмудъ Газны только что сталъ править Персіей.

Страна подъ его мудрымъ и счастливымъ царствованіемъ точно оживала. Бойкая торговля съ сосѣдними странами шелками, шальями и коврами обогащала купцовъ. На тучныхъ пастбищахъ много паслось овецъ и другого скота. Необозримыя поля, покрытыя слѣлой пшеницей, колыхались подъ дуновеніемъ легкаго вѣтерка. Постоянные урожаи риса, хлопка и ржи радовали земледѣльцевъ и позволяли имъ легко переносить налоги.

Слава Махмуда гремѣла по всей Азіи. Никто съ оружіемъ въ рукахъ не смѣлъ спорить съ могущественнымъ шахомъ, если не хотѣлъ быть разбитымъ непобѣдимымъ войскомъ царя-царей.

Но печаленъ былъ шахъ.

Минутами только, слушая своего любимца поэта Фирдусси, оживалъ онъ немного, когда тотъ читалъ свою великую поэму «Шахъ-Намэ».

Казалось, что только молодой поэтъ Абдуль Касимъ могъ развлечь падишаха и согнать ненадолго печаль съ его лица.

Напрасно придумывалъ великій визирь различныя празднества и развлечения—ничто не интересовало шаха.

Даже любимая наперсница великаго царя-царей, одна изъ красавицъ гарема, прелестная Фатьмэ, не могла своими страстными и вѣжными ласками согнать печаль съ лица любимаго падишаха.

И рѣшилъ тогда великій визирь созвать мудрецовъ на совѣтъ.

Долго думали почтенные старцы, много перебрали они способовъ, но ни одинъ не заслужилъ одобренія ихъ.

Наконецъ, заговорилъ великій философъ и врачъ падишаха, Ибнъ-Сина Авиценна.

— «Великіе мудрецы Востока»,—такъ онъ обратился къ собранію,— «Мы выслушали много разныхъ совѣтовъ, но ни одинъ не сочли подхо-

*) Царь-царей.

дящимъ для любимаго шахъ-инъ-шаха. Мнѣ кажется, что я нашель, наконецъ, причину грусти великаго повелителя правовѣрныхъ. Причина эта—женщина, и женщина эта должна быть прекрасна и подобна утренней зарѣ. Шахъ нашъ молодъ, красивъ и высоко одаренъ всѣми лучшими качествами отъ Аллаха. Красота глубоко чувствуется имъ. Смотрите, какъ онъ слушаетъ нашего великаго поэта Фирдусси, какъ онъ оживаетъ отъ музыки стиховъ его. Попробуемъ-же найти прелестнѣйшую женщину, которую когда-либо создавалъ Аллахъ на землѣ. Не сможетъ-ли она развѣять грусть съ лица нашего падишаха, если же и это не поможетъ, то все во власти Аллаха, ибо нѣтъ Бога, кромѣ Бога, Магометъ пророкъ его,—закончилъ старый Авиценна, великій мудрецъ востока.

Всѣ единогласно приняли предложеніе Ибнъ-Сины, ибо высоко цѣнили умъ его.

По всему Востоку развѣхались гонцы въ поискахъ прелестнѣйшей женщины.

Цѣлые полгода искали они и, наконецъ, гдѣ-то въ самой глуши Индіи, нашли они то, что искали.

Когда дѣвушка была приведена во дворецъ Махмуда самимъ его великимъ визиремъ, наряжена въ лучшія одежды, легкія, какъ дуновение нѣжнаго вѣтерка и прозрачныя, какъ ароматный дымокъ кальяна, приведена къ великому царю-царей,—казалось, солнце возшло во дворецъ его.

Смущаясь, стояла она передъ повелителемъ правовѣрныхъ, сіяя лучезарной своей красотой. Вся ея нѣжно-женственная фигурка словно трепетала передъ очарованнымъ взоромъ шаха. Красота ея была такой необыкновенной, что хотѣлось вѣчно смотрѣть на нее, не отрывая взора: все существо охватывала какая-то сладостная истома, а на душѣ почему-то становилось такъ легко и только сердце, замирая, трепетно часто колотилось въ груди.

— Ты гурія, — прошепталъ восхищенный Махмудъ. — Ты точно сошла изъ рая, созданная великимъ Аллахомъ для услады тамъ правовѣрныхъ, когда они покинутъ грѣшную землю, какъ обѣщаль намъ великій пророкъ Аллаха—Магометъ.

Великій визирь махнулъ слугамъ рукой,—и они ушли, а за ними осторожно ступая удалился и онъ, оставивъ царя царей съ молодой дѣвушкой — гуріей.

Прошло нѣсколько дней.

Великій шахъ не разставался ни днемъ ни ночью со своей новой наложницей. Печаль, которая раньше не сходила съ лица Махмуда, давно уже исчезла къ великой радости окружающихъ. И только, когда нужно было повелителю уѣхать на одинъ день изъ столицы по дѣламъ управления, лицо его снова нѣсколько омрачилось. Но теперь это было понятно. Жаль было падишаху даже на такой короткій срокъ разставаться съ красавицей. Быть около нея—стало насущной потребностью

Махмуда. Но важныя дѣла требовали личнаго его присутствія. Въ первый разъ пожалѣлъ великій Махмудъ, что онъ падишахъ, а не простой смертный, и скрѣпя сердце онъ уѣхалъ.

Наступила ночь.

Тихо было въ роскошномъ дворцѣ царя-царей, только въ комнатѣ его бывшей первой жены слышался шопотъ.

Не спалось покинутой и забытой Махмудомъ молодой Фатьмѣ. Горько плакала она,—и содрогалось отъ плача нѣжное тѣло ея. Любимая рабыня-негритянка напрасно утѣшала свою госпожу.

— Развѣ я,—жаловалась Фатьмэ негритянкѣ,—стала не такъ красива, что великій Махмудъ разлюбилъ меня? Все время онъ не разстается съ новой наложницей, а развѣ давно было то время, когда онъ клялся мнѣ въ любви. Развѣ не говорилъ онъ, что его любовь ко мнѣ растетъ съ каждымъ днемъ. Кто лучше могъ успокоить гнѣвъ повелителя? Кто жарче меня умѣлъ цѣловать его и ласкать такъ, какъ я ласкала. И вотъ теперь я больше не нужна ему! Онъ забылъ обо мнѣ, какъ я забывала все для него...

— О, великая госпожа моя,—воскликнула негритянка — повѣрь, шахъ-инъ-шахъ скоро вернется снова къ тебѣ. Любовь, которую онъ питалъ къ тебѣ, госпожа, не можетъ такъ быстро пройти. Злыми вѣрно чарами околдовала великаго падишаха новая наложница. Но отъ этихъ чаръ есть у тебя корешокъ. Вѣрь силѣ его. Я вывезла его изъ далекой родной Африки и все время не разставалась съ нимъ. Горе твое, о, великая госпожа моя, тронуло меня и я отдала его тебѣ.

— Но я, вѣдь вотъ уже три дня ношу его у себя на груди, а сила его не дѣйствуетъ,—промолвила Фатьмэ.—Вѣрно не глазомъ дурнымъ отведенъ падишахъ отъ меня. Видно большей силой сумѣла злая соперница отнять его любовь отъ меня. Нѣтъ, вѣрная Кабэ, тутъ надо дѣйствовать иначе... Есть у меня другой способъ вернуть къ себѣ падишаха. И ты, Кабэ, должна помочь мнѣ. Могу я рассчитывать на твою вѣрность?

— О, госпожа и ты спрашиваешь? Приказывай и все я исполню,—проговорила негритянка, цѣлуя край одежды у Фатьмэ.

— Такъ слушай-же! Давно лелеяла я планъ свой, но пока нельзя было его исполнить: шахъ ни на минуту не разставался съ новой наложницей... Великій Аллахъ, какъ я ненавижу ее! Злодѣйка украла у меня моего возлюбленнаго повелителя, но я отомщу. Вся кровь кипитъ во мнѣ, какъ я только вспомню о ней... Ты, Кабэ, ляжешь на мое ложе и укроешься моими покрывалами, чтобы евнухи не замѣтили моего отсутствія и приняли-бы твою фигуру за мою. Ну, а я пойду къ ней и пусть великій Аллахъ поможетъ мнѣ за всѣ мои перенесенныя страданія,—закончила Фатьмэ и, завернувшись въ легкіе покровы, тихо вышла изъ комнаты.

Крадучись, словно воръ, прошла она длинные коридоры дворца мимо дремлющихъ евнуховъ и какъ кошка проскользнула въ комнату новой фаворитки шаха.

Колебясь, догорало пламя въ свѣтильникѣ и блики свѣта, точно кому-то подмигивая, прыгали по стѣнамъ. Фатьмэ, затаивъ дыханіе, подошла къ ложу, гдѣ спала новая фаворитка шаха. Жуткимъ блескомъ сверкнулъ кинжалъ въ крѣпко сжатыхъ пальцахъ ея, а лихорадочный взоръ словно впился въ спящую.

На роскошной тахтѣ, покрытой нѣжными тканями съ горой подушекъ и мутахъ, спала полунагая, разметавшись во снѣ, новая наложница великаго шаха. Небольшая головка ея, обрамленная волной шелковистыхъ косъ, цвѣта спѣлой кукурузы,—лежала на распитой подушкѣ. Густыя темныя брови широкой дугой изгибались двумя змѣйками по мраморному, словно выточенному лбу, а длинныя рѣсницы бросали легкую тѣнь на раскраснѣвшіяся ото сна щеки, покрытыя, какъ у персика кожаца, пушкомъ. Пунцовыя, нѣсколько пріоткрытыя губки, позволяли видѣть два ряда ровныхъ жемчужныхъ зубовъ; правильный носъ съ еле замѣтной горбинкой и тонкими трепещущими розоватыми ноздрями, говорящими о страсти.

Одной рукой красавица поддерживала на молодой упругой груди тонкую ткань полупрозрачнаго покрывала, а другая была закинута за хорошенькую головку. Идеальныя формы молодого прекраснаго тѣла строгими линиями обрисовывались подъ тонкою тканью нѣжнаго покрывала. Только гурія Магометова рая могла сравниться съ красотой молодой наложницы шаха. На землѣ же такой яркой законченно-чарующей красоты еще не бывало.

Фатьмэ точно замерла отъ изумленія.

Никогда въ жизни не видала она ничего подобнаго...

— Великій Аллахъ! Какъ безумно хороша она,—еле произнесла восхищенная и пораженная Фатьмэ.—Я чувствую, что самъ Аллахъ любитъся съ неба на твореніе рукъ своихъ. Не даромъ очаровался ею самъ царь царей, могущественный Махмудъ. Я передъ ней,—безобразна!.. Какъ луна никогда не можетъ своимъ сіяніемъ сравниться со свѣтомъ солнца, такъ и моя красота меркнетъ передъ нею. Нѣтъ, не могу я замѣнить ее великому падишаху! Пусть же лучше умру я сама передъ ея ложемъ. Пусть смерть моя будетъ жертвой предъ красотой, ибо рука моя не имѣетъ силъ опустить кинжалъ въ грудь такой земной красавицы. Съ легкимъ сердцемъ умру я, покончивъ расчеты съ жизнью, такъ какъ жить и знать, что никогда повелитель не вернется ко мнѣ—я не могу, нѣту силъ и желаній...

И пала мертвой Фатьмэ предъ ложемъ красавицы и фонтаномъ брызнула алая кровь, орошая коверъ.

Ник. Мурановъ

Возднихъ огней вереницы нестройныя
Тускло глядятся въ окно...
Тамъ не пугають ихъ чащи безхвойныя,
Тамъ имъ, какъ въ склепѣ, темно.

Въ воздухѣ сизый туманъ разстиляется,
Небо слезится дождемъ...
Вотъ, когда въ черныхъ подвалахъ рождаются
Люди съ могильнымъ лицомъ.

Темнаго смѣха раскаты печальные
Смолкнули вдругъ за стѣной...
Вѣчныхъ сомнѣній прообразы дальнѣе
Жутью стоятъ предо мной.

Александръ Жуковскій.

ЕВРЕИ.

I.

Они ѣхали, гонимые людскою злобой и съ затаенными слезами смотрѣли на синія волны и на далекий, покрытый дымкою горизонтъ.

Ихъ было много. Мужчины, женщины, дѣти—съ холодно суровыми лицами и глазами, отражавшими глубокую вѣру къ своему великому Богу, всѣ устремляли взоры въ безбрежную даль.

И чудилось имъ, что тамъ, за синей дымкой, гдѣ то за моремъ, гдѣ нѣтъ ненавистныхъ людей, гдѣ солнце, разливая лучи по землѣ благодатной - ихъ дарить всѣмъ, кто-бы онъ ни былъ... найдутъ они хоть каплю покоя, хоть чуточку счастья.

Растеряны мысли, разбросаны, какъ эти волны и невольно рисуютъ картины минувшихъ ночей.

Что это было? хаосъ ощущений, страхъ, ужасъ смерти холодной, страданья и слезы?

О! еслибы могъ замолчать этотъ разумъ хоть на мгновеніе, чтобы не видѣть, не вспоминать; еслибъ можно не слышать тѣхъ стонувъ и криковъ, плача, рыданій!

— Морейне! Морейне!...

Онъ—старшій въ ихъ родѣ.

Дряхлый, сѣдой весь, дрожащій и слабый больными руками ловилъ топоръ, занесенный надъ спавшимъ невиннымъ младенцемъ.

И мать была тутъ. На колѣняхъ, съ крикомъ и плачемъ, съ мольбой и надеждой смотрѣла на руку убійцы и съ трепетомъ ждала удара. Острый топоръ вонзился въ грудь старика, раскромсавъ его убѣленную сѣдиной бороду.

Онъ безъ стона упалъ, поблѣднѣлъ и затихъ, а душа его, истомленная и блаженная, вознеслась къ Аврааму на лоно.

— Морейне! Морейне!...

Вотъ стоитъ канторъ съ печатью страданья на блѣдномъ лицѣ. Сердце безудержно бьется, глаза полны слезъ и такъ ему хочется видѣть и знать, что она здѣсь, что она съ нимъ, любимая мать.

Но что было вчера?

Избитая, изнемогшая, брошена на полъ подъ ноги толпы и стоптана, смята, растерзана безъ жалости, безъ состраданія.

Вотъ молодая жена одиноко стоитъ отъ толпы.

Не можетъ сдержать она слезъ и они въ изобиліи льются съ прекрасныхъ очей.

— Онъ тамъ, тамъ, гдѣ дряхлый Морейне, гдѣ сотни другихъ, гдѣ все отъ нихъ отвернулось.

Зачѣмъ это' что это было?

— Не будешь жить больше со мной? Не возьмешь горячей груди моей поцѣлуемъ, а жаромъ безумнымъ, любимый, меня? Гдѣ ты? гдѣ ты?— кричить...

Всѣ обернулись и смотрять. И вотъ по впалымъ щекамъ покатались, хлынули слезы. И слышится голосъ имъ: «Плачь, если можешь, гонимый народъ! ты заслужилъ эти слезы безумнымъ убійствомъ Его, на зарѣ Христіанства».

II.

Тихое море... чуть слышно колышется волны... багрянецъ заката бросаетъ лучи... плещется руль корабля... шуршать наверху паруса... а темныя крылья проснувшейся ночи окутали море прозрачною дымкой...

Все какъ-то скорбно, все какъ то тяжело.

Невольно рождаются грезы о чемъ то великомъ, красивомъ, волшебномъ. Могучимъ орломъ возносится мысль въ необъятномъ просторѣ эфира и моря.

— Мама со мной, здѣсь... чувствуетъ канторъ и трепетъ и радость на душѣ у него.

— Любишь ли? любишь ли, милый, родной?—шепчетъ жена молодая и смотритъ на небо; радостью свѣтлой блистаютъ глаза.

— Яся, не плачь! что ты плачешь?—волнуется мать и тихо поетъ ему пѣсню, какъ будто онъ слышитъ.

Пора на молитву.

Облаченный священной одеждой, канторъ палъ на колѣни и съ нимъ вся толпа.

«Боже Израиля! погаси пламень гнѣва твоего и сними несчастье съ головы народа твоего.

•Мы не забыли имени Твоего, не забудь же и ты насъ.

«О! откажись отъ мести своей и прояви состраданіе къ избраннику твоему.

•Заклейми вѣчнымъ несчастьемъ тѣхъ, кто гонитъ насъ и наложи позоръ на головы ихъ.

•Разрушь ихъ святыни, такъ оскорбившія глазъ твой и дай имъ несчастье и смерть.

«Боже Израиля! Ты, который облекъ насъ въ талесъ, обрати гнѣвъ свой на нихъ и защити насъ, народъ твой.

•Благословенъ Богъ, Владыка міра, за то, что просвѣтилъ насъ своими словами.

•Благословенъ Богъ, Владыка міра, выпрямляющіи тѣхъ, кто согнуть въ дугу».

«Благословенъ Богъ, Владыка міра, за то, что не создалъ меня женщиной, что не создалъ меня невольникомъ.

«Благословенъ Богъ, Владыка міра, за то, что не создалъ меня язычникомъ, христіаниномъ.

«Мы помнимъ, Боже Израиля, слова твои: обручаю тебя съ собою навѣки! обручаю тебя съ собою въ правдѣ, въ любви, въ благоволеніи! обручаю тебя съ собою въ вѣрѣ, черезъ которую ты познаешь Владыку!»

«Аминь!

Они ѣхали, полные жажды мщенія, и съ загаенными слезами, суровые и безмолвные, молились своему великому богу.

И чудится имъ, что сойдетъ онъ съ синяго купола неба, обовьетъ ихъ своими руками, вдунетъ въ ихъ души силу свою и вновь поведетъ за собой.

И чудилось имъ, что тамъ, позади, раздались гнѣвные звуки раската и голосъ его точно громъ прозвучалъ надъ землей.

И рушится все, и гибнетъ въ хаосѣ огня и смятенья, а водныя кручи встаютъ на защиту избраннаго Богомъ народа.

Онъ съ ними, какъ прежде и снова спасаетъ, и снова ведетъ ихъ туда, гдѣ царствовать будутъ они.

III.

И въ самомъ дѣлѣ раздался рѣзкій громовой раскатъ. Черная туча внезапно закрыла полъ неба, малиновымъ краемъ зловѣще надвинула бурю. Подулъ вѣтерокъ все сильнѣе, тревожнѣй, затихъ натянувшійся парусъ, бѣлая пѣна взвилась на поверхности моря и въ брызгахъ несется надъ нимъ. Малиновый край надвигается шире, суровѣй становится мракъ, а черныя волны поднялись горою и слились съ тучей. Съ ревомъ и свистомъ проносятся вихри, цѣлымъ каскадомъ воды заливаютъ корабль; громовой ударъ потрясаетъ пространство и красный огонь, сорвавшійся съ неба, рассыпался искрами въ водныхъ пучинахъ.

Они столпились плотнѣе, прижались другъ къ другу и съ ужасомъ смотрятъ на водные круги.

Смерть предъ глазами встаетъ холодная, страшная... а что же Онъ? развѣ не слышалъ? развѣ не видитъ?

О! родъ Израиля! все на тебя! и люди, и море, и Богъ твой! Гонятъ тебя, терзаютъ, поносятъ и нѣтъ тебѣ пристани, нѣтъ тебѣ счастья, — грязнымъ рукамъ, заклеяннымъ позоромъ, не смыть преступленія! Такъ плачь, если можешь, плачь, если можешь, гонимый народъ!

Пронесится мысль.

— Что сказалъ-бы великій Морейне теперь, въ этотъ часъ бѣдствія, смерти?

И слышится голосъ имъ:

— Молитесь за тѣхъ, кто васъ гонитъ! съ послѣдней надеждой вспомните имя Того, Кто молился за васъ, когда на крестѣ съ истер-

заннымъ тѣломъ, въ терновомъ вѣнцѣ съ послѣднимъ дыханьемъ простилъ васъ...

И кто-то изъ нихъ произнесъ это Имя.

Тишина смѣнила раскаты. Прошла минута, другая и вдругъ снова раздался громовой ударъ, что все задрожало. Забилась громадная волна, небо спустилось на море и засіяло огнемъ.

И снова сдѣлалось тихо.

Блеснула звѣзда и синее небо... выплылъ край серебристой луны и грозныя волны смѣнились тихою зыбью.

Снова тихое море... чуть слышно колышется волны... плещется руль корабля.. а темныя крылья проснувшейся ночи окутали море прозрачною думкой...

Вяч. Игнатовичъ.

Рис. А. П. Верещаева.

Письмо васильковъ къ незабудкамъ.

— Незабудки голубыя,
Шлемъ мы вамъ съ полей привѣтъ!
Вамъ, красавицы родныя,
Мы даемъ такой обѣтъ:
«Мы не будемъ увлекаться
И вести съ ромашкой споръ,
И съ фіалками шептаться
Мы не будемъ съ этихъ поръ.
Но, влюбившись всей душою
Въ ваши глазки-лепестки,
Будемъ слать со стрекозою
Писемъ нѣжные листки.
Каждый разъ, какъ солнце встанетъ
И откроетъ рожь глаза,—
Каждый разъ къ вамъ не устанетъ
Быстро мчаться стрекоза.
И, въ надеждѣ, что дождемся
Милыхъ писемъ лепестки,
Мы съ почтеньемъ остаемся

Ваши Васильки».

Александръ Жуковскій.

Магюренгофъ.
Іюнь. 1914 г.

III.

Новое.

Очеркъ.

Что это — переоцѣнка цѣнностей? Или повѣтріе, неожиданно-негаданно охватившее нашу науку! Вотъ передо мной стопа книгъ. Беру и читаю подрядъ: И. Проданъ. Новая Логика; Л. Пуанкаре. Новая Физика; И. Сладковскій. Новый способъ воздѣлыванія земли; И. Скворцовъ. Новая Космологія; А. Менгеръ. Новое ученіе о нравственности; Б. Бычковскій. Современная (читай: новая) философія. Новый, новая, новое...

Неужели не характерно это «обновленіе» наукъ! И если мы пойдемъ дальше внизъ по этой стопѣ, мы найдемъ книги, которыя, не объявляя столь откровенно о своей «новизнѣ», тѣмъ не менѣе вполне заслуживаютъ эту характеристику. Сюда относятся извѣстные всѣмъ «этюды оптимизма» И. Мечникова, два тома «эволюція силъ» и «эволюція матеріи» Г. Лебока, открывающіе глазамъ изумленнаго читателя совсѣмъ «новую» физику и механику. Н. Морозовъ въ «Періодическихъ системахъ» такъ владѣетъ наукой и ея методами, что теоретическое изслѣдованіе съ безконечными діаграммами и формулами въ страницы, читается легче, чѣмъ самый увлекательный романъ. Другой его трудъ «Основы качественного физико-математическаго анализа» дѣйствительно нѣчто новое и своеобразное, ксати, черта, присущая всѣмъ твореніямъ этого автора. Вотъ «Tertium Organum» П. Успенскаго. Тоже новое... И, опуская цѣлый рядъ книгъ по всевозможнымъ отраслямъ наукъ, возьмемъ самое новое: «Проф. И. Скворцовъ. Происхожденіе и строеніе разнообразныхъ видовъ вещества въ связи съ ихъ физическими и химическими свойствами. Краткое введеніе въ новую химію».

Строеніе матеріи — это самый большой и важный вопросъ физ. химіи. Онъ интересуетъ и ученаго специалиста, и начинающаго диллетанта. Тѣмъ интереснѣе обратиться къ данному труду. По названію, книга эта, вышедшая изъ печати мѣсяць тому назадъ, представляется вашему воображенію емкости необычайной. Ибо, извольте видѣть, строеніе *разнообразныхъ* видовъ вещества, да еще въ связи со *всеми* ихъ свойствами! На самомъ же дѣлѣ книжица въ 70 страницъ, такъ какъ это конспективный трудъ, и авторъ спѣшитъ подѣлиться своими разсужденіями съ ученымъ міромъ. Въ виду того интереса какой этотъ трудъ представляетъ въ наше время, я позволяю себѣ сдѣлать изъ него выдержки. Извѣстно, что первый по времени широко извѣстной попыткой объяснить строеніе хим. элементовъ, была попытка Proust'a. Выражалась она весьма

просто. Считая водородъ за простѣйшій элементъ, Proust полагалъ образование всѣхъ остальныхъ элементовъ, какъ различныя стадии сгущения этого первичнаго элемента. Отсюда, какъ необходимое слѣдствіе, должна ожидаться кратность атомныхъ вѣсовъ элементовъ атомному вѣсу водорода ($=1$), чего однако не оказалось. Слѣдствіемъ этого было полное пренебреженіе гипотезой Proust'a, такъ какъ атомные вѣса выражаются цѣлыми числами съ дробью. Проф. Скворцовъ вновь подымаетъ этотъ вопросъ, но съ новыми данными. Онъ говоритъ, что и на основаніи неизблемо установленныхъ химической практикой законовъ Proust'a и Дальтона относительно существованія опредѣленныхъ, и притомъ, кратныхъ вѣсовыхъ отношеній между образующими соединенія хим. элементами, необходимо нужно было сдѣлать выводъ, что между ихъ конкретными относительными (удѣльными) вѣсами, или плотностями (по воздуху, или водороду) съ одной стороны и относительными же ихъ «атомными» вѣсами существуетъ извѣстное опредѣленное отношеніе, выражаемое одинаковой величиной.. Это отношеніе въ примѣненіи какъ къ химич. элем., такъ и ихъ соединеніямъ. можно выразить давно уже признанной формулой D (плотн.): A (ат. в) или M (молек. в) $= K$ (константъ). Но само собой понятно, что и A , или M , : D должно представлять также постоянную величину. Эти константы

будутъ различны въ зависимости отъ того исходнаго пункта при опредѣленіи плотности, т. е. отъ водорода или воздуха, которые принимались за единицу. Въ таблицѣ первой показано, что отношеніе плотности хим. элемента къ его атомному вѣсу равняется 1, если единицей измѣренія плотности считалась плотность водорода, и равняется 0,069, если та кой единицей служила плотность воздуха. При обратномъ отношеніи, константа по водороду равняется также 1, а по воздуху 14,5. Напр., для перваго отношенія, по водороду : N 14,01 : 14,01 = 1; O — 16,02 : 16 = 1 и т. д.; по воздуху : N 0,967 : 14 = 0,069; O — 1,105 : 16 = 0,069; I — 8,71 : 126,85 =

0,069 и т. д. Для обратнаго отношенія, по водороду : N — 14,01 : 14,01 = 1 и т. д., по воздуху : O — 16 : 1,105 = 14,48; Br 80 : 5,54 = 14,44 и т. д. Слѣдствія двухъ этихъ отношеній помѣщены во второмъ столбцѣ таблицы. Они дадутъ возможность находить, если понадобится, плотность какого нибудь элемента по его атомному вѣсу, или, что важно при открытіи новыхъ элементовъ, ихъ атомный вѣсъ по плотности. Такъ, они

Таблица 1.
Химическіе элементы.

Отношенія.	Слѣдствія этихъ отнош.	Константа — K.	
		По водор.	По воздух.
$\frac{D}{A} = K$	$A \times K = D$ $\frac{D}{K} = A$	1.	0,069
$\frac{A}{D} = K_1$	$K_1 \times D = A$ $\frac{A}{K_1} = D$	1.	14,4

дают несколько любопытных данных, касающихся «0» (нулевой) группы периодической системы элементов, куда входят Ne, He, Ar, Kr, Xe. Известно, что определение их атомного вѣса представляло некоторые трудности, т. к. они не вступают въ химическія соединения. Опредѣляя ихъ атомный вѣсъ по даннымъ выше формуламъ, мы найдемъ его вдвое меньшимъ, чѣмъ это считалось до сихъ поръ. Напр., плотность He по воздуху 0,137: согласно формулѣ $K \times D = A$, мы пишемъ: $14,4 \times 0,137 = 2$ (1,98); для Ne, $0,69 \times 14,4 = 10$ (9,96); для Ar $1,39 \times 14,4 = 20$; для Kr $2,82 \times 14,4 = 41$ (40,8); для Xe $4,41 \times 14,4 = 64$ (63,5). Причину различія атомныхъ вѣсовъ этихъ элементовъ, найденныхъ ранѣе и по только что приложенному методу, авторъ формулируетъ такъ. Было констатировано, что атомъ при своемъ участіи въ образованіи химич. соед. дѣлится какъ бы на-двое, но такъ какъ дѣленіе это не могло быть допущено для атомовъ, какъ недѣлимыхъ единицъ, рѣшили предполагать, что и въ свободномъ состояніи элементарные газы образованы уже двухатомнымъ сцѣпленіемъ и что поэтому для опредѣленія наименьшей вѣсовой единицы свободныхъ газовъ нужно пользоваться формулой для молекулъ $M = 2D$, а не формулой для атомовъ $A = D$.

На основаніи формулъ таблицы мы должны необходимо признать, что такъ наз. атомные вѣса по своей величинѣ вполне сходны съ величинами ихъ удѣльнаго вѣса по водороду. Это хорошо видно изъ формулы $\frac{D}{K} = A$, гдѣ D есть плотность (уд. вѣсъ) по водороду и K константа по водороду, равная единицѣ: формула свободно превращается въ $A = D$, т. е. атомный вѣсъ равенъ плотности элемента по водороду. Отсюда, а также изъ того, что «атомные вѣса» представляютъ собой *относительныя* вѣсовые величины вступающихъ въ химическія соединения элементовъ, *примѣнительно* къ принятому за 1 водороду, прямо можно сказать, что «атомными» вѣсами называютъ теперь удѣльные вѣса данныхъ элементовъ по водороду и потому нельзя приписывать имъ никакого абсолютнаго значенія, а, слѣдовательно, нельзя и говорить на основаніи ихъ объ «атомахъ», какъ о какихъ-то недѣлимыхъ единицахъ, имѣющихъ конечныя предѣлы, строеніе и вѣсъ, почему положенное въ основаніе современной химіи понятіе, если и не вполне фиктивное, то въ высшей степени условное, не имѣетъ пока никакихъ прочныхъ устоевъ. Въ агрегатныхъ состояніяхъ, прежде чѣмъ видѣть въ нихъ ассоціированіе атомовъ въ молекулы, а молекулъ въ жидкія или твердыя агрегаты, мы должны видѣть несомнѣнное *измѣненіе* плотности того или другого газа, аналогично съ тѣмъ, что представляетъ и вся система химическихъ элементовъ, изображающихъ величины плотности. кратныя величинѣ плотности по водороду, принятой за единицу. Но процессъ измѣненія плотности имѣетъ тутъ не чисто физическій, а своеобразный физико-химическій характеръ, подчиненный еще не затронутому особому закону эвтектики, допускающему лишь очень ограниченную возможность существованія болѣе или менѣе устойчивыхъ формъ вещества. Въ этомъ отношеніи очень демонстративный примѣръ даетъ сѣра S, твердая при обы-

киовенныхъ условіяхъ. Нагрѣтая до 448°Ц она даетъ пары, плотность которыхъ по воздуху равна 6,6, а по водороду 96, а нагрѣтая до 1000° она развиваетъ пары съ плотностью 2,23 и 32 по водороду. Последняя плотность вполне совпадаетъ съ ея «атомнымъ» вѣсомъ, тогда какъ плотность паровъ при 448° представляетъ строго кратную величину, въ 3 раза превышающую «атомный» вѣсъ. Это указываетъ, что законъ эвтектики допускаетъ болѣе или менѣе устойчивое существованіе лишь определенныхъ степеней плотности паровъ сѣры». Авторъ далѣе даетъ еще примѣры цинка, кадмія, ртути, іода, мышьяка и фосфора. Но, спѣша съ объясненіемъ таблицы 2-ой, мы ихъ пропустимъ. Предварительно нужно замѣтить, что подъ названіемъ «элемент.» хим. соединеній авторъ разумѣетъ соединенія какихъ-либо двухъ элементовъ между собой. Тѣ же самыя отношенія, какія были прослѣжены авторомъ надъ отдѣльными хим. элементами (см. Табл. 1), были продолжены и на ихъ соединенія между собой и даны здѣсь въ таблицахъ 2-ой и 3-ей. Въ таблицѣ 2-ой показано, что отношеніе плотности элементарныхъ хим. соединеній, какъ напр. H₂O, HCl и др., къ его молекулярному вѣсу равняется 0,5, если плотность соединенія опредѣлялась по системѣ, гдѣ водородъ принять за 1, и 0,0348, когда плотность элемент. соедин. изслѣдовалась по отношенію къ плотности воздуха. При обратномъ отношеніи $\frac{M}{D}$ константа равняется соответственно 2 и 29. Слѣдствія этихъ отношеній играютъ роль, аналогичную въ первой таблицѣ.

Изъ слѣдствій важно $K \times D = M$, что при K, по водороду равной двумъ, $M = 2D$, т. е. что молекулярный вѣсъ элементарныхъ хим. соедин. равняется его удвоенной плотности.

Когда элементарн. хим. соедин. соединяются или между собой, или съ другими хим. элементами, то, по терминологіи автора, получаются «молекулярныя» соединенія. Таблица 3-я показываетъ въ свою очередь аналогичныя отношенія въ этихъ соединеніяхъ. Изъ слѣдств. $K \times D = M$ видно, что молекулярный вѣсъ такихъ соединеній $M = 4D$. «Сопоставляя формулы $M = D$, $M = 2D$ и $M = 4D$, мы находимъ и здѣсь ясно выраженные «кратныя отношенія» въ сравнительной плотности входящихъ въ составъ соединеній элементовъ, при чемъ единицей во всѣхъ случаяхъ является величина плотности водорода. Въ этомъ нельзя прежде всего не видѣть

Таблица 2.
Элементарныя хим. соедин.

Отношенія.	Слѣдствія этихъ отнош.	Константа = K.	
		По водор.	По воздух.
$\frac{D}{M} = K$		0,5	0,0348
	$M \times K = D$		
	$\frac{D}{K} = M$		
$\frac{M}{D} = K$		2	29
	$\frac{M}{K} = D$	слѣд.	
	$K, D = M$	$M = 2D$	

реального основанія для мысли Proust'a о водородѣ, какъ первичномъ исходномъ элементѣ по отношенію ко всѣмъ другимъ хим. элементамъ. Зная, что «атомные» вѣса представляютъ не что иное, какъ кратныя величины плотности водорода, мы не можемъ уже ждать того возраженія противъ данной мысли, что указанные вѣса выражаются не полными цѣлыми цифрами, а цѣлыми числами съ разными дробями».

«Вопросъ о томъ, какъ складывается плотность хим. соед., имѣетъ очень большое и теоретическое и практическое значеніе»,—пишетъ авторъ и тутъ же излагаетъ, что согласно приведеннымъ выше формуламъ, вопросъ этотъ разрѣшается просто. «Плотность того или другого соединения представляетъ собою для «элементарныхъ» формъ сумму плотностей элементовъ, раздѣленную на 2 (согласно $\frac{M}{K}=D$), а для «молекулярныхъ» формъ ту же сумму, раздѣленную на 4 ($D=\frac{M}{K}$, гдѣ $K_1=4$). Напр. $H_2N=3 \times 0,0696 + 0,967 = 1,166 : 2 = 0,583$; $SO_2=2,23 + 3 \times 1,105 = 5,545 : 2 = 2,77$; $SFe_6=2,23 + 6 \times 1,31 = 10,09 : 2 = 5,043$; $HI=0,0696 + 8,71 = 8,78 : 2 = 4,39$ и т. д. На этомъ я окончу свое поверхностное обзорѣніе даннаго труда, горячо совѣтуя всѣмъ интересующимся физической химіей познакомиться съ ней поближе, тѣмъ болѣе, что обычный спутникъ спеціально-научныхъ книгъ—дорогая пѣна, здѣсь отсутствуетъ. Стоитъ она всего 75 коп., а знать то, что тамъ говорится, необходимо даже начинающему. Мнѣ кажется, этотъ трудъ будетъ имѣть свое мѣсто въ реальной наукѣ. Любопытно, что въ первую очередь онъ скопрометируетъ тѣ безконечныя попытки, которыя пытались основать строеніе атома, исходя изъ его атомнаго вѣса. Какъ бы то тамъ ни было, мы наканунѣ жаркой научной полемики, ибо многимъ вѣроятно будетъ трудно безъ борьбы разстаться съ атомомъ, какъ солнечной системой, какъ космосомъ въ миниатюрѣ. Читатель найдетъ въ книгѣ личный взглядъ автора на дѣлимость вещества и онъ, можетъ быть, успокоитъ его ужасъ и изумленіе предъ той мыслью, что и *современный* атомъ—фигція.

Таблица 3.

Молекулярныя хим. соед.

Отношенія.	Слѣдствія этихъ отнош.	Константа—К.	
		По водор.	По воздух.
$\frac{D}{M}=K$	$M \times K = D$	0,25	0,0173—8
$\frac{M}{D}=K_1$	$\frac{D}{K}=M$	4	58
	$\frac{M}{K_1}=D$		
	$K_1 \times D = M$		

М. О. (М. М. К.).

Бумажныя деньги.

За послѣднее время въ русской печати извѣстнаго направленія стали все чаще и чаще появляться статьи, въ которыхъ настойчиво подчеркивается чрезвычайно благоприятное финансовое положеніе Россіи въ переживаемый моментъ и сейчасъ же съ ловкой услужливостью не менѣе настойчиво внушается Русскому правительству и всему Русскому обществу, что выпускъ нашимъ государствомъ кредитныхъ билетовъ можетъ быть неограниченнымъ.

Запасы продовольствія у насъ велики, безработныхъ нѣтъ, скорѣе наоборотъ,—застоя промышленнаго, равно какъ кризиса и краха, въ противоположность Германіи, не наблюдается,—денегъ болѣе чѣмъ достаточно, золотой фондъ въ Государственномъ Банкѣ является единственнымъ въ мірѣ по своей колоссальности, о дефицитѣ, несмотря на громадныя военныя издержки, не можетъ быть и рѣчи. Однимъ словомъ, въ финансовомъ хозяйствѣ Россіи наблюдается картина полного благополучія. Такъ выпускайте же кредитные билеты въ какомъ угодно количествѣ!—захлебываясь, орутъ Левины, Номинкулус'ы, Ното повус'ы и прочіе псевдонимы радикально-прогрессивно-гуттанерчевыхъ листовъ. Государство при такомъ несомнѣнно благополучномъ состояніи своихъ финансовъ безусловно выдержитъ неограниченный выпускъ бумажныхъ денегъ...

Приведенные аргументы вѣрны—и въ этомъ вся сила ихъ убѣдительности. Но сдѣланный выводъ (предательскій выводъ!) слабъ,—слабъ своимъ чрезмѣрнымъ оптимизмомъ, точнѣе выражаясь,—своею болѣе чѣмъ странною недальновидностью.

Дѣйствительно,—запасы продовольствія у насъ очень велики. Благодаря остановкѣ вывоза, цѣны на всѣ сельско-хозяйственные продукты—понижились. Это послѣднее обстоятельство даетъ населенію возможность быть спокойнымъ за завтрашній день. Мысль о дороговизнѣ съѣстныхъ припасовъ (хлѣба, яицъ, сахара) и голодовкѣ не терзаетъ обывательское сознание, не причиняетъ тѣхъ душевныхъ мукъ которыя рождаютъ ра-

стерянность, а затѣмъ и панику. Россія настолько обширна, такъ богата разнообразнѣйшими сельско-хозяйственными продуктами, что если бы, паче чаянiя, ей вдругъ пришлось довольствоваться производствомъ одного лишь своего, *внутренняго* рынка,—мы могли бы существовать многія, многія сотни лѣтъ. Хлѣбъ (рожь, пшеница, овесъ), крупы (гречиха, пшено), каменный уголь, торфъ, желѣзо, золото, серебро, сталь, мѣдь, нефть, лѣсъ, пищевые продукты — рыба, масло, яйца — все, все чѣмъ живетъ и движется мiръ, все это у насъ есть вдоволь, все это — близко, около, все это — неисчерпаемо.

Далѣе,—обрабатывающая промышленность, работающая лишь на внутреннiй рынокъ, отъ войны скорѣе выигрываетъ, чѣмъ терпитъ какой либо ущербъ. Сокращенiе иностранной конкуренцiи несомнѣнно послужитъ поводомъ къ усиленiю развитiя своего товаро-производства,—ибо спросъ остается такимъ же, какимъ онъ былъ и до объявленiя войны, до прекращенiя ввоза иностранныхъ товаровъ. Повышенiе же отечественной производительности дастъ только благопрiятные результаты. Та полуголодная армiя безработныхъ, которая нынѣ хищными отрядами бродитъ по улицамъ большихъ фабричныхъ германскихъ и австро-венгерскихъ городовъ, не грозитъ Россiи кошмарами голоднаго бунта. У насъ безработныхъ нѣтъ и быть не можетъ, ибо страна неустанно работаетъ и на плантацiяхъ, на поляхъ, и на фабрикахъ, заводахъ, копяхъ, и на желѣзныхъ дорогахъ, и въ торгово-промышленныхъ, мануфактурныхъ предпрiятiяхъ,—работаетъ напряженно, усиленно, но спокойно. Работаетъ *охотно*. Рабочiя руки въ цѣнѣ, на нихъ большой спросъ во всѣхъ отрасляхъ сельско-хозяйственной и промышленной жизни страны.

Правильны также соображенiя о невозможности въ настоящее время какихъ бы то ни было промышленныхъ кризисовъ. Не только о массовыхъ (мы не говоримъ о злостныхъ мошенничествахъ и темныхъ спекуляцiяхъ)—не можетъ быть и разговора,—даже трудно предвидѣть что-либо неблагопрiятное въ этой области.

Подходя къ основному нерву всей современной жизни вообще и войны, въ особенности,—къ финансамъ, должны подтвердить, что они, сравнительно съ финансами Германiи и Австро-Венгрии, дѣйствительно, находятся не только въ удовлетворительномъ состоянii, но даже въ блестящемъ. Золотые запасы мы имѣемъ не только дома, въ подвалахъ Государственнаго Банка, но даже и за границей для расчета по нашимъ долговымъ обязательствамъ и по заграничнымъ военнымъ заказамъ. Подобнаго рода явленiя мы не видимъ не только у нашихъ враговъ, задыхающихся въ петлѣ непрерывно растущихъ долговъ, но даже у такихъ дружественныхъ намъ государствъ, какъ напр. Францiя, Японiя, Бельгiя. О нашемъ крупномъ золотомъ фондѣ и о *свободной* золотой наличности — свыше полумиллиарда (500,000,000) рублей — распространяться не приходится. Государственные обыкновенные доходы все время продолжаютъ превышать обыкновенные расходы,—поступаетъ больше, чѣмъ расходуется. Остающiйся крупный избытокъ можетъ смѣло идти для

производства расходовъ чрезвычайныхъ. Но эти расходы естественно могутъ быть сильно сокращены—съ такимъ расчетомъ, чтобы *всѣ* излишки, въ общей суммѣ превышающіе многія сотни милліоновъ рублей, шли исключительно на нужды войны. Бюджетъ на 1914 годъ,—пишетъ проф. П. П. Мигулинъ въ своемъ «Новомъ Экономистѣ» № 31,—составленъ столь осторожно, что уже въ первое полугодіе сумма поступленій дала превышеніе, сравнительно съ соотвѣтствующимъ періодомъ прошлаго года, большее, нежели исчислено по росписи за цѣлый годъ (исчислено 155 милл. руб. превышенія, а поступило 161 милл. руб.); это даетъ надежду на то, что даже на случай войны въ нашемъ бюджетѣ не будетъ дефицита. Словомъ, финансы въ порядкѣ.

Однако, эта въ высшей степени отрадная для Русскаго сердца сельскохозяйственнаго и финансоваго благополучія Россіи отнюдь не даетъ намъ права пуститься въ опаснѣйшую авантюру—выпускать кредитные билеты въ неограниченномъ количествѣ. Эту операцію мы называемъ *авантюрой* главнымъ образомъ потому, что она не имѣетъ подъ собою твердаго основанія, строго опредѣленнаго, конечнаго, благопріятнаго результата и государственнаго смысла. Примѣры 1812 года, когда цѣна кредитнаго рубля упала до гривенника, и времени великой революціи, когда цѣна французской ассигнаціи пала до такой степени, что обыкновенная курица продавалась на базарахъ за 50 тысячъ франковъ.—эти классическіе примѣры безумной политики неограниченнаго выпуска кредитныхъ билетовъ должны разомъ, казалось бы, отрезвить господъ оптимистовъ. Но оптимизмъ, закрывающій глаза на яркіе, краснорѣчивые уроки исторіи, отдастъ довольно некрасивымъ свойствомъ,—предназначенностью. Невольно въ головѣ зарождаются сомнѣнія,—ужь не выгодна ли этимъ господамъ, распинающимся за неограниченный выпускъ бумажныхъ денегъ, эта операція—не выгодно ли имъ понизить настоящую твердую цѣну Русскаго рубля? Неограниченный выпускъ кредитныхъ билетовъ, наводненіе внутренняго рынка «бумажками» равносильно неизбѣжному ихъ пониженію. Пропагандировать неограниченный выпускъ кредитныхъ билетовъ, значить сознательно увлекать государство въ явно невыгодную, предательскую операцію,—значить толкать Россію на путь неизбѣжнаго финансоваго краха.

Мы убѣждены, что Русское правительство къ этимъ настойчивымъ увѣреніямъ со стороны сомнительной честности «оптимистовъ»—выпускать и выпускать кредитные билеты,—отнесется крайне осторожно.

Не надо забывать, что на Россію точатъ зубы не только нѣмцы и австріяки, но и тѣ, которымъ вообще невыгодно усиленіе державной мощи нашей *Православной Монархіи*. У насъ много враговъ, упорныхъ, жестокихъ, не только внѣшнихъ, но и внутреннихъ, нерѣдко сидящихъ рядомъ съ нами за однимъ столомъ, пишущихъ передовицы въ «русскихъ» газетахъ и поющихъ, хотя и сильно картавя, — «Боже, Царя храни»...

Русское общество, во всемъ его цѣломъ, должно съ величайшей осторожностью относиться ко всѣмъ подобнымъ увѣреніямъ, вродѣ пол-

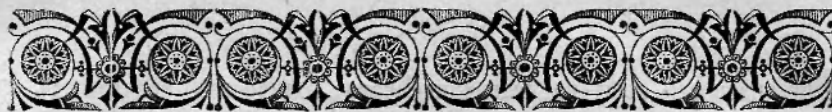
ной безопасности выпуска неограниченнаго количества кредитныхъ билетовъ.

Выпускать кредитные билеты нужно и должно, но чутко прислушиваясь къ настроенію большой публики и дѣловыхъ сферъ. Да, наконецъ, широкія массы населенія, увидѣвъ, что все и вся захлестывается потокомъ кредитныхъ бумажекъ, дрогнетъ и невольно почувствуетъ къ нимъ недовѣріе. Кредитныхъ билетовъ нужно выпускать лишь столько, сколько необходимо для поддержанія промышленной жизни.

Въ заключеніе мы еще разъ подчеркиваемъ — *неограниченный выпускъ кредитныхъ билетовъ равносильнъ неизбѣжному паденію ихъ цѣнности*. Зачѣмъ же понижать нашъ рубль до гривепника, какъ это было въ 1812 году, — когда съ успѣхомъ можно удержать его стоимость на должной высотѣ? Побольше внимательнаго отношенія къ жизни и подальше, подальше отъ господъ «оптимистовъ» съ ихъ довольно странной расчетливостью и талмудической моралью.

Мих. Спасовскій.

Гармонія мірового хаоса.

I.

Рождение міра и протоплазмы.

Очеркъ Вяч. Игнатовича.

Ище съ самыхъ отдаленныхъ эпохъ человѣческаго развитія, съ сѣдой древности человѣческаго бытія, зарождался вопросъ о происхожденіи земли, а вмѣстѣ съ нимъ и о происхожденіи всего міра.

Но эти вопросы были такъ колоссально трудны для разрѣшенія ихъ,—міръ и его явленія такъ загадочны и недоступны для младенческаго ума древняго человѣка, что о какихъ-либо положительныхъ отвѣтахъ и научныхъ данныхъ говорить было невозможно.

Все сводилось къ области фантазіи.

Да и вообще трудно ждать, чтобы когда-нибудь наука открыла намъ жгучій вопросъ о томъ, «какъ произошелъ міръ».

Правда, многое изъ этой области уже имѣетъ вполнѣ опредѣленный и ясный отвѣтъ, многое открылось пылливому уму человѣка, но исходная точка, изъ которой родились научныя теории и отвѣты—является только гипотезой, предположеніемъ.

Эта точка есть то заповѣдное мѣсто—до котораго дойти, дѣло еще долгаго труда и времени.

Точно также пока гипотетичнымъ является вопросъ и о происхожденіи протоплазмы, какъ того фактора, изъ котораго образовались живые организмы на поверхности земли.

Я говорю „пока“, такъ-какъ этотъ вопросъ является болѣе возможности къ своему разрѣшенію и мы смѣло можемъ надѣяться, что когда либо наука дастъ намъ вполнѣ точный и ясный отвѣтъ.

Итакъ, начну съ вопроса о рожденіи міра и попытаюсь всего на нѣсколькихъ, удѣленныхъ мнѣ здѣсь страницахъ, дать самое существенное, что имѣетъ наука въ настоящее время.

Все то пространство во вселенной, которое теперь занимаютъ небесныя тѣла и эфиръ—первоначально было заполнено безконечнымъ

множеством *частичекъ* весьма малой величины. Всѣ они находились въ состояніи непрерывнаго движенія по самымъ разнообразнымъ направленьямъ.

Вотъ эту то массу частичекъ, составлявшихъ нѣкогда вещество, матерію вселенной, и принимаютъ за то основное начало, изъ котораго родилась міра.

Всѣ эти частички, двигаясь по разнообразнымъ направленьямъ, естественно могли сталкиваться другъ съ другомъ. Столкнувшись такимъ образомъ двѣ частички соединялись между собою и образовывали новое тѣло, по своимъ признакамъ отличное отъ всѣхъ прочихъ, простыхъ частичекъ вселенной.

Въ силу закона о *всемірномъ тяготѣніи*, первоначальныя частички притягивались одна къ другой. Образовавшееся новое тѣло путемъ слиянія двухъ получало большіе вѣсъ, а въ зависимости отъ этого и большую силу притяженія.

Это послѣднее обстоятельство вытекаетъ изъ закона *равенства дѣйствія и противодѣйствія*. На каждое изъ двухъ притягивающихся тѣлъ дѣйствуетъ сила и обѣ эти силы равны, если равны ихъ массы. Если же массы не равны, то тѣло большей массы приобретаетъ меньшую скорость и, слѣдовательно, притягиваться будетъ тѣло меньшей массы.

И такъ образовавшееся путемъ слиянія двухъ первоначальныхъ частичекъ, новое тѣло начинаетъ притягивать къ себѣ прочія частички. Съ этого момента начинается ихъ группировка.

Такихъ новыхъ тѣлъ, родившихся путемъ слиянія двухъ первоначальныхъ частичекъ, могло образоваться нѣсколько и они также начали дѣйствовать другъ на друга.

Движенія частицъ становятся правильнѣе, подчиняясь: притяженію къ болѣе крупному тѣлу—центростремительной силѣ, и стремленію къ прямолинейному движенію или центробѣжной силѣ.

Постепенно соединяясь между собою, *космическія массы* или массы міровой матеріи принимаютъ колоссальные размѣры и въ видѣ *туманностей* со страшною быстротою несутся во вселенной. Всѣ первоначальныя частички, изъ которыхъ путемъ группировки составились эти космическія массы, не были соединены плотно между собой, а находились одна отъ другой на довольно большомъ разстояніи. Въ то же время они уже не имѣютъ того первоначальнаго беспорядочнаго движенія, а охвачены круговымъ движеніемъ вокругъ общаго центра, такъ какъ первоначальное движеніе—прямолинейное, подъ вліяніемъ силы тяготѣнія, переходитъ въ круговое.

Все пространство между новообразованными тѣлами или космическими массами, въ настоящее время именуемое эфиромъ, и есть остатки той самой первичной матеріи міра.

Эфиръ—первичная міровая матерія, только въ крайне разрѣженномъ видѣ.

Послѣ того, какъ образовались космическія массы въ видѣ туманностей—они начинаютъ свѣтиться и изливаться теплоту.

Эфиръ и является передаточной средой колебательныхъ движеній туманностей, которыя мы ощущаемъ, какъ свѣтотыя и теплотыя явленія.

Кромѣ всего вышесказаннаго въ процессѣ развитія вселенной принимали участіе и тѣ силы природы, которыя намъ хорошо извѣстны: *электричество, теплота.*

Въ каждой изъ космическихъ массъ могло образоваться одно тѣло большей величины, которое и начинало играть доминирующую роль въ жизни системы космической массы и становилось тѣмъ центромъ, вокругъ котораго группировались всѣ остальные тѣла.

Получалась одна огромная стройная система. *Млечный путь* является самой большой изъ такихъ системъ, которая представляетъ собою блѣдное туманное кольцо, охватывающее все видимое небо, такъ что всѣ остальные созвѣздія и системы есть члены этой одной, великой системы. Число звѣздъ Млечнаго пути неисчислимо.

Центральное тѣло каждой такой системы и является ея *солнцемъ.*

Уплотняясь, масса небеснаго тѣла начинаетъ нагрѣваться, а такъ какъ уплотненія въ центрѣ всегда значительнѣе, чѣмъ на поверхностныхъ слояхъ, то слѣдовательно и нагрѣванія въ центрѣ несравненно больше.

Уплотненіе тѣла происходитъ такъ энергично, что оно раскаливается и начинаетъ изливать свѣтъ и теплоту въ эфиръ. Насколько велика температура каждаго такого тѣла видно изъ того, что отдавая тепло въ эфиръ, т. е. въ окружающее его пространство, температура котораго чуть ли не 250 ниже нуля, оно остается раскаленнымъ громадное количество лѣтъ.

Естественно, что уплотненіе тѣла можетъ дойти только до извѣстнаго предѣла, послѣ котораго оно прекратится и тогда тѣло начнетъ изливать тепла болѣе, чѣмъ вырабатываетъ оно само.

Начнется охлажденіе съ поверхностныхъ слоевъ, причемъ газы, окружавшія тѣло при достиженіи тѣломъ опредѣленной температуры обращаются въ паръ и, наконецъ, въ жидкость.

По послѣднимъ научнымъ даннымъ млечный путь есть не кольцо, и *спираль*, получившая свою видимую форму путемъ столкновенія двухъ космическихъ массъ. Это столкновение должно было произойти такъ сильно, что въ центрѣ образовалась раскаленная свѣтящаяся масса, а вся остальная туманность разорваться на отдѣльные свитки съ сильнымъ вихревымъ движеніемъ.

Теперь остается вопросъ, — какъ образовалась наша солнечная система и подобныя ей? Солнечная система образуется путемъ столкновенія двухъ туманностей. Если при столкновеніи туманностей въ центрѣ скопится болѣе космической матеріи, то получится центральное тѣло, которое путемъ уплотненія преобразовывается въ то, что мы теперь называемъ солнцемъ или центральнымъ тѣломъ системы. Вся же остальная туманность, оторвавшись и раздѣлившись на части, начинаетъ вращаться по спирали, образуя вѣтви, число которыхъ всегда равно двумъ. Между вѣтвями спиральностей имѣются пустыя пространства, а въ самой ихъ массѣ во многихъ мѣстахъ сгущенныя части.

Спиральный характеръ движенія туманностей не постояненъ и онъ съ теченіемъ времени прекращается. Происходитъ это такимъ образомъ: все вещество туманности движется не по вѣтвямъ спирали, а по *орбитамъ*, которыя и пересѣкаютъ подъ большимъ угломъ эти вѣтви.

Тѣ изъ частицъ, которыя движутся по меньшимъ орбитамъ, обращаются быстрее, чѣмъ частицы, движущіяся по большимъ орбитамъ, и спираль въ концѣ концовъ закручивается настолько, что теряетъ свой спиральный характеръ.

Изъ этихъ-то сгущеній въ массѣ вѣтвей спирали, именуемыхъ *узлами*, путемъ притяженія ими мелкихъ частицъ, орбиты которыхъ пересѣкаютъ орбиты узловъ и путемъ постепеннаго уплотненія, родились планеты.

Отъ направленія и скорости движенія каждаго первичнаго узла и зависитъ вращеніе родившейся изъ него планеты вокругъ своей оси.

Болѣе крупный первичный узелъ—далѣ болѣе значительную по величинѣ планету и наоборотъ. По той же причинѣ тяготѣнія вслѣдствіе столкновенія космической матеріи съ первичнымъ узломъ, образовались спутники планетъ.

При столкновеніи двухъ туманностей, въ моментъ образованія узловъ, температура ихъ была весьма высокой. Болѣе крупные узлы обладали наибольшей температурой и силой притяженія окружающихъ газовъ, вслѣдствіе чего они и сохранили свою теплоту и атмосферу. Болѣе-же мелкіе узлы дали родившейся изъ нихъ планетѣ и меньшую температуру, и меньшую силу притяженія, почему послѣднія быстро охладились и лишились атмосферы.

Наша планета—земля, очевидно произошла изъ большого по объему первичнаго узла, такъ какъ до сихъ поръ сохранила тепло и окружена густой атмосферой.

Такимъ-же жгучимъ вопросомъ, такимъ-же сложнымъ и запутаннымъ, является вопросъ о происхожденіи протоплазмы.

Существуетъ много теорій, дающихъ намъ объясненіе, болѣе или менѣе удачныя отвѣты на сущность протоплазмы, о строеніи и жизни которой въ послѣднее время наука имѣетъ точныя свѣдѣнія, но вопросъ о происхожденіи ея остается открытымъ. Здѣсь также исходная точка, давшая начало многимъ теоріямъ, является гипотетичной.

И въ самомъ дѣлѣ,—разрѣшить вопросъ о томъ, какимъ образомъ изъ неорганической природы вещества образовалась органическая—дѣло не такъ просто. Между органической природой и неорганической лежитъ такая пропасть, перейти которую, для того чтобы познать моментъ химическаго измѣненія при образованіи органической природы изъ неорганической, врядъ-ли возможно.

Но попытки были и весьма многочисленныя.

Сколько они удачны, мы увидимъ изъ этого очерка.

Прежде всего, что такое протоплазма? Протоплазма—то *бѣлковое* вещество, которое заполняетъ всѣ клѣтки животныхъ и растительныхъ организмовъ. Химическій составъ протоплазмы представляетъ собою смѣсь бѣлковыхъ тѣлъ, въ составъ которыхъ входятъ слѣдующіе химическіе элементы: *кислородъ, водородъ, азотъ, углеродъ, сера, хлоръ, фосфоръ, калий, кальцій, марганецъ и желѣзо*. По нѣкоторымъ даннымъ можно думать, что въ составъ бѣлковыхъ веществъ входятъ также и элементы: *кремній, фторъ*.

Кромѣ того, различаютъ протоплазму двухъ видовъ, а именно: *прозрачную*, состоящую изъ глобулиновъ (бѣлковыя протеиновыя вещества) и *зернистую*, состоящую изъ альбуминовъ (также бѣлковыя вещества).

Химія доказываетъ, что молекула бѣлковаго вещества представляетъ собою весьма сложное строеніе, въ составъ котораго входятъ еще атомныя группы, какъ ароматическаго ряда, такъ и жирнаго.

Итакъ, мы видимъ отсюда, что протоплазма есть чрезвычайно сложное вещество.

Какимъ же образомъ могло это вещество образоваться?

Исходной точкой, которая дала начало современной біологін, было то предположеніе, что вещество протоплазмы образовалось путемъ случайнаго сочетанія тѣхъ химическихъ элементовъ, изъ которыхъ оно построено. Біологія находитъ самымъ простымъ и естественнымъ разрѣшеніемъ допущеніе вопроса *первичнаго* или *произвольнаго зарожденія*.

Это предположеніе объясняется такъ: когда земля, остывая, дошла до той температуры, при которой живая протоплазма можетъ суще-

ствовать, то какимъ-то случайнымъ соприкосновеніемъ между собой химическихъ элементовъ образовался бѣлокъ — основная часть протоплазмы. Затѣмъ бѣлокъ, проходя, такъ сказать, стадии своего развитія, преобразовался въ голую протоплазму.

Эта голая протоплазма существуетъ въ природѣ и въ настоящее время.

Затѣмъ, путемъ дѣятельности протоплазмы и главнымъ образомъ ея болѣе твердой консистенціи — ядра, образовалась оболочка на поверхности протоплазмы и такимъ образомъ явился на землѣ первый низшій живой организмъ.

Вотъ общая схема теорій, рисуемой въ послѣднее время биологіей.

Однако, до сихъ поръ нигдѣ въ мірѣ не было замѣчено и наблюдаемо первичное зарожденіе жизни. Оно является, какъ я уже сказалъ, гипотезой, на основаніи которой построена современная биологія и родственныя ей науки.

Еще сравнительно недавно *Геккель* извлекъ съ архива человѣческихъ знаній старую гипотезу *Томсона* и *Гекали* о первичной слизи, якобы наблюдаемой въ глубинѣ моря.

Эти ученые доказывали о существованіи на днѣ моря какой то слизи или *батибія*. Но эта слизь, какъ оказалось, благодаря трудамъ *Меллуса*, есть искусственный продуктъ, а именно, — осадокъ гипсовыхъ солей, получившійся путемъ приливанія спирта къ морской глубинной водѣ. Известковыя же отложения, находящіяся въ ней, оказались мелкими организмами изъ простѣйшихъ — *жгутиконосцами* и попали сюда, вѣроятно, случайно.

Затѣмъ, *Гельмгольцъ* предполагалъ, что жизнь занесена на землю метеоромъ, явившагося изъ межпланетнаго пространства, но такое предположеніе, само собой разумѣется, не разрѣшаетъ вопроса, а только дѣлаетъ его еще болѣе труднымъ, такъ-какъ переносить родину жизни на другую планету.

Еще болѣе „оригинальнымъ“ является предположеніе ученаго *Прейера*: будто бы неорганизованная матерія произошла изъ организованной, путемъ омертвѣнія этой послѣдней. Жизнь сохранилась только на поверхности земли, все же остальное вещество, какъ болѣе тяжелое, стало уплотняться, осѣдать и въ концѣ концовъ потеряло свой организованный характеръ. Доказательствомъ того, что земля представляла изъ себя одинъ гигантски живой организмъ, онъ ставитъ теорію о первоначальномъ движеніи частицъ, составлявшихъ нашу планету.

Трудно даже спорить съ мнѣніемъ *Прейера*, ибо его заблужденіе слишкомъ очевидно, если вспомнить, что подразумеваетъ фізіологія подъ жизнью.

Съ точки зрѣнія фізіологіи, жизнь характеризуется рядомъ весьма опредѣленныхъ процессовъ, изъ которыхъ наисущественнѣйшій — *процессъ обмена веществъ*. Въ чемъ онъ заключается, я не стану говорить. — онъ извѣстенъ каждому.

Итакъ гипотеза о первичномъ или произвольномъ зарожденіи оказалась безъ всякой надежды быть доказанной. Также всѣ попытки, тѣмъ болѣе, создать бѣлокъ химическимъ путемъ, конечно, не привели ни къ чему.

Міръ оказался на трехъ китахъ.

Послѣ долгихъ странствованій въ области неизвѣданнаго, на какомъ либо рѣшеніи вопроса о происхожденіи жизни на землѣ нужно было остановиться, и современная наука приняла допущенія первичнаго или произвольнаго зарожденія, какъ наиболѣе приемлемое.

Я же склоненъ думать, что жизнь на землѣ появилась инымъ образомъ.

Предлагаемая мною гипотеза, которую я сейчасъ изложу, мнѣ кажется болѣе правдоподобной и потому болѣе состоятельной.

Отринувъ всякія случайности, которымъ въ наукѣ не должно быть мѣста, я считаю, что жизнь произошла самымъ естественнымъ путемъ, какъ естественно наступленіе дня послѣ ночи, лѣта послѣ зимы.

Исходной точкой моей теоріи является то соображеніе, что жизнь, какъ зачаточная степень той жизни, которую мы теперь наблюдаемъ, существовала еще въ стадіи раскаленнаго состоянія планетъ и даже еще ранѣе, а именно въ періодъ хаотическаго состоянія вселенной, когда послѣдняя представляла собою комплексъ первоначальныхъ частицъ, о которыхъ я уже говорилъ.

На ряду съ первоначальными частицами неорганизованной матеріи, въ этомъ хаосѣ могли существовать также частицы иной организаціи, которыя впослѣдствіи и дали жизнь. Другими словами,—уже въ первобытномъ хаосѣ заключались частицы двухъ родовъ, изъ которыхъ одни дали настоящую неорганизованную матерію, а другія — настоящую организованную.

Подобная группировка частицъ могла произойти и нѣсколько инымъ путемъ, а именно: всѣ первоначальныя частицы, какъ вы уже знаете, сталкивались между собою и образовывали новыя тѣла съ иными свойствами.

Эти столкновенія естественнаго характера могли столь же успѣшно дать жизнь въ ея зачаточномъ видѣ, т. е., могло произойти то, что съ современной научной точки зрѣнія произошло послѣ достаточнаго охлажденія земли. Эта зачаточная жизнь, по моему мнѣнію, была несравненно еще проще той, которая теперь именуется *биофоромъ*, *біобластомъ*, *плазомомъ*, *физидомъ*, *эргатуломъ*, *генературомъ*, о сущности которой никто ровно ничего не знаетъ.

Итакъ жизнь въ ея зачаточномъ состояніи существовала еще въ періодъ хаоса вселенной или съ момента начала группировки первоначальныхъ частицъ.

Это мое предположеніе подтверждается слѣдующимъ соображеніемъ. Какъ извѣстно, планета *Марсъ* окружена атмосферой, въ которой имѣется опредѣленное количество пара, хотя и въ меньшей степени, чѣмъ на

землѣ. На Марсѣ имѣются: моря, ледники, суша. *Спектральный анализъ* доказываетъ существованіе на Марсѣ *хлорофила*, необходимаго элемента протоплазмы, что и даетъ весьма вѣское подтвержденіе тому предположенію, что на немъ есть организованная матерія, иными словами—жизнь.

Затѣмъ планета *Венера* имѣетъ атмосферу еще болѣе плотную, чѣмъ наша. Присутствіе хлорофила на ней не обнаружено въ виду невозможности пока изслѣдовать эту яркую планету. Спектральнымъ анализомъ доказано присутствіе въ атмосферѣ Венеры пара еще въ большемъ количествѣ чѣмъ на землѣ, а слѣдовательно *на ея поверхности* возможны водоемы, т. е. моря и суша, такъ какъ плотность Венеры почти равна плотности земли.

Всякая жизнь требуетъ необходимой культуры, въ которой она могла бы развиваться или просто существовать, и эта культура почти всегда сводится къ двумъ основнымъ началамъ—воздуха и воды.

Итакъ на Марсѣ, на Венерѣ, а также, что почти доказано, на Меркуриі—имѣются вода и воздухъ; кромѣ того, на Марсѣ обнаруженъ хлорофиль, —признакъ жизни.

Мы не можемъ, пока, сказать, —есть ли атмосфера и жизнь на другихъ планетахъ, но въ тоже время не имѣемъ права утверждать и обратное, разъ это еще не установлено окончательно.

Предположивъ, что жизнь на землѣ зародилась путемъ случайнаго сочетанія нѣкоторыхъ химическихъ элементовъ, мы должны предположить, что и на Марсѣ, и на другихъ планетахъ, гдѣ быть можетъ есть жизнь, этотъ удивительный „случай“ также былъ причиной появленія жизни.

Думать такъ на самомъ дѣлѣ было бы весьма наивно. Съ такимъ взглядомъ врядъ-ли можно примириться. Правда, ничего невозможнаго на свѣтѣ нѣтъ и происхожденіе жизни на землѣ могло быть дѣломъ случая, но такая невозможность не повторяется дважды.

Итакъ, на мой взглядъ, жизнь образовалась не послѣ охлажденія земли, а уже существовала—либо въ періодъ хаотическаго состоянія вселенной, въ видѣ первыхъ частицъ, либо въ періодъ группировки этихъ частицъ, когда они путемъ соединенія образовали новыя тѣла, отличныя отъ первоначальныхъ.

Я повторяю, что эта первоначальная жизнь была въ самой зачаточной формѣ, далеко не имѣющей отношенія къ той, которую мы наблюдаемъ теперь въ самой низшей ступени развитія растительныхъ организмовъ.

Затѣмъ, въ періодъ развитія вселенной, слѣдующій за группировкой частицъ, первоначальная жизнь претерпѣваетъ многія измѣненія, болѣе сложныя, чѣмъ прочія части матеріи вселенной. Создаются отдѣльныя организмы, будущія необходимыя составныя части будущей протоплазмы.

Появились зачаточныя формы простѣйшаго бѣлка, далекія еще до тѣхъ, комплексомъ которыхъ созданъ обыкновенный бѣлокъ.

Въ періодъ раскаленнаго состоянія планетъ, температура послѣднихъ, вѣроятно, сыграла главнѣйшую роль, давъ возможность соединиться тѣмъ химическимъ элементамъ, составляющимъ бѣлокъ, которыя не могли быть до сихъ поръ соединены искусственнымъ путемъ.

Въ періодъ, слѣдующій за раскаленнымъ состояніемъ земли, по мѣрѣ ея остыванія, жизнь на ней продолжала организоваться и развиваться. Она принимаетъ уже болѣе сложную форму, а по мѣрѣ ожигенія и отвердѣванія нѣкоторыхъ химическихъ элементовъ, составляющихъ ее, и вовсе преобразовывается.

Когда же наконецъ земля остыла настолько, что уже могли появиться живые организмы, бѣлокъ, проходя послѣднюю стадію развитія, осаживается на поверхности земли въ видѣ частицъ особаго вещества первоначальнаго бѣлка. Затѣмъ, первоначальный бѣлокъ, укрупняясь, путемъ различныхъ химическихъ пертурбации, образуетъ тотъ бѣлокъ, который входитъ въ клѣтки растительныхъ и животныхъ организмовъ.

Въ свою очередь, бѣлокъ, развиваясь и принимая въ свою консистенцію иныя химическія вещества, дѣятельностью кислорода и солнечныхъ лучей преобразовывается въ голую протоплазму.

Такъ въ краткихъ словахъ на мой взглядъ произошла протоплазма.

Въ заключеніе скажу слѣдующее: въ своемъ весьма краткомъ очеркѣ, я не могъ дать всего того, что я намѣтилъ первоначально. Я только въ самыхъ общихъ чертахъ нарисовалъ голую схему происхожденія міра и протоплазмы, внесъ въ нее мою гипотезу, которую я считаю состоятельной, чѣмъ тѣ, о которыхъ я говорилъ въ началѣ.

Скажу одно: такой вопросъ, какъ происхожденіе міра и жизни нельзя объяснить простой „случайностью“. Жизнь природы представляетъ собою такой сложный и гармоничный міръ, такой красивый и цѣлесообразный рядъ явленій, что мысль—назвать ея прародителемъ случай, не выдерживаетъ критики.

Въ наше время вообще отрицательно относятся къ объясненію тѣхъ или иныхъ явленій случайностью, а современная точка зрѣнія стоитъ на томъ положеніи, что ничего случайнаго въ жизненныхъ явленіяхъ нѣтъ. Все является слѣдствіемъ дѣйствій либо заранѣе обдуманыхъ, либо прошедшихъ незамѣтно для насъ, но все же зависящихъ отъ нашей воли, хотя, быть можетъ, мы и не отдали себѣ яснаго отчета въ моментъ исполненія.

Съ этимъ можно согласиться.

Заканчивая настоящій очеркъ, я постараюсь дать нѣсколько выводовъ, къ которымъ и вы сами придете, вспомнивъ мою гипотезу и теорію.

Разъ жизнь *была всегда*, что нужно считать *незыблемымъ*, то она и *вездѣ*.

Нельзя говорить, что жизнь сосредоточилась только на землѣ, разъ зачатки ея были въ томъ первоначальномъ хаосѣ, изъ котораго родились всѣ міры. Слѣдовательно, жизнь находится и на другихъ планетахъ: на Марсѣ, на Венерѣ, на Меркуріи и т. д., пока сравнительно плохо изученныхъ или неизученныхъ вовсе.

Это первое слѣдствіе.

Во-вторыхъ—если жизнь была всегда, если она есть всюду, то она и будетъ вѣчно.

Принимая ту или иную форму, она будетъ существовать, будетъ итти своимъ чередомъ, въ какомъ бы состояніи ни проявлялась, пока не наступитъ міровая катастрофа!

Жизнь вѣчна!

Мы, причастные къ настоящему періоду жизни, являемся только звеномъ той цѣпи, которая тянется отъ начала міра до его конца.

Примѣчаніе редакціи. Настоящая статья студента Вяч. Игнатовича является началомъ цѣлаго ряда статей, посвященныхъ научному изслѣдованію интереснѣйшихъ вопросовъ. Въ октябрьской книгѣ „Вешнихъ Водъ“ будетъ помѣщена вторая глава—„Развитіе міра и протоплазмы“: въ ноябрьской книгѣ—третья глава—„Жизнь міра и протоплазмы“: въ декабрьской—четвертая глава—„Смерть міра и протоплазмы“: въ январьской—„Происхожденіе человѣка“; въ февральской—„Культура человѣка“ и въ мартовской книгѣ—„Происхожденіе міра съ философской точки зрѣнія“.

Кон. М. С.

ДѢТСТВО И МОЛОДЫЕ ГОДЫ НАПОЛЕОНА.

Историческій очеркъ А. В. Жуковскаго.

Перепечатка воспрещается.
(Законъ 20 марта 1911 г.)

На гранитномъ островѣ Корсикѣ, который лежитъ на перепутьѣ между Франціей и Италіей, въ городѣ Аяччіо 15-го августа 1769 года, въ семьѣ Буонапарте родился второй сынъ, которому впоследствии суждено было стать во главѣ Франціи, сдѣлаться ея императоромъ и первымъ челоѣкомъ,—это былъ Наполеонъ. Въ семьѣ онъ назывался Набуліоне. Такое оригинальное имя показалось страннымъ даже парижскому архіепископу, на исповѣди у котораго былъ Наполеонъ. По словамъ архіепископа, этого имени не было даже въ календарѣ. Но самъ Наполеонъ впоследствии вполне примирился со своимъ именемъ, такъ какъ оно было мало извѣстно, поэтично и звучно. Островъ Корсика, на которомъ родился Наполеонъ, попеременно находился въ зависимости отъ римлянъ, арабскихъ халифовъ, императора и пизанской республики. Последнею властительницею Корсики была Генуя. Во второй половинѣ XVIII столѣтія Корсика освободилась изъ-подъ власти генуэзской республики. Французскій министръ Шуазель задумалъ присоединить Корсику къ Франціи, чтобы удовлетворить французовъ за потерю Канады. Въ 1764 году было подписано между Франціей и Генуей соглашеніе, на основаніи котораго последняя уступила ей на четырехлѣтній срокъ свою, почти уже утраченную власть надъ Корсикой. Четыре же года спустя Генуя согласилась за условленную цѣну уступить свои права на Корсику французскому королю. Такимъ образомъ, Корсика перешла въ руки Франціи. Только благодаря этому соединенію Корсики съ Франціей, корсиканскій уроженецъ Наполеонъ Бонапартъ и могъ сдѣлаться повелителемъ Франціи. Родители Наполеона, Карло и Летиція Буонапарте, принадлежали къ тѣмъ бѣднымъ семьямъ, которыми такъ богата была Корсика. Чтобы ясно представить себѣ, что это была за страна, въ которой родился и провелъ свои ранніе дѣтскіе годы Напо-

леонъ, нельзя избѣжать чудеснаго описанія историка Трачевскаго, который по этому поводу говорить, что «лѣтъ полтораста тому назадъ Корсика казалась совсѣмъ уединеннымъ пережиткомъ первобытности; лишь изрѣдка, въ восточной полосѣ, лѣвивая соха слегка трогала заглохшую ниву; лишь по откосамъ террасъ, тамъ и сямъ, пестрѣли виноградники и оливковыя рощи; да и тѣмъ вѣчно угрожали бурливые горные потоки—плодъ внезапныхъ переменъ капризнаго климата. А на хребтахъ горъ красовались дѣвственные лѣса каштановъ, вѣчно зеленыхъ елей и дубовъ, прерываемые прогалинами пахучихъ луговъ; среди нихъ, на склонахъ скалъ, лѣпились лачужки, гдѣ валялось, вокругъ очага, на козьихъ шкурахъ, крѣпкое, выносливое, ловкое племя горцевъ, которые славились храбростью и проворствомъ тигра, острымъ зрѣніемъ и стремительностью орла»... И если мы прибавимъ къ этому описанію, что Корсика въ то время обращала на себя вниманіе всѣхъ цивилизованныхъ, какъ государство, годное для законодательства, а положеніе дѣлъ было таково, что государство это нуждалось въ такомъ дѣятелѣ, какимъ былъ Наполеонъ, то отсюда естественно вытекаетъ, что появленіе этого великаго человѣка было какъ разъ кстати, и почва, на которой пришлось ему работать, была вполне благопріятной.

Населеніе упомянутаго острова по своему происхожденію было близко къ итальянцамъ. Главнымъ занятіемъ корсиканцевъ было земледѣліе, рыбная ловля и кустарные промыслы и лишь немногіе занимались торговлею и мореплаваніемъ. Корсиканцы и до сихъ поръ считаются малообразованнымъ народомъ: весьма многія корсиканки безграмотны. Но мужество и твердость во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, безстрашіе въ несчастіяхъ, постоянная трезвость на ряду съ безусловною честностью, вотъ тѣ положительныя черты всякаго корсиканца, которыя такъ рѣзко запечатлѣлись въ Наполеонѣ. Это былъ человѣкъ, дѣйствительно не знавшій ни усталости, ни смущенія; ему, по словамъ Трачевскаго, была незнакома улыбка, онъ былъ врагомъ всякихъ развлеченій; у него былъ тонкій, провицательный умъ, могущій схватывать слабыя струнки людей; онъ былъ, кромѣ того, вооруженъ острою памятью. Много было также и другихъ героевъ, которые поработали на пользу своей родины, изъ нихъ особенно замѣчательнъ Паскаль Паоли. Отличаясь прекраснымъ образованіемъ и такими же способностями, онъ сумѣлъ соединить въ себѣ философа, мудраго законодателя, блестящаго полководца и еще въ молодыхъ годахъ обратилъ на себя вниманіе высшихъ властей. Паоли приобрѣлъ себѣ блестящую всемірную извѣстность и пользовался расположеніемъ Наполеона. Паоли желалъ, чтобы явился на помощь Корсикѣ въ ея бѣдствіяхъ человѣкъ, подобный Самперіо, этому великому національному герою. И вотъ, желаніе Паоли исполнилось, когда Корсика произвела на свѣтъ воителя, несравненно болѣе великаго, чѣмъ Самперіо. Мы имѣемъ въ виду Наполеона.

Онъ былъ вторымъ сыномъ въ семьѣ Буонапарте, которая была очень велика и имѣла весьма скудныя средства. Отецъ его, Карль, былъ дворяниномъ и занималъ въ своей странѣ довольно высокое мѣсто, будучи

личнымъ секретаремъ Паоли, но, не смотря на это, онъ бодро выносилъ лишения, которыя налагались на него бѣдностью; ему пришлось заложить свои довольно большія помѣстья для покрытія долговъ, которые постоянно были у него въ изобиліи, да кромѣ того онъ получилъ репутацію кутилы и карьериста; но несмотря на это, онъ былъ очень добръ, любилъ свою семью и старался дать образованіе своимъ сыновьямъ. Ужасная болѣзнь рано унесла его въ могилу, онъ умеръ 38-ми лѣтъ отъ рака въ желудкѣ. Жена его, крестьянка, Летиція, наоборотъ, дожила до глубокой старости, сохранивъ до самой смерти всѣ свои способности, а также крѣпость тѣла и души. Она обладала замѣчательной красотой; нѣкоторые даже называли ее святой Анной Рафаэля. Пятнадцатилѣтней дѣвушкой она вышла замужъ за Карла. У нея было много фаворитовъ, изъ которыхъ наибольшимъ расположеніемъ пользовался графъ Марбѣфъ. Она много заботилась о своей семьѣ и ради дѣтей, которыхъ у нея было въ живыхъ восемь изъ тринадцати, она переносила все, терпѣла всевозможныя лишения и послѣ смерти мужа сумѣла прожить на скудную пенсію. Старшаго сына звали Жозефомъ, вторымъ былъ Наполеонъ, а затѣмъ идутъ Люсьенъ, Люи, Жеромъ, Элиза, Полина и Каролина. Всѣ дѣти очень любили свою мать, почитали ее и всегда обращались къ ней за совѣтами.

Домашнее образованіе Наполеона, по его собственнымъ словамъ, было весьма жалкимъ. Первые начатки знаній были сообщены ему его двоюроднымъ дѣдомъ, состоятельнымъ каноникомъ, который ознакомилъ Наполеона со Священной исторіей и катехизисомъ, а грамотѣ выучилъ его одиннадцатилѣтній мальчикъ Фэшъ, приходившійся Наполеону дядюшкой. Потомъ Наполеонъ учился въ какой-то частной школѣ и, между прочимъ, часто посѣщалъ монастырь и іезуитскую школу, гдѣ впервые познакомился съ ариметикой и очень ею увлекся. Послѣ долгихъ занятій, онъ ходилъ «странствовать по улицамъ, молчаливый, разсѣянный, со спустившимися чулками; сверхъ того, онъ любилъ барабанъ и свою деревянную саблю: бѣлую булку, которую давали ему на завтракъ, онъ мѣнялъ на солдатскій хлѣбъ» (Трачевскій). Товарищей своихъ за насмѣшки онъ жестоко каралъ, пуская въ ходъ не только палки, но и осколки кирпичей, а также и все, что попадалось ему въ это время подъ руку. Имя его товарищи всячески искажали, называли его «paille-aupez», что значитъ: «солома въ носу». Отецъ Наполеона, желая дать болѣе обширное образованіе своимъ сыновьямъ, выхлопоталъ черезъ графа Марбѣфа право отдать Жозефа и Наполеона въ королевскую военную школу въ Бриеннѣ, который лежитъ въ 150-ти верстахъ къ востоку отъ Парижа. Если въ прежнее время корсиканская молодежь довершала свое образованіе въ Италіи, то теперь послѣ присоединенія Корсики къ Франціи, естественно было отправлять ее сюда. Желаніе отца было исполнено: Наполеонъ былъ принятъ въ училище, тогда какъ Жозефъ предпочелъ духовное званіе. Такимъ образомъ, благодаря стараніямъ отца, Наполеону удалось войти въ составъ воспитанниковъ—пансіонеровъ Бриеннскаго училища. Училище это походило скорѣе на обыкновенную іезуитскую коллегію, чѣмъ на «военное» училище, такъ

какъ главными руководителями и преподавателями мальчиковъ были монахи миноритскаго ордена, а все вообще имѣло аристократическій и щегольской характеръ. Словомъ, на первомъ мѣстѣ стоялъ внѣшній лоскъ; франтовство было въ большой модѣ, а наука, наоборотъ, отодвигалась на задній планъ. Чему же, спрашивается, обучали здѣсь молодежь? Ихъ обучали здѣсь танцамъ, фехтованію, рисованію пейзажей, даже музыкѣ, но все это какъ разъ было не по вкусу Наполеона, на котораго смотрѣли здѣсь, какъ на какого-то «дикаго звѣрька». Какъ новичекъ, да еще безъ «карманныхъ денегъ» и хорошихъ манеръ, онъ; съ перваго же раза вызвалъ нерасположеніе товарищей, которые всячески надъ нимъ издѣвались, дразнили его, насмѣхались надъ его худощавой фигурой, надъ его смуглымъ оливковымъ лицомъ и вообще надъ всею его наружностью и надъ всѣми его дѣйствіями. Желая задѣть его за живое, они подшучивали по поводу покоренія Корсики французами, но Наполеонъ хладнокровно отвѣчалъ имъ: «надѣюсь, что мнѣ когда-нибудь удастся вернуть Корсику свободу». Вотъ, изъ этихъ словъ Наполеона мы уже можемъ видѣть, какъ близко къ сердцу онъ принималъ все, что касалось его родины, а въ особенности мысль о свободѣ. И дѣйствительно, тяжело было Наполеону смириться съ тѣмъ обстоятельствомъ, что французы отняли у Корсики свободу. Впослѣдствіи Наполеонъ неоднократно бесѣдовалъ съ Пабли на эту тему, особенно заслуживаютъ вниманія его слѣдующія слова: «я родился въ то время, какъ моя страна была при смерти. Тридцать тысячъ французовъ, извергнутыхъ на наши берега, потопляли въ волнахъ крови престоль свободы! Таково было страшное зрѣлище, представившееся младенческимъ моимъ взорамъ. Вокругъ моей колыбели раздавались крики умирающихъ, стоны и жалобы обиженныхъ, лились слезы отчаянія». Въ этихъ краткихъ словахъ Наполеона чувствуется вся его привязанность къ своей родинѣ, которой онъ никогда не переставалъ служить и всегда интересовался всѣми дѣлами Корсики до увлеченія, зорко слѣдя за ходомъ событій на этомъ островѣ, а неоднократно случаи самовольной отлучки съ мѣста службы на родину, какъ это мы увидимъ ниже, еще больше подтверждаютъ намъ его ревностное служеніе на пользу родины. Упомянутый нами корсиканскій герой Пабли находился въ большой дружбѣ съ Наполеономъ. Въ свою очередь Наполеонъ любилъ и уважалъ этого «глубокомысленнаго философа, мудраго законодателя, искуснаго дипломата, блестящаго полководца»,—какъ его характеризуетъ Трачевскій. Не смотря на всѣ эти качества, Пабли приходилось терпѣть много неприятностей,—все это ясно понималъ Наполеонъ и потому-то онъ болѣе кого-либо другого сожалѣлъ изгнанію Пабли изъ Корсики. Но вернемся къ разсказу. Итакъ, товарищи-подростки не давали ему покоя, но Наполеонъ всегда имѣлъ, что отвѣтить. Въ другой разъ онъ осыпалъ проклятіями портретъ извѣстнаго намъ Шуазеля; портретъ этотъ висѣлъ въ залѣ Бриеннскаго училища. Но не всегда проходили даромъ насмѣшки надъ этимъ, по виду молчаливымъ, юношей; въ случаѣ обиды, онъ бросался на товарищей съ кулаками, не справляясь объ ихъ числѣ. И они стали бояться его, говоря, что «опасно

затрогивать его». Защитник Наполеона, граф Марбёфъ, нѣсколько вывелъ его изъ этого подчасъ труднаго положенія, снабдивъ его карманными деньгами, а также познакомивъ его съ госпожей де-Бриеннъ, которая сдѣлалась какъ-бы второю матерью одинокому корсиканскому мальчику, заботясь о немъ и давая ему возможность проводить у себя праздники и вакаціи. Ея нѣжное участіе нѣсколько смягчило суровый характеръ Наполеона. Мрачная картина первыхъ временъ училищной жизни Наполеона стала нѣсколько проясняться, когда товарищи замѣтили его превосходство въ школьныхъ «военныхъ» играхъ, избравъ его командиромъ при штурмѣ и оборонѣ нѣжной крѣпости,—это значительно улучшило его положеніе въ товарищескомъ кружкѣ. Кромѣ того, онъ сталъ интересоваться литературою, особенно увлекаясь «жизнеописаніями» Плу-тарха, а также обнаружилъ особенныя способности къ исторіи и математикѣ; онъ опередилъ всѣхъ своихъ товарищей: получилъ первую награду по математикѣ и, вообще, отличался черезчуръ раннею зрѣлостью. «Всѣмъ и каждому вѣдомо,—говоритъ историкъ Слоонъ, что алмазы можно шлифовать единственно только алмазною же пылью: не смотря на чрезвычайную грубость процессовъ, которымъ подвергалась адамантовая натура юнаго корсиканца, получились въ концѣ концовъ замѣчательные результаты».

Окончивъ курсъ Бриеннскаго училища и выдержавъ выпускные экзамены, Наполеонъ объявилъ о своемъ желаніи служить во флотѣ, послѣ чего былъ отправленъ въ Парижъ въ морское училище со слѣдующей аттестаціей, написанной инспекторомъ Бриеннскаго училища Кераліо:

«Господинъ де-Бонапартъ (Наполеонъ) родился 15 августа 1769 года, ростомъ 4 фута 10 дюймовъ 10 линій (что составляетъ 1 метръ 59 сантиметровъ 73 миллиметра), отличается хорошимъ сложеніемъ, превосходнымъ здоровьемъ и кроткимъ характеромъ; натура честная и благородная. Поведеніе его было все время въ высшей степени удовлетворительнымъ. Особенно отличается онъ прилежаніемъ и успѣхами въ математикѣ, обладаетъ отличными свѣдѣніями изъ исторіи и географіи, но слабъ въ рисованіи, танцахъ, музыкѣ и другихъ предметахъ изящнаго образованія. Изъ мальчика этого выйдетъ превосходный морякъ, а потому онъ вполне заслуживаетъ перевода въ парижское морское училище».

Но смерть покровителя Наполеона помѣшала ему поступить на морскую службу, да къ тому же онъ самъ объявилъ, что иамѣренъ служить въ артиллеріи. Черезъ мѣсяцъ его отправили въ Парижскую военную академію съ кондуитнымъ спискомъ, въ которомъ, между прочимъ, значилось, что у Наполеона: «характеръ властолюбивый, требовательный и упрямый».

Дѣлая обзоръ свѣдѣній, вынесенныхъ Наполеономъ изъ Бриеннскаго училища, мы видимъ, что онъ отличается чисто практическимъ характеромъ: онъ былъ знакомъ съ историческими фактами обстоятельнаго чѣмъ съ философіей исторіи, и эта черта, надо замѣтить, осталась въ

его характеръ на всю его жизнь: этимъ то, по всей вѣроятности, и объясняется его вражда ко всякимъ теоретическимъ построениямъ, ко всякой «идеологii». Во время пребывания Наполеона въ Парижской военной академіи, умеръ его отецъ (въ 1785 году), когда онъ былъ еще шестнадцатилѣтнимъ юношей и на немъ теперь сосредоточились все надежды семьи. Молодая вдова осталась съ четырьмя малолѣтними дѣтьми безъ средствъ къ существованію и только двоюродный ихъ дѣдъ, архидіаконъ Любенъ, оказывалъ ей кое-какую помощь, да сынъ, Жозефъ, вернувшись на родину, сталъ службой добывать матеріальныя средства и тѣмъ поддерживать семью. Начальство Парижской военной школы не могло не понимать несчастнаго положенія Наполеона, а потому, желая облегчить его тяжелое матеріальное положеніе и его семьи, а можетъ, и торопясь какъ можно скорѣе избавиться отъ строптиваго воспитанника, постоянно ссорившагося со своими товарищами, разрѣшило ему держать выпускной экзаменъ ранѣе обычнаго срока, т. е. еще до годовщины его пребывания въ академіи, но Наполеонъ выдержалъ его не блестяще, а именно сорокъ вторымъ изъ 58-ми. Тѣмъ не менѣе послѣ экзамена 16-тилѣтняго юношу назначили въ IV артиллерійскій полкъ, который стоялъ въ Валансѣ, въ Дофинѣ. Онъ выѣхалъ туда въ октябрѣ 1785 года, имѣя чинъ поручика или «второго лейтенанта». Еще въ Парижскомъ военномъ училищѣ Наполеонъ имѣлъ друга сверстника въ лицѣ де-Мази. То обстоятельство, что комната ихъ находилась рядомъ и что де-Мази былъ благороднымъ юношей и по происхожденію и по характеру, и дало возможность Наполеону сблизиться съ нимъ. Они вмѣстѣ отправились въ Валансѣ, дѣля пополамъ все трудности пути. Тотъ небольшой запасъ денегъ, который они захватили съ собой на дорогу, оказался недостаточнымъ и истощился по прибытіи въ Лионъ, такъ что продолжать путь молодые поручики должны были пѣшкомъ.

Валансѣ произвелъ на Наполеона вначалѣ довольно пріятное впечатлѣніе. Это былъ чудный городокъ, лежащій въ здоровой, пріятной мѣстности, изобилующей лугами, овощами и плодами. Полкъ былъ довольно благоустроенъ, казармы и лагеря были просторныя; солдаты были достаточно дисциплинированы и обучены, а также жили въ добромъ товариществѣ. Впослѣдствіи Наполеонъ самъ о немъ такъ отзывался: «то было лучшее въ Европѣ войско; все было по семейному. Начальники были поистинѣ отцы, и все народъ самый храбрый, достойный, чистый. Они были только слишкомъ пожилые. Молодые офицеры подсмѣивались надъ ними: сарказмъ и иронія были тогда въ модѣ. Но они обожали ихъ и отдавали имъ полную почитательность».

Здѣсь Наполеонъ на нѣкоторое время совершенно преобразился. Вмѣсто скучнаго, молчаливаго и постоянно находившагося подъ обидами и оскорбленіями юноши, мы встрѣчаемъ веселаго, разговорчиваго и стремящагося насладиться жизнью молодого человѣка, котораго теперь никто не осмѣлился бы оскорбить или какъ-либо обидѣть. Онъ даже влюбился здѣсь въ дѣвицу Коломбье, но счастье скоро разстроилось. Черезъ полгода періодъ наслажденія жизнью повернулъ въ обратную сторону. По-

смотримъ, въ чемъ же заключалась та разница и перемена въ жизни Наполеона, когда онъ сдѣлался французскимъ офицеромъ? Итакъ, во-первыхъ, исчезла его нелюдимость, которой онъ отличался въ отрочествѣ, онъ превратился теперь въ хорошаго товарища, но дружилъ на самомъ дѣлѣ только съ лицами низшими по общественному положенію, а равныхъ себѣ онъ презиралъ. Затѣмъ, бросается въ глаза его необыкновенная хвастливость, правда, только въ семейномъ кругу, а въ присутствіи постороннихъ, чрезвычайная осторожность и сдержанность. Теперь выплыли наружу такія драгоцѣнныя качества Наполеона, какъ, на примѣръ, про- ницательность, ловкость, стойкость, умѣніе приспособляться къ условіямъ обстановки и т. п. Но, съ другой стороны, и по части безцеремонности онъ не уступалъ большинству своихъ современниковъ. Военная служба мало его интересовала, онъ ея пренебрегалъ. Самъ Францію онъ ненавидѣлъ, такъ какъ она никогда его вполне не усыновила, а сдѣлала изъ него космополита, т. е. чело-вѣка безъ родины, и Корсика, какъ мы знаемъ, оттолкнула его отъ себя.

Гарнизонная жизнь помѣшала Наполеону работать надъ самообразова-ніемъ, къ тому же его мучило тяжелое положеніе его семьи, которой онъ ни чѣмъ не могъ помочь, а самъ онъ схватилъ перемежающуюся лихорадку, мученія отъ которой онъ чувствовалъ втеченіе семи лѣтъ. «У меня одно только средство — работать, — писалъ онъ въ іюнѣ 1789 года. — Я одѣваюсь лишь разъ въ восемь дней и совсѣмъ мало сплю со времени моей болѣзни. Повѣрите-ли, я ложусь въ 10 часовъ, а встаю въ 4! Тѣмъ только разъ въ день».

Наполеонъ сталъ заботиться теперь о пополненіи своихъ знаній въ области литературы: онъ сталъ читать; читалъ много, обстоятельно и толково, дѣлая различныя выписки въ свою записную книжку. Особенно зачитывался онъ Плутархомъ, Геродотомъ и другими писателями. Молодой офицеръ до того увлекся литературными произведеніями, что по-ложительно не замѣчалъ, какъ протекало время и при первой возможности удалялся въ «свою любимую комнатку, въ одно окно, съ хромой мебелью». Эта комната связана съ тяжкими воспоминаніями, здѣсь Наполеонъ писалъ свой знаменитый дневникъ, гдѣ, между прочимъ, встрѣчаются слѣдующія его слова: «Вѣчно одинокій среди людей, возвра-щаюсь я домой мечтать съ самимъ собой, отдаваться всей силѣ моей тоски. Куда уношусь я сегодня? Къ смерти? А я — на зарѣ моихъ дней и могу надѣяться еще долго прожить! Уже 6—7 лѣтъ не былъ я на родинѣ. Что за радость вновь увидѣть моихъ знакомыхъ и родныхъ! Не предвѣщаетъ ли мнѣ полного счастья то сладкое чувство, которое пробуждается во мнѣ при воспоминаніи о радостяхъ моего дѣтства? Какая же нелегкая заставляетъ меня желать собственной гибели? А, впрочемъ, и правда: что я такое въ мірѣ? Долженъ же я умереть: такъ отчего же не убить себя сейчасъ? Будь мнѣ шестьдесятъ, я прекло-нился бы передъ предрасудками современниковъ и терпѣливо ждалъ бы, пока природа совершитъ свой путь. Но моя жизнь начинается несчастьемъ, ничто не готовитъ мнѣ радости: такъ къ чему же переносить такую

жизнь? Какъ же далеки люди отъ природы! Какъ они трусливы, низки, войнолюбивы! Жизнь мнѣ въ тягость; радости бѣгутъ отъ меня: все для меня—мученіе. Люди, съ которыми я живу и, вѣроятно, буду всегда жить, такъ же далеки отъ меня по природѣ, какъ блескъ луны отъ свѣта солнца! Стало быть, я не могу вести ту жизнь, которая одна только могла-бы сдѣлать мое существованіе сноснымъ: отсюда — безконечное отвращеніе ко всему...»

Все это, имъ самимъ сказанное, свидѣтельствуетъ намъ, до какой степени упалъ духомъ Наполеонъ, какъ вліяла на него жизнь, полная лишеній и неудачъ—ужъ онъ подумывалъ о самоубійствѣ. Вѣсть изъ дома о бѣдственномъ положеніи семьи еще болѣе его опечалила: онъ просилъ увольненія въ отпускъ,—ему отказали до января. Длинны, томительны казались дни ожиданія отпуска. Наконецъ, онъ былъ отпущенъ и ему удалось вернуться къ себѣ на родину. На родинѣ онъ пробылъ, однако, не долго; тревожныя извѣстія о передвиженіяхъ его полка заставили прежде времени покинуть Корсику. Онъ прибылъ въ Сент-Дени, гдѣ остановился его полкъ; онъ сталъ просить матеріальной помощи для семьи, дѣла которой пришли въ самое отчаянное положеніе, которое могло еще болѣе ухудшиться, если бы не было откуда-нибудь улучшенія; жалованіе же Наполеона было недостаточнымъ для удовлетворенія даже его собственныхъ самыхъ скромныхъ потребностей. Онъ вторично взялъ отпускъ, опять пріѣхалъ къ себѣ на родину и теперь рискнулъ посвятить себя литературной дѣятельности, но первыя его попытки не увѣнчались успѣхомъ, и «все это было бумагомараніе, замѣчаетъ историкъ Трачевскій, пропитанное пылкимъ революціоннымъ духомъ, которое онъ тщательно истреблялъ потомъ; Бонапартъ внезапно явился то въ Парижѣ, то въ Корсикѣ,—но всюду неудачи. И честолюбецъ готовъ былъ выдвинуться хоть на русской службѣ, въ битвахъ съ турками, но Екатерина II-ая отвергла его предложеніе. Положеніе было невыносимо и непоправимо. Его могла измѣнить только міровая буря, которая перевернула бы вверхъ дномъ весь бытъ Европы. И она уже подходила...»

Франція въ это время переживала очень бурное время. Извѣстное намъ событіе: 5-го мая, когда послѣ стасемидесятипятилѣтняго перерыва собрались генеральныя штаты, которыхъ требовало общественное мнѣніе, 17-го июня, когда третье сословіе объявило себя національнымъ собраніемъ, 23-го июня, когда оно, при взрывѣ энтузіазма, поклялось не расходиться и впредь собираться, гдѣ явится хотя-бы малѣйшая возможность,—затѣмъ 14-го іюля, когда была взята Бастилія и, наконецъ, 4-го августа, когда рухнулъ во Франціи старый порядокъ и замѣнился безусловнымъ гражданствомъ,—вотъ каковы были событія, разыгравшіяся на всемірно-исторической сценѣ, когда Наполеонъ находился въ Озоннѣ въ своемъ полку. Повсюду старательно проповѣдывалась извѣстная формула—«свобода, равенство, братство». «Эта упрощенная формула,—говоритъ Трачевскій, быстро проникла всюду. Она вызвала восторги интеллигенціи, благодаря остроумнымъ книжкамъ и сценическимъ представленіямъ. Она раздавалась даже въ чертогахъ жантильомовъ и у подножія версальскаго

престола, хотя-бы какъ обязательная красивая мода, какъ забавное литературное явленіе»...

Какъ я уже сказалъ выше, во время волненій и безпорядковъ нашъ молодой артиллерійскій поручикъ находился въ квартирѣ своего полка въ Озоннѣ. Здѣсь онъ проводилъ скучную и однообразную жизнь, занимаясь только наукой, и лишь одна крупная вспышка 19-го іюля 1789 года заставила полкъ принять рядъ военныхъ мѣръ. Но вдругъ опять пришли тревожныя извѣстія о смутахъ и волненіяхъ изъ Корсики, и Наполеонъ вновь сталъ хлопотать объ отпускѣ, такъ какъ ко всему этому прибавилось безпокойство за судьбу семьи. По прибытіи на родину въ жизни Наполеона началась новая эпоха, ибо положеніе дѣлъ было таково, что нельзя было медлить; мысль объ освобожденіи Корсики не давала Наполеону покоя: планъ былъ готовъ и, надо думать, онъ то и заставилъ его выступить на политическое поприще. «Нашъ юный поручикъ, замѣчаетъ Трачевскій, оказался искуснымъ кормчимъ, который блистательно провелъ свой утлый членъ между Сциллою и Харибдой; тутъ то онъ обнаружилъ и дерзкую самоувѣренность, и безшабашную отвагу, и неразборчивость въ средствахъ, и макиавеллистическое лукавство».

Но кончался срокъ отпуска—опять надо было вернуться въ Парижъ, иначе было-бы потеряно мѣсто. Не успѣлъ Наполеонъ пріѣхать во Францію, какъ на Корсикѣ опять возобновились интриги, волненія—пуще прежняго и опять Наполеонъ, взявши отпускъ, помчался на родину. Здѣсь исполнилось его желаніе, когда его назначили полковникомъ національной гвардіи и, такимъ образомъ, въ немъ соединились двѣ должности: французскаго лейтенанта и корсиканскаго полковника. Впервые Наполеонъ сталъ командовать войсками да еще среди междоусобій. Но, ничего не сдѣлавъ, онъ снова покинулъ Корсику, опять вернулся въ Парижъ въ маѣ 1792 года, гдѣ ему пришлось перенести бѣдственную пору; дѣло дошло до того, что онъ былъ вынужденъ заложить свои часы. И опять пришли неутѣшительныя вѣсти изъ Корсики, а потому Наполеонъ въ четвертый разъ отправился на этотъ островъ, но, послѣ безуспѣшныхъ попытокъ овладѣть цитаделью города Аяччіо и цѣлаго ряда другихъ неудачъ, онъ пришелъ къ заключенію, что единственнымъ спасеніемъ для него и для его семьи будетъ поспѣшное бѣгство обратно во Францію. Поэтому онъ, вмѣстѣ съ матерью своей Летиціей и братьями, сѣлъ на корабль, чтобы отправиться въ Тулонъ.

Такимъ образомъ, пришелъ конецъ корсиканству. Бѣгство Наполеона изъ Корсики во Францію имѣло такое же міровое значеніе, какъ и бѣгство Магомета изъ Мекки въ Медину; кончилась теперь безызвѣстность корсиканца Набуліоне Буонапарте, началось время препрославленнаго француза Наполеона Бонапарта. И вотъ, въ это-то время и произошелъ весьма важный въ жизни Наполеона фактъ, а именно фактъ превращенія его изъ корсиканскаго партіота во французскаго. Это случилось въ то время, когда онъ, безъ мѣста, лишившись окончательно всякаго вліянія, оказался въ положеніи человѣка, вышвырнутаго за бортъ. Не надѣясь уже ни на какія поддержки со стороны близкихъ ему лицъ,

а также предчувствуя всю важность будущей своей дѣятельности, Наполеонъ постепенно принималъ на себя роль французскаго патриота, совсѣмъ посвятивъ себя во французскія дѣла, тѣмъ болѣе, что его честолюбію открылись настолько широкіе горизонты, что онъ уже не могъ удовлетвориться тѣсными рамками родного своего острова. Да и, съ другой стороны, Наполеонъ съ трудомъ переносилъ двойственность своего положенія, а именно, быть въ одно и то же время корсиканскимъ патриотомъ, взявши за образецъ великаго Паоли и служить въ арміи притѣснительной родины въ силу сложившихся обязательствъ. Вначалѣ онъ негодовалъ на французовъ, говоря: «французы! вамъ мало было отнять у насъ все, что намъ было особенно дорого, вы вдобавокъ развратили наши нравы!.. Когда отечество болѣе не существуетъ, хорошии гражданинъ долженъ умереть».

Но, не смотря на то, что Наполеонъ впоследствии безповоротно связалъ свою судьбу съ судьбою Франціи, тѣмъ не менѣе въ немъ все-таки всегда жилъ корсиканскій духъ. Страстью этого молодого человека сдѣлалось теперь желаніе чѣмъ-нибудь выдвинуться, какъ нибудь прославиться, чѣмъ-нибудь обратить на себя вниманіе въ такое время, когда во Франціи ожидалась революціонная война, когда она обратилась въ сплошную военную мастерскую, когда яacobинскіе клубы дѣлали все большіе и большіе успѣхи и было не далеко до столкновенія. Наполеонъ нѣсколько успокоился, когда его мать получила пособіе, а братья устроились, кто на военной, кто на гражданской службахъ. Самъ онъ вернулся въ свой IV-ый полкъ, находившійся въ то время въ Ниццѣ.

«Воспоминанія тяжелой юности и литературныхъ мечтаній въ послѣдній разъ пронесли въ воображеніи Наполеона. Онъ вдумывался въ событія въ тиши безшумной работы въ средневѣковомъ папскомъ городкѣ Авиньонѣ. Корсика уже исчезла въ морскомъ мареѣ, а тамъ на материкѣ, сверкали боевыя молніи, которыя озаряли славою какого нибудь Пишегрю, презрѣннаго учителя Бриеннской школы» (Трачевскій). Какъ разъ къ этому времени относится выходъ въ свѣтъ сочиненія Наполеона, подъ заглавіемъ «Бокерскій ужинъ», доставившее громкую извѣстность автору, какъ въ высшей степени удачное произведеніе, соответствовавшее тогдашнему положенію дѣлъ. По распоряженію Конвента, брошюра эта была напечатана на казенный счетъ. Этимъ сочиненіемъ закончилась литературная дѣятельность Наполеона, которая привлекала его раньше не только заработками, но и славою, о которой онъ сильно мечталъ, но политическія событія скоро опредѣлили его настоящее призваніе.

Первымъ подвигомъ Наполеона была его дѣятельность при осадѣ Тулона. Тулонъ возсталъ противъ Конвента и отдался подъ защиту войска коалиціи, состоявшаго преимущественно изъ англичанъ. Наполеонъ выбралъ удобный пунктъ, съ котораго можно было обстрѣливать англійскій флотъ, не нанося вреда самому городу: онъ добылъ пушки и людей. Примѣръ отваги Наполеона настолько сильно подѣйствовалъ на подчиненныхъ, что всѣ отъ солдатъ до офицеровъ включительно проявили при осадѣ Тулона необычайное усердіе. Его планъ наступленія былъ

принять на совѣтъ, обсуждавшемъ положеніе дѣлъ, и здѣсь-то Наполеонъ показалъ себя, такъ что всѣ восхищались его храбростью. Подъ нимъ падали кони, но онъ мужественно продолжалъ свое дѣло. Во время осады Наполеонъ получилъ рану въ ногу, но не смотря на это, послѣ перевязки, совершенной военнымъ врачомъ, онъ опять вскочилъ на коня и пустился въ бой. Впослѣдствіи онъ, вспоминая Тулонъ, такъ говорилъ: «меня считали неуязвимымъ, я поддерживалъ это мнѣніе, скрывая легкія раны». Конвентъ ежедневно получалъ извѣстія о ходѣ событій подъ Тулономъ и зналъ о подвигахъ Наполеона, о которомъ начальство такъ писало:

«Большія научныя свѣдѣнія, такой же умъ, а храбрость даже чрезмѣрная,—вотъ слабый очеркъ достоинствъ этого рѣдкостнаго офицера... Повысьте его, не то онъ самъ возвысится».

Наконецъ, англичане были прогнаны; Тулонъ былъ взятъ, и вся Франція была освобождена отъ непріятелей. За это дѣло Наполеона произвели въ бригадные генералы итальянской арміи, несмотря даже на то, что онъ прослужилъ всего 8 лѣтъ и 3 мѣсяца, изъ которыхъ 4 года и 10 мѣсяцевъ находился въ отпуску, а то и въ самовольной отлучкѣ.

Но столь великіе успѣхи не опьяняли молодого генерала, а, напротивъ, дѣлали его еще трезвѣе, сдержаннѣе и осторожнѣе, тогда какъ братья его доходили до безумія; цѣлью ихъ было какъ можно больше получить «при дѣлежѣ общественнаго пирога».

Много трудовъ стоило Наполеону разобраться въ политическихъ вопросахъ; власть якобинцевъ во Франціи уже сводилась къ нулю и, такъ какъ все счастье зависѣло отъ Конвента, то Наполеону пришлось выказать республиканскій духъ, для чего онъ счелъ необходимымъ отречься отъ своего дворянскаго происхожденія, противъ котораго была направлена великая Французская революція. Вначалѣ, т. е. когда въ Наполеонѣ еще сильно чувствовался корсиканскій духъ, онъ относился болѣе или менѣе равнодушно къ французскимъ революціоннымъ дѣламъ, и интересъ его въ этомъ отношеніи, по выраженію Слоона, былъ не особенно пламеннымъ и сердечнымъ. Но затѣмъ, когда политическія событія возвысили его и, въ особенности, когда для него Франція уже стала «patrie», а Корсика—только «département», отношенія его къ революціи сдѣлались болѣе теплыми, что ясно видно изъ его писемъ, которыя я приведу нѣсколько ниже, а пока лишь замѣчу, что революція для Наполеона была пріятной птицей.

Что касается отношенія Наполеона къ вождямъ французской революціи, то со многими изъ нихъ, а въ особенности съ Робеспьеромъ, онъ стоялъ въ близкихъ отношеніяхъ, хотя во время критическаго положенія онъ старался отречься отъ подобныхъ союзовъ. Въ общемъ вся революція казалась ему произведенною тщеславіемъ, и на всѣ ея событія, насколько онъ касался его, онъ смотрѣлъ съ точки зрѣнія своей личной выгоды, искусно лавируя между партіями. Воспользуемся словами Слоона для того, чтобы выяснитъ значеніе всей революціонной эпохи въ жизни Наполеона, эпохи, которая заслуживаетъ особеннаго вниманія.

такъ какъ тогда многія изъ характерныхъ свойствъ и качествъ будущаго императора приобрѣли закалку и выправку, которую сохранили потомъ на всю жизнь. Слоонъ такъ говоритъ: «Утлая ладья Наполеона, увлеченная въ бурный океанъ политическаго хаоса, плавала тамъ, казалось, безъ руля и безъ вѣтриль, тогда какъ на самомъ дѣлѣ ею управлялъ замѣчательно ловкій кормчіи, какъ нельзя лучше знавшій, куда именно надлежитъ держать путь».

Къ этому времени относятся пребыванія Наполеона въ Ниццѣ и Генуѣ. Что касается Ниццы, то тамъ генераль-якобинецъ образовалъ нѣчто вродѣ малевкаго двора, состоявшаго изъ веселаго общества.

Здѣсь былъ законченъ проектъ береговой обороны. Въ этомъ городѣ Наполеона относили къ партіи «горцевъ» или крайнихъ якобинцевъ, какъ союзника Робеспьера. Благодаря этому союзу, Наполеону удалось выхлопотать множество политическихъ и военныхъ предпріятій, планы для которыхъ имъ были тщательно составлены. Однимъ изъ такихъ предпріятій было знаменитое посольство въ республику Геную, отъ которой зависѣлъ успѣхъ французовъ, такъ какъ положеніе дѣлъ въ этой республикѣ были таково, что французскимъ властямъ пришлось сосредоточить на ней все свое вниманіе. Во главѣ посольства былъ поставленъ Наполеонъ. Во время военныхъ распоряженій въ Генуѣ, Наполеономъ была сказана фраза, которая содержала въ себѣ всю сущность его военной системы, а именно, онъ сказалъ: «На войнѣ, какъ и при осадѣ крѣпости, надо направить всѣ свои силы на одинъ пунктъ. Разъ пробита будетъ брешь, равновѣсіе у непріятеля нарушено, всѣ оборонительныя его приготовленія въ другихъ пунктахъ оказываются бесполезными, и крѣпость взята. Не разбрасывайте силъ съ намѣреніемъ скрыть пунктъ атаки, а всячески старайтесь обезпечить себѣ на немъ численное превосходство».

Осмотрѣвъ всѣ укрѣпленія Генуи и приказавъ генуезцамъ не пропускать черезъ свои владѣнія иностранныя войска, Наполеонъ вернулся въ Ниццу. Въ то время, какъ въ Ниццѣ всѣ радовались возвращенію Наполеона, въ Парижѣ произошла кровавая расправа съ Робеспьеромъ, голова котораго пала на гильотинѣ. Дѣло было 9 го термидора по республиканскому календарю или—27-го іюля 1794 года.

Трудно описать, что дѣлалось въ это время во Франціи; волненія принимали огромные размѣры; въ Конвентѣ разыгрывались страшныя сцены. Самому Наполеону угрожала непріятность, какъ находившемуся въ близкихъ сношеніяхъ съ Робеспьеромъ; посольство въ Геную также казалось подозрительнымъ. Предчувствуя опасность для своей жизни, Наполеонъ носившій отречься отъ якобинства и послалъ на имя Саличетти, своего пріятели, имѣвшаго большую силу во Франціи, письмо, слѣдующаго содержанія: «Катастрофа съ Робеспьеромъ отчасти меня потрясла, такъ какъ я его любилъ и считалъ непорочнымъ. Если бы, однако, онъ былъ мнѣ даже роднымъ отцемъ и началъ стремиться къ тираніи, я не задумался бы вонзить ему въ сердце кинжалъ».

Но, очевидно, было уже поздно, а потому это отречение не помогло Наполеону и его сначала отрѣшили отъ командованія артиллеріей итальянской армии, а потомъ, послѣ долгихъ допросовъ, 10-го августа арестовали. Его заключили въ крѣпость въ фортѣ Карре—это только и спасло ему жизнь. А если-бы Наполеона отправили въ Парижъ, то и онъ бы подвергся участи Робеспьера.

Но арестъ былъ непродолжителенъ; черезъ двѣ недѣли его освободили, убѣдившись, что «арестантъ можетъ быть полезенъ республикѣ своими военными и мѣстными познаніями». Большое дѣйствіе произвели также письма Наполеона. Одно изъ нихъ было слѣдующаго содержанія,—онъ писалъ:

«Развѣ я съ начала революціи не держался вашихъ убѣжденій? Развѣ меня не видѣли въ борьбѣ съ внутренимъ врагомъ? Развѣ я не былъ солдатомъ, дерущимся съ чужеземцами? Я пожертвовалъ пребываніемъ въ моемъ департаментѣ, покинулъ свое дѣло и владѣнія, все потерялъ ради республики. И меня вышвырнуть вмѣстѣ съ врагами отечества? Патріоты безразсудно лишатся генерала, который былъ не бесполезенъ республикѣ?.. Послушайте, снимите угнетающее меня бремя, возвратите мнѣ уваженіе патріотовъ; и тогда я готовъ черезъ часъ охотно отдать мою жизнь, если ее потребуютъ злые люди. Я такъ мало цѣню ее и довольно часто пренебрегалъ ею. Только мысль, что я могу еще разъ быть полезнымъ отечеству, внушаетъ мнѣ мужество нести ея бремя».

И черезъ два дня имъ было послано второе письмо, гдѣ онъ писалъ:

«Сознаніе совѣсти поддерживаетъ спокойствіе моей души, но чувства моего сердца возмущены. Я чувствую, что съ холодной головой, но съ горячимъ сердцемъ невозможно жить долго въ подозрѣніи».

Послѣ освобожденія отъ ареста Наполеону вернули его генеральскій чинъ, но отправили въ Ниццу для присканія какихъ-либо занятій. Черезъ нѣкоторое время ему пришлось участвовать въ двухъ большихъ экспедиціяхъ, цѣлью которыхъ было уменьшить владычество англичанъ, безнаказанно дѣйствовавшихъ въ Италіи, а также и на островѣ Корсикѣ. Но для этого требовался огромный и отличный флотъ, который былъ бы въ состояніи помѣриться силами съ английской эскадрой на Средиземномъ морѣ, а такой флотъ приходилось-бы создавать заново. Эти двѣ, стоившія Франціи нѣсколько милліоновъ франковъ, экспедиціи, а въ особенности корсиканская, окончились полною неудачею. Такой исходъ дѣла Наполеонъ, надо замѣтить, предчувствовалъ и раньше. Корсиканская экспедиція была вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣднимъ посѣщеніемъ Наполеона этого острова. По возвращеніи изъ этихъ экспедицій Наполеонъ былъ назначенъ въ пѣхоту, но это назначеніе до глубины души оскорбило самолюбиваго генерала, считавшаго себя, какъ героя Тулона, достойнымъ занимать болѣе высокую должность. Явившись въ Парижъ 28-го мая 1795 года, Наполеонъ и здѣсь сталъ, подъ предлогомъ болѣзни, хло-

потать объ отпускѣ, не желая уходить въ отставку и тѣмъ самымъ сложить съ себя эту должность, такъ какъ уже было достаточно ясно, партія термидорцевъ во Франціи была непрочной. И дѣйствительно, въ скоромъ времени обстоятельства повернулись въ благопріятную для Наполеона сторону: когда онъ вернулся изъ отпуска, уже приходили къ концу тѣ событія, которыя такъ сильно всколыхнули всю Францію, и на нѣкоторое время улеглись волненія. Я имѣю въ виду возвращеніе Наполеона въ Парижъ послѣ его пятимѣсячнаго тамъ отсутствія. Долго не забудеть Франція эти пять мѣсяцевъ. Такъ называемый «бѣлый терроръ» повлекъ за собою переполненіе Парижа нищими-пришельцами. Бунтъ вандемьера III года или 5-го октября 1795 года завершилъ волненія. Пріѣхавъ въ Парижъ, Наполеонъ такъ себя охарактеризовалъ:

«Я теперь—словно наканунѣ сраженія. Твердая увѣренность, что двумъ смертямъ не бывать, одной не миновать... Убѣжденъ, что безразсудно задумываться о будущемъ. Все складывается такъ, что я долженъ пренебрегать и своей судьбой, и смертью. Если такъ пойдетъ дальше, я, кажется, не стану даже сворачивать съ дороги передъ встрѣчнымъ экипажемъ. Я способенъ еще на минутное увлеченіе чувственностью, напоминая собою вспышки погасающей лампы. Мнѣ предстоитъ испытать послѣднюю «авантюру», приключеньице, повторить съ вами всю знакомую намъ гамму».

Пріѣхавъ въ Парижъ, Наполеонъ поселился въ дешевой, плохенькой квартирѣ, такъ какъ средства не позволяли ему жить шикарно. Но, довольствуясь малымъ, онъ вполне примирился со своимъ положеніемъ. Онъ сталъ замѣчать, что къ нему теперь совершенно иначе относятся. Повсюду предпочтенія, уваженія и привѣтствія,—чего давно не было. Военное министерство вполне благосклонно отнеслось къ поданной имъ просьбѣ о разрѣшеніи остаться въ Парижѣ. Когда комитетъ общественной безопасности 5-го августа вступилъ въ исполненіе своихъ обязанностей, то въ первомъ же засѣданіи рѣшалось дѣло Наполеона по поводу его просьбы вернуть его обратно въ артиллерию; его просьба была направлена на разсмотрѣніе военного департамента и черезъ двѣ недѣли Наполеону было объявлено немедленно отправиться въ западную армию къ мѣсту служенія. На слѣдующій день онъ написалъ брату своему Жозефу письмо, въ которомъ очень ярко обрисовался его настойчивый характеръ. Вотъ, что онъ писалъ:

«Я прикомандированъ теперь къ топографическому депо комитета общественной безопасности, чтобы выработать, взамѣнъ Карно, планы операцій для нашихъ армій. Если захочу, могу получить казенную командировку въ Турцію въ качествѣ артиллерійскаго генерала. Я буду пользоваться тамъ хорошимъ жалованьемъ и громкимъ титуломъ за хлопоты по реорганизации турецкой артиллеріи. Теперь все спокойно, но, кажется, готовится буря... Постановленіе Комитета Спасенія, съ благодарностью мнѣ за наказы для арміи и планы кампаніи, составлено въ такихъ лестныхъ выраженіяхъ, что, чего добраго, меня не иустятъ въ

Турцію. Ну, что-же, посмотримъ, что будетъ! Быть можетъ, мнѣ на дняхъ придется и здѣсь отломать кампанію». И черезъ двѣ недѣли вторично имъ было написано письмо слѣдующаго содержания:

«Мой наступательный планъ принятъ: скоро намъ придется переживать въ Ломбардіи важныя дѣла... Ничего не вижу въ будущемъ, кромѣ пріятнаго. А если и выйдетъ иначе, не будемъ беспокоиться, будемъ жить настоящимъ: мужественный человѣкъ пренебрегаетъ будущимъ»...

Не успѣли еще французы вздохнуть послѣ перечисленныхъ выше волнений, какъ вновь увеличилось число несчастныхъ дней для Франціи. Для укрощенія поднявшейся во Франціи бури, понадобились такіе молодцы, какимъ былъ Наполеонъ. Опять возобновился терроръ и въ то время, когда въ Конвентѣ рѣшительно одержала верхъ партія, враждебная террору, роялисты вообразили, что наступила пора, когда они могутъ добиться осуществленія своихъ стремленій. Соединившись съ горожанами Парижа, они подняли возмущеніе противъ Конвента. Возставше представляли грозную силу, такъ какъ ихъ было гораздо больше, чѣмъ войска у Конвента, да и войско это сильно нуждалось въ оружіи, а также въ боевыхъ и съѣстныхъ припасахъ. Командующимъ былъ назначенъ Баррасъ, а послѣдній поручилъ усмирить возстаніе Наполеону Бонапарту. Наполеонъ исполнилъ возложенную на него обязанность съ поразительнымъ хладнокровіемъ. Всѣхъ поражала испитая, вдохновенная фигура генерала, появлявшаяся на конѣ всюду, гдѣ кипѣлъ бой, словно духъ крови и смерти. «Наполеонъ проявилъ глубокое пониманіе дѣла и лихорадочное рвеніе, но соединенное съ математической точностью расчета. Онъ сразу пустилъ въ ходъ перекрестный огонь картечи, какъ бы давая міру первый урокъ великаго значенія артиллеріи». Часа въ четыре все было окончено (парижанъ погибло не болѣе двухъ сотенъ) и на другой день Парижъ принялъ обычный видъ; театры были переполнены.

Такимъ образомъ, Наполеонъ оказалъ громадную услугу своему отечеству и за эту услугу онъ былъ назначенъ главнокомандующимъ надъ войсками, дѣйствовавшими противъ союзниковъ Италіи. Это было въ 1796 году.

«Генераль Вандемьеръ», какъ называли Наполеона нѣкоторые генералы, сталъ главнокомандующимъ внутренней арміи. «Его имя, говоритъ Трачевскій, уже знакомое войскамъ, вышло изъ мрака неизвѣстности для всего свѣта и передъ нами уже другой человѣкъ: изъ куколки выпорхнулъ мотылекъ».

Въ томъ же 1796-омъ году Наполеонъ вступилъ въ гражданскій бракъ, наканунѣ назначенія его на должность главнокомандующимъ итальянской арміей. Онъ вступилъ въ бракъ съ Жозефиной, которая была дочерью одного французскаго дворянина Таше-де-ла-Пажери. Дочь

его, Жозефина, не отличалась ни образованіемъ, ни красотой, но была, благодаря своему чрезвычайно мягкому нраву весьма привлекательна. Обучалась она въ Поръ-Рояльскомъ монастырѣ, а черезъ два года ее выдали замужъ за младшаго сына маркиза Богарне. Но скоро она овдовѣла, ибо ея мужа казнили на гильотинѣ во время революціонныхъ вспышекъ. Дѣти Жозефины были отданы на попеченіе тетушки госпожи Эгле, очень видной особы, такъ какъ Жозефину на нѣкоторое время арестовали, какъ жену генерала Богарне, на котораго былъ поданъ доносъ.

Въ скоромъ времени она сумѣла обратить на себя вниманіе Наполеона, который не замедлил въ нее сильно влюбиться. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ произошло бракосочетаніе Наполеона съ Жозефиной. Бракъ этотъ былъ и по любви и по расчету, такъ какъ Наполеонъ не могъ не видѣть всемогущества женщинъ, воскресшее, какъ при «старомъ порядкѣ».

Но черезъ три дня послѣ свадьбы, Наполеонъ уже отправился за Альпы и звалъ туда и жену, но послѣдняя подъ разными предлогами не ѣхала. Тогда Наполеонъ написалъ Карно такое письмо:

«Я въ отчаяніи, жена не ѣдетъ. У нея навѣрное есть любовникъ, который держитъ ее въ Парижѣ. Да будутъ прокляты всѣ женщины!»

Директорія, опасаясь, что Наполеонъ броситъ армію и пріѣдетъ за женой, послала Жозефину, и она поѣхала.

Таковы общія свѣдѣнія о Наполеонѣ до его итальянскаго похода.

Итакъ, принимая во вниманіе всю вышеописанную жизнь Наполеона во время его дѣтства и молодыхъ годовъ, мы не можемъ не согласиться со словами Слоона, который по адресу Наполеона говорилъ, что «онъ въ дѣтствѣ былъ непослушнымъ и буйнымъ ребенкомъ, у котораго стремленіе возмущаться противъ авторитета поддерживалось тогдашними ходячими хлесткими фразами, подготовившими революцію».

Школьный возрастъ былъ для него отравленъ не только бѣдностью и лишеніями, но также и насмѣшками подростковъ аристократовъ, отказывавшихся признавать дворянское достоинство Наполеона, которымъ онъ очень гордился, не смотря на сомнительность такового. Умъ Наполеона еще въ отрочествѣ съ негодованіемъ отвращался отъ схоластической мякины, которую ему подносили неспособные учителя подъ видомъ науки. Воображеніе мальчика блуждало безъ всякой направляющей узды среди идеаловъ классической древности и теоріи XVIII столѣтія. Наполеонъ зачитывался тогда Плутархомъ и признавалъ своимъ руководителемъ Руссо.

Изъ этихъ матеріаловъ онъ построилъ себѣ собственный взглядъ на жизнь, одновременно практичный и фантастическій, управлявшійся естественными привязанностями, но въ то же время диктаторски власт-

ный, охватывавшіи широкіе горизонты, но ограниченный недостаточностью знаний.

Наполеонъ оказался поэтому плохимъ подчиненнымъ на томъ мѣстѣ, на которое поставила его судьба въ распатанномъ и одряхлѣвшемъ французскомъ государственномъ механизмѣ.

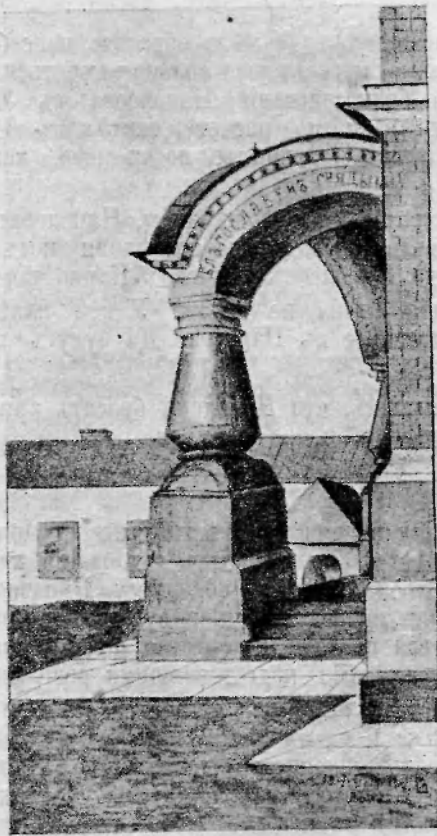

Рис. Мих. Си-о.

О современномъ писательствѣ.

Литературныя замѣтки.

— Что новаго въ литературѣ нашихъ дней?

Вотъ вопросъ, на который затрудняешься отвѣтить. Правда,—что новаго въ современной литературѣ? Если говорить о *заглавияхъ* книгъ, выброшенныхъ за послѣднее время на книжный рынокъ, то, пожалуй, здѣсь, дѣйствительно, можно насчитать съ полъ—дюжины „новинокъ“.

„*Руконогъ*“ (почему не—„*Ногорукъ*“?)—книгоиздательства „Центрифуга“ (sic!).

„*Холуй*“—эпизодъ Н. Костомарова.

„*Абд-ал-Ваххаб-аш-ша*,—раннй и его книга *разсыпанныхъ жемчужинъ*“—А. Шмидта.

Мало? Вотъ еще,—самое новое, самое „распространенное“ и несомнѣнно само дешевое. Это—

„*Сборникъ пролетарскихъ писателей*“. Съ предисловіемъ „самого“ папаши—Максима Горькаго, цѣною въ 40 коп.! Дешевле дешеваго.

„*Законный грѣхъ*“—А. Амфитеатрова. Цѣна—два рубля. Это уже значительно дороже,—а меньше никакъ нельзя. Престижъ писателя непременно долженъ быть на известной высотѣ. Я понимаю Амфитеатрова. Назначь онъ за свой „*Законный грѣхъ*“—75 коп., сейчасъ же на него посмотрятъ косо и подумаютъ (непремѣнно подумаютъ!):

— Эврика, да онъ въ *копеечнаго писаку* превратился,—не стоитъ его и *покупать*...

Не то при двухъ-рублевой цѣнѣ.

— Гей, народъ молодцы,—пжалте! Два рублика-съ, дешевле не можемъ,—потому фирма ужъ такая,—старая, значить... Пжалте...

И покупаютъ. И неразрѣзанную ставятъ на полку, чаще—бросаютъ въ корзину подъ столъ. Смотря по настроенію.

А все-таки покупаютъ.

Я понимаю Амфитеатрова.

Книгоиздательство „Жизнь и знание“ (sic!) новымъ изданіемъ выпустило очередной плевкокъ М. Горькаго — „Городокъ Окуровъ“. Кромѣ сего вышла его новая повѣсть „Матвѣй Кожемякинъ“, идейное содержаніе которой укладывается въ трехъ словахъ: „Мазнемъ по мордѣ“ и т. д. все въ такомъ же, чисто извозчицьемъ духѣ.

Этого скромнаго перечня „литературныхъ новинокъ“ вполне достаточно, чтобы у читателя сложилось полное, законченное и яркое представленіе о состояніи современнаго писательства.

Злой шутникъ вправѣ бросить намъ горькій упрекъ:

— Какъ дошли вы до жизни *такой*?!

Какъ? — да все тѣмъ же путемъ канканирующаго богоискательства и хулиганской философіи всеотрицанія. Методы старые, избитые, шаблонные и нудные до тошноты. Только „соусъ“, только „приправка“, „гарниръ“ мѣняется. Сегодня свекла съ огурцомъ и картошкой, а завтра картошка съ огурцомъ, свеклой и... чеснокомъ. Сегодня паясничество, пастельность и оголенность до подробнѣйшаго описанія „актовъ“ и „симптомовъ“, а завтра реализмъ бульварнаго пошиба, трафаретное безвѣріе, какъ мѣрило либеральнаго образа мышленія, декаденщина, изви вающаяся въ потокѣ бессмысленныхъ словъ и фразъ — *modern* и опять паясничество, паясничество безъ конца.

Ничего, что дурацкій колпакъ вмѣсто лавроваго вѣнка, — что бубенцы вмѣсто слезъ восторга, — что румяна и *rouge Simon* вмѣсто паюса и умиленія. Ничего, — гаерство нынче въ модѣ. Оно легче и для тѣхъ, кто его „исполняетъ“, и для тѣхъ, кто его воспринимаетъ. Оно легче, — въ этомъ вся сила, въ этомъ вся сущность современнаго писательства.

Я громами смѣялся во мглѣ отдаленія,

Я вокругъ молніи пѣлъ переключкой громовъ.

(К. Б а л ь м о н т ь).

Это куда легче, чѣмъ смѣяться сквозь слезы, никому не зрима...

Когда просматриваешь различные сборники и альманахи нашихъ дней, вродѣ „Шиповника“, „Земли“, „Аргуса“, „Аполлона“, „Вѣстника Знанія“, „Современника“ и прочихъ „передовыхъ“ изданій, сердце охватываетъ безысходная грусть, тоска по милому прошлому, Русскому, пусть не достаточно „прогрессивному“, но неотъемлемо нашему. Хочется съ силой одернуть нашествіе иноплеменныхъ, хочется зычнымъ голосомъ закричать непрошенному гостю: уходите вы прочь отъ насъ, „варваровъ“! Дайте намъ жить *нашей*, самобытной жизнью. Дайте намъ думать такъ, какъ подсказываетъ намъ *наша* душа, *наше* сердце, *нашъ* умъ, — пусть „корявый“, пусть „отсталый“, „ретроградный“, но достаточно глубокий, чтобы дать міру Пушкина, Гоголя, Тургенева, Достоевскаго и Толстого!..

Увы, читатель, мы давно уже идемъ на помочахъ. Все несчастье, вся трагикомедія нашей, вотъ теперешней Русской жизни заключается, именно, въ томъ, что насъ тянутъ не туда, куда хотимъ *мы*.

Коверкаются начинающие таланты, сбиваются молодые порывы, протитуируются священные идеалы... Игра на животных страстях и инстинктах, слюнявое смакование низменных „половых проблем“, — смакование под прикрытием красиваго флага различных „свобод“ — любви, сводничества, вытравливанія плода, — все это увлекает богатую молодую Русскую душу на путь полного обезличиванія и нравственнаго, духовнаго вырожденія...

Мих. Спасовскій.

Книги, поступившия для отзыва въ редакцію „Вешнихъ Водъ“.

Буткевичъ Т. И., протоіерей. О смыслѣ и значеніи кровавыхъ жертвоприношеній въ до-христіанскомъ мірѣ и о такъ называемыхъ ритуальныхъ убійствахъ. Харьковъ. 1914 г. Цѣна 45 коп. Весьма обстоятельно авторъ описываетъ устройство у древнихъ іудеевъ жертвенниковъ для кровавыхъ жертвоприношеній и самое жертвоприношеніе согласно указаніямъ пятикнижія Моисея.

Бутки. Каббала, ереси и тайныя общества. Петроградъ. 1914. Ц. 1 руб. Происхожденіе всякихъ тайныхъ обществъ авторъ относитъ къ іудеямъ, и доказываетъ это тѣмъ, что всѣ взгляды тайныхъ обществъ покоятся на іудейской каббалѣ.

А. В. Жуковский. Звѣзды угасшія... Книга 2-ая. Юрьевъ 1914. Цѣна 50 коп. Много звучныхъ и красивыхъ вещицъ, много искреннихъ строкъ и душевной теплоты. Нѣкоторыя стихотворенія не лишены силы и яркости.

Для кого же сверкають златистыя звѣзды,
Для кого расцвѣтають ночныя цвѣты,
Если всюду разрушены счастья гнѣзды,
Если въ жалкихъ лохмотьяхъ одѣты мечты?..

Удачно сплетается характерный налетъ грусти въ поэзіи молодого автора съ описаніемъ природы.

Я когда то слыхаль, какъ шепталися травы
И какъ зыбь умирала на глади пруда,
А теперь предо мной лишь ограды, заставы,
Все замолкло, забыто, ушло навсегда...

Однако, эта вторая книга стиховъ А. В. Жуковскаго, во многомъ уступаетъ первой, озаглавленной—„Струны дрожація“... Тамъ подражаніе Бальмонту и Брюсову, особенно первому, сказывалось незначительно.

Здѣсь же авторъ не скрываетъ своей слабости и широко *копируетъ* современныхъ наиболѣе модныхъ декадентствующихъ поэтовъ, чѣмъ, конечно, сильно обезличиваетъ, роняетъ себя. А жаль,—судя по „Струнамъ дрожащимъ“, молодой поэтъ общалъ много самобытнаго. Копія, какъ подражаніе, прежде всего связываетъ человѣка, обезличиваетъ его,—затѣмъ она, какъ бы хороша ни была, всегда ниже оригинала.

Сны отмелькавшіе, сны отлетѣвшіе,
Сны позабытые, сны потускнѣвшіе,
Сны музыкальные, сны мимолетные,
Сны невозвратные, сны беззаботные и т. д.

Вѣдь это даже не красиво. Какъ ни читай эти „сны“—съ начала ли, съ конца ли, съ середины, съ какимъ чувствомъ ни декламируй ихъ,—все равно кромѣ простой тарабарщины ничего не получается. И такъ вездѣ, гдѣ авторъ силится что-то написать „по Брюсову“ или „по Бальмонту“.

Неужели у А. В. Жуковского не хватаетъ силъ удержаться отъ соблазна и остаться самимъ собою? А быть до послѣдняго штриха оригинальнымъ—куда выше—и почетнѣе и красивѣе (въ этомъ—*свобода* творчества!), чѣмъ кропать хлесткія „подражательныя вирши“.

Досадно за молодого автора, главнымъ образомъ, потому, что онъ можетъ смѣло обойтись безъ этого слѣпago идолопоклонства передъ Брюсовыми и Бальмонтами. Къ чему „хлопьями думать“ (мозги на что?), молиться морю (а Богъ гдѣ?) и кричать чайкой (гмъ, гмъ...),—къ чему продѣлывать всѣ эти смѣшныя *salto-mortalle*,—къ чему творчество свое, безусловно талантливое, сбивать на гаерство, на шутовство!..

Книги Буткевича и Бутми можно выписывать изъ Русскаго Книжнаго Склада (комиссіонерство О-ва изученія іудейскаго племени): Петроградъ, Невскіи пр., д. 104 Ник. Дмит. Дунинъ—Борковскому.

Мусселіусъ В. Р. Руки прочь—не трогайте библию. Петроградъ. 1914. 60 коп.

Къ смерти Лядова.

Въ августѣ сего года умеръ одинъ изъ могиканъ русскаго музыкальнаго міра—Анатолій Константиновичъ Лядовъ.

А. К. родился въ 1855 году и уже 22 лѣтъ кончилъ Петроградскую Консерваторію по классу Римскаго-Корсакова, гдѣ и состоялъ профессоромъ теоріи музыки въ теченіе 35-ти лѣтъ.

Отмѣчая А. К. какъ замѣчательнаго педагога, мы главнымъ образомъ должны сказать о немъ, какъ о композиторѣ.

Изъ его сочиненій особенно замѣчательны фортепіанная, какъ отличающіяся богатствомъ гармоніи, элегантностью и технической разработкой.

Всѣ они написаны въ духѣ Шумана.

Такъ, на примѣръ: *Вирюльки* (ор. № 2), представляющія цѣлый рядъ небольшихъ пьесокъ, сценъ, весьма граціозныхъ и оригинальныхъ.

Затѣмъ, болѣе интересныя: *Etudes, Preludes, Masurcas, арабески* и *Intermezzi*.

Обращаемъ вниманіе на нѣсколько нумеровъ изъ его знаменитыхъ *Парафразъ*.

Изъ оркестровыхъ произведеній замѣчательны: *Scherzo* (D dur), *Волшебное Озеро*, *Баба Яга*, *Кли сѣмора*, заключительная сцена изъ «*Мессинской Невѣсты*» по Шиллеру—для оркестра, хора и отдѣльныхъ голосовъ.

Лядовъ являлся истиннымъ пионеромъ русской національной музыки, глубокой по содержанію и интересной по изложенію.

Русское искусство понесло тяжелую утрату въ лицѣ Лядова.

Ред. М. Шаповаловъ

ЖИВЫЯ

ИСКОРКИ.

Т Р И.

Разказъ.

(Истинное происшествіе).

Трихъ было три. Одну прозывали Саклитюхой, другую—Танька-Треугольникъ, а третью—Сенькой Петровной. Собственно первую звали Настей, а Саклитюхой прозвали за ея языкъ; вторую звали Татьяной, а треугольникомъ за то, что ея лицо напоминало эту фигуру; третьей имя было—Марія, а прозвали ее Сенькой Петровной за ея равнодушіе къ нѣкому обывателю нашихъ мѣстъ—Семену Петровичу Барабанову.

Танька—Треугольникъ была слѣпой, а всѣ три вмѣстѣ—добрими подругами.

Сенька Петровна не получила взаимности со стороны Барабанова, но что подѣлать съ глупымъ сердцемъ? Оно не считается съ тѣмъ, отзывается ли другое сердце на ея біеніе, такъ сказать—бьется ли оно въ униссонъ, или даетъ отбой... оно просто живетъ и бьется, спрѣчь—любить и страдаетъ.

Барабановъ не зналъ, что Саклитюха, Танька—Треугольникъ и Сенька Петровна—подруги.

Былъ у него пріятель тоже изъ портныхъ—еврей, Мархусъ Хаимовичъ Бѣленькій, хотя самъ себя онъ называлъ Маркомъ Ефимовичемъ.

Этотъ послѣдній не на шутку ударялъ за Сенькой Петровной и даже ея кривой глазъ его не смущалъ, такъ-какъ онъ твердо рѣшилъ, что это къ ней идетъ.

Какъ то разъ (это было не то въ субботу, не то въ воскресенье, однимъ словомъ, когда Бѣленькій не работалъ ни въ тотъ. ни въ другой день, а съ нимъ и Барабановъ), послѣдній поймалъ Саклитюху за рукавъ у забора, рядомъ съ сапожной и мелочной.

— Настасья! крикнулъ онъ, но Настасья шмыгнула къ сапожнику и только черезъ нѣсколько минутъ появилась въ окнѣ.

— Анастасея Митреевна! прошу такъ и величать!—кинула она ему изъ окна, показывая рядъ крупныхъ бѣлыхъ зубовъ.

Барабановъ покачалъ головой, почесалъ за ухомъ и спросилъ:

— А ты знаешь, Анастасея Митреевна, пѣсню, какъ она поется?

«Ай, Настасья отопри,

«Ай, Настасья, отвори!..

А она отвѣчаетъ:

«Я бы рада, отворила,
«Да со мной сидитъ Гаврила».

— Каторжный!—выругалась Саклитюха,—брысь съ подоконника!
Чего надуть?

— А я ладоньку твою чмокнуть хотѣлъ, а въ губки присоединить;
они такія аппетитныя, — отвѣтилъ Барабановъ.

— Что я тебѣ за лакомства досталась? Слышишь, сендюкъ, барабанъ! барабанъ и есть! Мнѣ бы, вотъ, палочки только, я бы сыграла на тебѣ... Брысь съ подоконника, говорить,—дохлый!

— Чего же ты ругаешься, Саклитюха? одно слово—сухая Саклитюха! Эхъ ты, чучело! сапожное ремесло! губы то намазала, точно гуталину поѣла!

— Вотъ тебѣ мой гуталинъ,—отвѣтила Саклитюха и основательно плюнула въ лицо Барабанова, смазавъ при этомъ старой шваброй.

— Одно слово — Саклитюха, обтираясь проговорилъ Барабановъ и злой отошелъ отъ окна.

— Знаемъ, васъ, хулители!—кричала Саклитюха ему въ догонку,—смущаютъ годъ дѣвку, а потомъ подѣвзжаютъ къ другимъ, ладоньку чмокнуть... Каторжный!

Злой Барабановъ наткнулся на слѣпую Таньку—Треугольникъ. Къ Треугольнику Барабановъ чувствовалъ жалость за ея слѣпые глаза и любилъ отвести душеньку въ разговорахъ съ ней.

— Это вы, Семень Петровичъ?—спросила слѣпая, —я по шагамъ узнаю васъ.

— Также, какъ я узнаю моего Хаимку Бѣленькаго по кривымъ ногамъ?—отвѣтилъ Барабановъ.

— А для меня онъ, что бѣленькій, что черненькій, все едино, не разбирать стать вашего жидка; я его по разговору отличаю отъ благородныхъ людей.

— Да! коли-бы онъ былъ благородный, какъ я, такъ не шмыгалъ бы за хвостомъ этой кривой,—отвѣтилъ Барабановъ.

— Это вы про Маню гуторите?—спросила его Танька-Треугольникъ.

— Да, про Марусеньку. Вотъ крученая дѣвка! ни дать, ни взять Саклитюхѣ пара. Только эта на языкъ востра, а та на разумъ тупа. Умнаго словечка толкомъ брякнуть не умѣетъ. Сидитъ и свой платокъ мусолить.

Слѣпенькая рѣшила защитить свою подругу.

— Это оттого, что дѣвка она степенная, да и вообще-то она хорошая, ядреная и прелюбезная.

— Ну, ужъ вы скажете—ядреная! въ ней никакого и словообразования нѣту, не родится, —сказалъ Барабановъ съ насмѣшливой улыбкой.

— Не родится, это вѣрно! но дѣвка она кривоватая, а кривоватая всегда видящая, во всѣ углы углядитъ. Она хорошая, добръющая.

— Ну, нѣтъ! рвань! ситцевая рвань! и вотъ вамъ весь лотокъ,—заявилъ Барабановъ.

Издали показался Бѣленькій. Подойдя поближе къ Барабанову, онъ громко заголосилъ:

— Ай, вей, гевальт! Барабанчикъ, комъ гирь!

— А вотъ и жидовинъ твой, сказала Танька-Треугольникъ.

— Комъ гирь, комъ гирь! — кричалъ Бѣленькій, — Барабанчикъ херсте? комъ гирь!

— Иду, иду Хаимка, — сказалъ Барабановъ и, попрощавшись со слѣпой, подошелъ къ нему.

— Барабанчикъ, вамъ зовутъ! спѣшный заказъ! развѣ вы забыли? хозяинъ шпрахтъ, зацѣмъ Барабанчикъ все тутъ съ дѣвцами, а не работаетъ. Онъ, шпрахтъ, шкура барабанова пусть работаетъ.

Затѣмъ онъ перемѣнилъ тонъ.

— А я, Барабанчикъ, видѣлъ Маріамну! херсте? Маріамну видѣлъ... О! какова она дѣвочка! вы панъ Барабанчикъ ее ужъ того... не трогайте. Я на нее вспылить всѣмъ духомъ!

— Духъ то у тебя, знаешь. того, жидовскій! вотъ, что плохо, — отвѣтилъ Барабановъ, она пожалуй на тебя не вспылитъ.

— Ну, жидовскій! ну пусть я жидъ. а я человекъ, какъ и ты, какъ и Маріамна и у меня духъ есть, и у меня сердце есть... а мы васъ знаемъ и вашу пословицу знаемъ: — «пришла бѣда — зови жида, ушла бѣда — гони жида». Не хорошо это, панъ, Барабанчикъ, херсте? Хозяинъ велѣлъ тебя завать, гайда за сюртукъ и брюки!

* * *

Вечеромъ попозже три подруги — Саклитюха, Танька-Треугольникъ и Сенька Петровна собрались на крыльцѣ у прачки Анейки и дѣлились впечатлѣніями дня грызя гнилые подсолнухи.

У Сеньки Петровны оказалось въ запасѣ одно моченое яблоко, и она отдала его своей слѣпенькой подругѣ.

Саклитюха рассказывала, какъ Барабановъ хотѣлъ ее въ ладоньку или губы чмокнуть.

— Я не разобрала точно, въ какое такое мѣсто хотѣлъ клонуть каторжный, — сказала она, — такъ я хулите я дохлаго шваброй саданула. Это я для тебя, только, Маня, а ужъ человекъ онъ мнѣ на глазъ хорошій. Да ты не волнуйся, милая, это онъ, бродяжный, такъ, — изъ колеса.

Тогда и слѣпенькая также, въ свою очередь, рассказала про свою встрѣчу съ Барабановымъ.

— И мнѣ, Манечка, онъ тебя каталъ тоже и такъ, что гуторить совѣстно, право совѣстно. Говорить — рвань она, ситцевая рвань... Никакого словообразованія даже не родить. Рвань и только... Я, слѣпенькая, что могу возразить? Я тогда и виду не показала, что знаю про тебя, и что мнѣ неприятно, какъ онъ тебя развозитъ, точно навозъ по полю.

Сенька Петровна заплакала отъ обиды.

— Я рвань, ситцевая рвань! Я и словообразованія родить даже не могу, а Саклитюху онъ въ ладоньку поцѣловать хотѣлъ!

Она залилась горячими слезами и въ то же время, какъ подруги стали ее утѣшать, изъ-за угла раздались звуки гармоникки и пѣсня.

Барабановъ шелъ по пыльной дорогѣ, наигрывая какую то удалую пѣсню, смѣняющуюся иногда печальными куплетами и пѣль. Рядомъ съ нимъ Бѣленькій и еще одинъ подмастерье Анисимъ, за свой бабій видъ прозванный Анисьей.

Они все подошли къ крыльцу, гдѣ сидѣли подруги и окружили ихъ, а Барабановъ продолжалъ пѣть:

«Но судьба моя жестокая и странная
Разлучила насъ на муки и на горести!
И забыла ты меня, моя желанная,
Схоронила образъ мой въ глубинѣ совѣсти»...

Его пѣсня слушалась со вниманіемъ и даже Сенька Петровна перестала плакать, а вытирающъ глаза, смотрѣла однимъ на Барабанова, а другимъ на сидящую рядомъ съ ней Сиклитюху.

Барабановъ кончилъ пѣть и тутъ только замѣтилъ слезы Сеньки Петровны.

— Чего ты слезишься?—спросилъ онъ.

Услышавъ эти слова, Сенька Петровна опять заплакала пуще прежняго.

— Ай, вей, гевальт!—закричалъ Бѣленькій,—Маріамна течетъ! Панъ Барабанчикъ не пой больше и не гуди на дудляхъ, а то моя Маріамна течетъ...

— Какая такая твоя Маріамна? сгинь, пейсатый, чего блажишь?—гаркнула на него Сиклитюха.

— Чего она слезить?— снова спросилъ Барабановъ.

— А ты и не зналъ?—ядовито произнесла Сиклитюха,—сегодня самъ раскаталъ ее, облаялъ и забылъ?

— Да она бы на тебя каторжнаго и не посмотрѣла бы, а на твои бряхи п не вешалась-бы, да, окаянный, любь ты ей!..

— Эй, Сиклитюха! воронье пугало, вотъ какъ заѣду гармошкой въ твое мурло... стало быть не брешу.

— Ай, какое заѣхало подвезлось! ступай, а то опять рожу шваброй помою.

Барабановъ плюнулъ со злости.

— Эй, Хаимка! пойдемъ отсюда, а то и впрямь бабы задерутся. Знаешь—бабы, одно слово. А ты, Сиклитюха, подожди, когда я сало изъ тебя повыжму. Анисья, идемъ!

Онъ взялъ снова свою гармошку, надвинулъ картузь на затылокъ, лихо свистнулъ и весело запѣлъ:

«Вспомни, вспомни, тетка Домна,
Про Лукьянову любовь»,

а вслѣдъ ему несся голосъ Сиклитюхи:

— Бродяжный!

Вяч. И.

ИЗЪ ПАРИЖСКИХЪ КАРРИКАТУРЪ.

Бумъ-Бумъ II.

По непредвидѣннымъ обстоятельствамъ.

Изъ газетъ: „Вильгельмъ приглашалъ своихъ друзей на 11 августа (29 іюля ст. ст.) на обѣдъ въ Парижъ.

Обѣдъ этотъ былъ отмененъ, такъ какъ кайзеръ задержался за завтракомъ въ Бельгii. (В. В.).

Конецъ редакціонной части.

Редакторъ **Ник. Навалихинъ (Ник. Муратовъ).**

Издатели: **Вяч. Игнатовичъ и Мих. Спасовскій.**

Оглавление.

	стр.
I.	
Передовая	5
Высочайшій манифестъ	8
Дневникъ Отечественнoй войны 1914 года	10
А ргоров	14
Письма въ редакцію	16
Студенческiй справочникъ	19
II.	
Изъ тихаго о мута. Романъ курсистки <i>А. Чемодановой</i>	25
„Когда встаетъ туманъ... Стих. студ. <i>А. В. Жуковскаго</i>	45
Прелюдъ. Студ. <i>Вяч. Игнатовича</i>	46
Закатныя поля. Стих. студ. <i>Як. Ильина</i>	47
Привѣтъ героямъ! Ст. <i>Мих. Спасовскаго</i>	48
Богема. Разказъ <i>А. Чемодановой</i>	51
„Вся жизнь моя“.. Стих. <i>А. В. Жуковскаго</i>	65
Жемчужное кольцо. <i>Вяч. Игнатовича</i>	66
Чары красоты. Студ. <i>Ник. Муратова</i>	67
„Мертвая зыбь“. Стих. <i>А. В. Жуковскаго</i>	71
Евреи. Разказъ <i>Вяч. Игнатовича</i>	72
Письмо васильковъ къ незабудкамъ. Стих. <i>А. Жуковскаго</i>	76

III.	стр.
Новое... Очеркъ студ. <i>М. О. (М. М. К.)</i>	79
Бумажныя деньги. Ст. <i>Мих. Спасовскаго</i>	84
Гармонія мирового хаоса. Научное изслѣдованіе <i>Вяч. Игнатовича</i>	88
Дѣтство и молодые годы Наполеона. Истор. очеркъ <i>А. В. Жуковскаго</i>	98
О современномъ писательствѣ. Литературныя замѣтки <i>Мих. Спасовскаго</i>	115
Некрологи. Къ смерти Лядова. <i>Вяч. Игнатовича</i>	120

Живыя искорки.

Три. Разказъ. <i>Вяч. Игнатовича</i>	123
--	-----

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА ГАЗЕТУ

„ПЕТРОГРАДСКІЯ ВѢДОМОСТИ“.

(сто восемьдесятъ восьмой годъ изданія).

Условія подписки: съ дос. и перес. на годъ (съ 1-го января) 6 руб., 1/2 года—3 руб.,
1 мѣс.—1 руб.

Подписка и объявленія принимаются зъ Петроградъ: Шпалерная ул., 26, въ Мо-
сквѣ: въ конт. Н. Печковской, Петровская линия д. № 61.

Редакторъ-Издатель: князь Э. Э. Ухтомски.

Продолжается подписка на
ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ и ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

КОЗЬМА МИНИНЪ.

Выходитъ въ Н. Новгородъ одинъ разъ въ недѣлю по суб. Подписная цѣна: въ
Н. Новгородъ съ дост. на годъ—2 р. 50 к., иногороднимъ—3 р., на 1/2 года 1 р. 50 к.

Адресъ редакціи: Н. Новгородъ, Большая Покровка, 50.

Редакторъ Гр. Васильевъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1914 годъ
НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ЭКОНОМИЧЕСКУЮ и ЛИТЕР. ГАЗЕТУ

ЧЕРНИГОВСКОЕ СЛОВО.

Подписная цѣна: съ дост. въ Черниговѣ на годъ 3 р., съ пересылкою въ
Россіи—5 р., на мѣсяць—45 к.

Редакторъ-Издатель Н. С. Ширай.

СИБИРСКАЯ ПРАВДА. ЗА ВѢРУ, ЦАРЯ и ОТЕЧЕСТВО.

Еженедѣльная, политическая, общественная и литературная газета.

Выходитъ въ г. Томскѣ.

Подписная цѣна: на годъ съ дост. и перес.—3 р., на 1/2 года—1 р. 50 к., на
1 мѣс.—30 коп. Адресъ Редакціи: г. Томскъ, Подгорный пер., д. 2.

И. о. Редактора І. С. Евсигнѣвъ.

КНИГИ

изд. С. А. Козловскаго для самообученія: Рѣш. и подробн.
объясн. 2—10-ю спос. всѣхъ арием., алгеб., геомет., триг.
и анал. зад. сборниковъ: 1) Верещагина; 2) Малинина и
Бур.; 3) Гольденберга; 4) Евтушевскаго ч. ч. I и II; 5) Ар-
бузова и К^о; 6) Шапошникова и Вальцова; 7) Киселева;
8) Сорокина; 9) Рыбкина; 10) Клюновскаго; 11) Минина;
12) Вулиха; 13) Давидова; 14) Бычкова; 15) Стеблева; 16) Злотчанскаго; 17) Воинова;
18) Горячева и др. Скидка 20% при Вашей перес. Подроб. объявл. съ образц. рѣш.
зад. высылаю бесплатно. Выписывать исключ. по адресу: *Бѣлая-Церковь*, Киев. губ.,
С. А. Козловскому.

Мих. Спасовскій.

БОЛЬНОЕ ТВОРЧЕСТВО.

(Русская литература и евреи).

Петроградъ 1914. Цѣна 50 коп.

Продается въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, „Вѣра и Знаніе“, Вольфа, Сыгина, Башмакова и др.

Складъ изданія у автора: Петроградъ, 7-я Рождественская ул., д. 4, кв. 13.

Выписывающіе изъ склада (наложеннымъ платежомъ) за пересылку приплачиваютъ 15 коп.

Г А З Е Т А

СВОБОДА и ПОРЯДОКЪ.

Девизъ: Кто не противъ насъ, тотъ уже съ нами.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

Подписная цѣна: на 1 годъ—2 руб., на 1/2 года—1 р., на мѣсяць 17 коп
Цѣна №—1 коп. Перемѣна адреса 30 коп.

Подписка принимается въ конторѣ газеты: Петроградъ, Шпалерная ул., д. 30. Тел. 170-47.

Редакторъ **Е. А. Борнъ**, урожд. Шабельская.

Издатель докторъ **А. Н. Борнъ**.

А. В. Жуковскій.

ЗВѢЗДЫ УГАСШІЯ...

Книга 2-ая. Юрьевъ, 1914 г. Цѣна 50 коп.

Продается въ Главной Конторѣ журнала „Вешнія Воды“: Петроградъ, 7-я Рождественская, 4.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ

ГОЛОСЪ РУССКАГО

(НЕЗАВИСИМЫЙ ВѢСТНИКЪ ПАТРИОТА).

Подписная цѣна, съ доставкой и перес. въ 1914 году (восьмой годъ изданія): на годъ—7 р., на 6 мѣс.—4 р., на 3 мѣс.—2 р. 50 к., на 1 мѣс.—1 р., за границу—въ полтора раза дороже. Объявленія: впереди текста 90 к. и послѣ текста 30 к. за строчку петита; крупныя и многократныя объявленія—по особому соглашенію. Подписная плата и вообще вся переписка направляются на имя Владимира Андреевича Балашева: Москва, Воротниковскій переулочекъ, домъ № 12.

Редакторъ-Издатель **Владиміръ Балашевъ**.

ВЯЧ. ИГНАТОВИЧЪ.

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ:

„Иль можетъ быть“. Романсъ для сопрано. Слова Эммы Гейдеррихъ Ц. 40 коп.

„Romance melancolique“ (sans paroles). Ц. 30 коп.

„Romance triste“ (sans paroles). Ц. 30 коп.

Изданія Соколова (Петроградъ, Гостиный Дворъ. 1).

ГОТОВИТСЯ КЪ ИЗДАНИЮ:

„Romance lirique“ (sans paroles). Ц. 30 коп.

„Сопата—1914-ый годъ“. Ц. 1 рубль.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1914 годъ

на большой еженедельный военно-общественный и литературный

Ж У Р Н А Л Ъ

„КУБАНСКИЙ КАЗАЧИЙ ВЪСТНИКЪ“.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА. На 1 годъ съ доставкой и перес. 6 р., на 1/2 года 3 р. 50 к., на 3 мѣсяца 1 р. 75 к., на 1 мѣсяць 60 к.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: При подпискѣ—2 р., къ 1-му марта—2 р. и къ 1-му июня 2 р. или ежемѣсячно по 1 р. до 1-го июня включительно.

Подписка принимается только съ 1-го и 15 числа каждаго мѣсяца и исключительно въ конторѣ редакціи журнала „Кубанскій Казачій Вѣстникъ“ въ Екатеринодарѣ, почтовый ящикъ № 80.

И. д. Редактора-Издателя И. И. Борець.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1914 годъ

на большую ежедневную газету

РЕВЕЛЬСКИЙ ВЪСТНИКЪ.

II ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Подписная цѣна: Съ доставкой и пересылкой: На годъ—7 руб., на 6 мѣс.—4 руб., на 3 мѣс.—2 руб., на 2 мѣс.—1 р. 40 коп., на 1 мѣс.—70 коп.

Адресъ Конторы и Редакціи „Ревельскаго Вѣстника“: г. Ревель, Глиняная ул., д. № 16, кв. 3. Телефонъ 840.

Корреспонденціи, статьи и разнаго рода замѣтки, присылаемыя въ редакцію газеты и признанныя неудобными къ напечатанію, ни въ какомъ случаѣ не возвращаются.

Цѣна отдѣльнаго нумера 3 коп., а съ приложеніемъ иллюстрированнаго журнала „Улей“—5 коп.

Редакторъ-Издатель В. Н. Осокинъ.

Открыта подписка на 1914 годъ

на ежедневную (кроме дней послѣпраздничныхъ) безпартійную газету съ еженедѣльными иллюстрированными приложениями

„СѢВЕРНОЕ СЛОВО“

(4-й ГОДЪ ИЗДАНИЯ).

выходящую въ г. Вяткѣ.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ и КОНТОРЫ: Преображенская ул., д. 25. Телефонъ № 314.

Подписная цѣна на „СѢВЕРНОЕ СЛОВО“ (съ приложениями): На годъ—7 руб., на 6 мѣс.—4 руб., на 3 мѣс.—2 руб., на 1 мѣс.—75 коп.

Для крестьянъ, рабочихъ, сельскихъ учителей и учительницъ, подписная цѣна: на 12 мѣс.—5 руб. 60 коп., на 6 мѣс.—2 руб. 80 коп., на 3 мѣс.—1 руб. 40 коп. и на 1 мѣс.—50 коп. Перебѣна адреса 21 коп. (можно почтов. марками).

Подписка принимается съ 1-го числа наждаго мѣсяца.

ПРОБНЫЕ НУМЕРА ВЫСЫЛАЮТСЯ БЕЗПЛАТНО.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

„ВОЛГА“

на 1914 годъ. | (Девятый годъ изданія) | на 1914 годъ.

Въ течение всего 1914 г. всѣ подписчики „Волги“ будутъ бесплатно получать двухнедѣльный журналъ „Другъ Пахаря“.

Условія подписки: Для иногороднихъ: на годъ 6—р., 6 мѣс. 3 р., 3 мѣс. 1 р. 65 к., 2 мѣс. 1 р. 10 к., 1 мѣс. 55 к. Для годовыхъ подписчиковъ какъ городскихъ, такъ и иногороднихъ, допускается разсрочка подписной платы: при подпискѣ 2 р. и затѣмъ, начиная съ 1 марта, по 1 руб. ежемѣсячно; для чиновниковъ, выписывающихъ газету черезъ учрежденіе, въ которомъ служатъ,—по 50 к. ежемѣсячно.

ГАЗЕТА ВЫСЫЛАЕТСЯ НА ЛЬГОТНЫХЪ УСЛОВІЯХЪ

волостнымъ и сельскимъ управленіямъ, сельскому духовенству, учителямъ сельскихъ школъ и крестьянамъ живущимъ въ деревнѣ, по цѣнѣ: за годъ 4 р., за 6 мѣс. 2 р., за 3 мѣс. 1 р.

Отдѣльная подписка на журналъ „ДРУГЪ ПАХАРЯ“—3 рубля въ годъ.

Подписка принимается въ Конторѣ редакціи: г. Саратовъ, Московская улица д. Лисенко.

ЛИТОВСКАЯ РУСЬ

ЕЖЕДНЕВНАЯ НЕЗАВИСИМАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЭКОН. ГАЗЕТА.

ВЫХОДИТЬ ВЪ КОВНѢ.

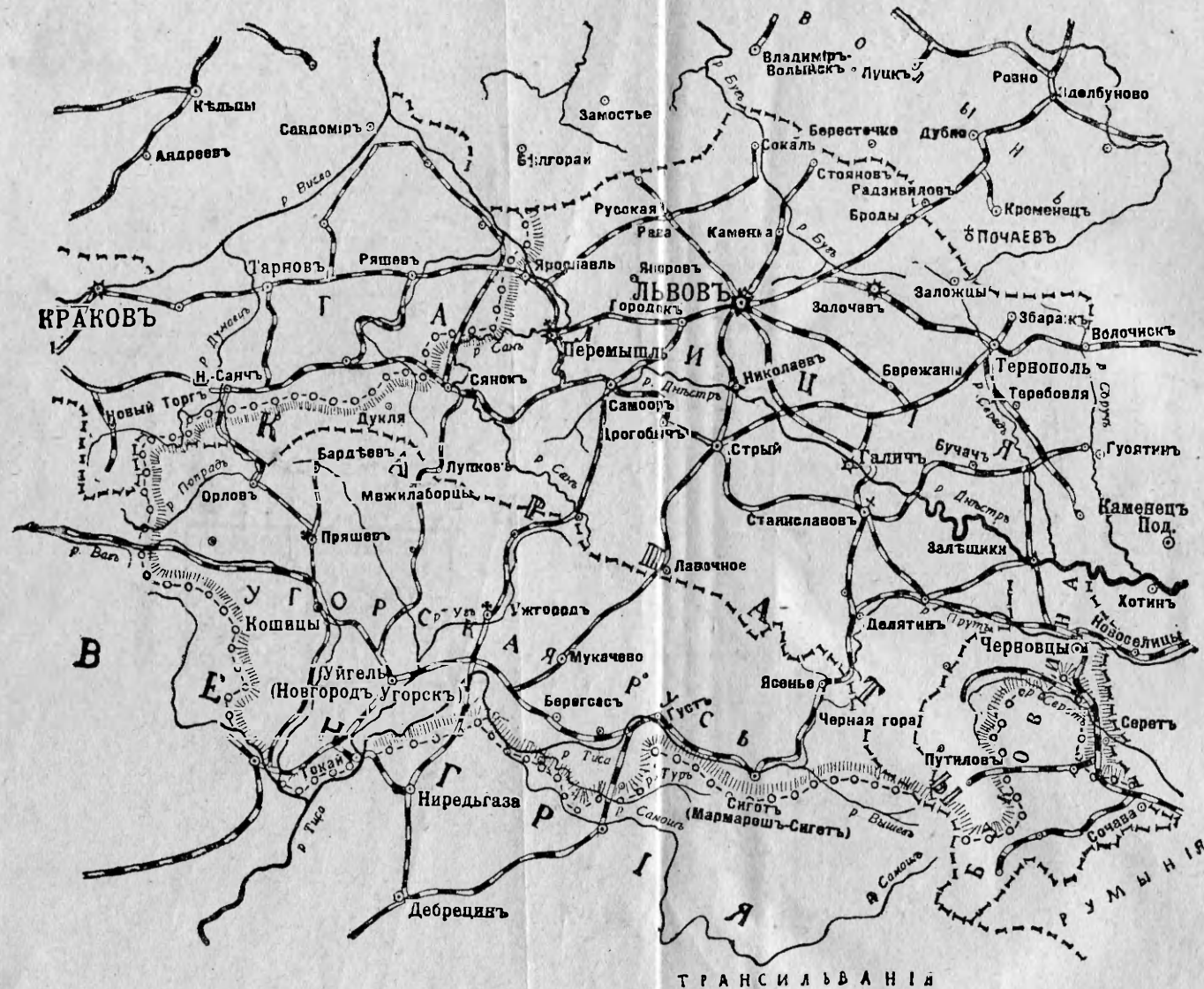
Адресъ редакціи и конторы: г. Ковна, уголь Петербургской и Вилкомирской улицъ, домъ Иллясевича.

Подписная цѣна: На годъ—5 руб., 1/2 года—2 р. 80 коп., 3 мѣсяца—1 р. 80 к., 1 мѣсяць—60 коп. За границу: На годъ—10 руб., 1/2 года—5 руб., 1 мѣсяць—1 р. При подпискѣ на годъ допускается разсрочка: при подпискѣ—3 руб., 1 июля—1 р. и 1 августа—1 р. Подписка—съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

Редакторъ И. З. Опрасковъ.

Карта русских областей Австро-Венгрии.

(Русь Галицкая, Буковинская и Угорская).

Штрихованная граница обозначает этнографическую границу русского населения Галиции, сѣв. Венгрии и Буковины. Города съ крестиками означают кафедры русскихъ епископовъ (православной — въ Черновцахъ и униатскихъ — въ Львовѣ, Перемышлѣ, Станиславовѣ, Ужгородѣ и Пряшевѣ). Звѣздочки — крѣпости. Изъ нихъ первоклассныя: Краковъ и Перемышль, второклассныя — Ярославль на р. Днѣстрѣ; Николаевъ, Галичь и Залѣшки, Золочень противъ Почаева и Львовъ. („Н. Вр.“)